

Костёр

5

МАЙ

1964

Тридцать дружных.

Вася Степанов — один из тридцати дружных ребят, фоторассказ о которых мы поместили в этот номер.

Будьте знакомы: Вася и его питомец Малютка. Прошлым летом они были одного роста, а нынче Вася едва до холки достает. Подрос Малютка.

Тридцать дружных

Метеоролог школы Коля Басов пока еще не делает далеких прогнозов, но календарь природы в образцовом порядке. Изю дня в день, в одни и те же часы, можно видеть Колину фигурку на школьной метеоплощадке.

Тридцать дружных

Фотоочерк Б. УТКИНА, Ю. ЮРКАНА 1

Кто покоряет тайгу

репортаж Л. КОКОРИНОЙ 5

Пленник кратера Арзахеля

научно-фантастическая повесть А. ШАЛИМОВА 9

Смотреть зверю в глаза

рассказ Н. ХОДЗЫ 16

Итальянский дневник

В. ТОРОПЫГИНА 24

Веселые рассказы

Е. РЕЙНА и С. ВОЛЬФА 28

Мамаев омут

рассказ А. МУСАТОВА 31

Он хорош—наш отряд

песня-игра М. БАРГМАНА и В. ФЕТИСОВА 36

Математик Жуча

сказка Б. ЧОПИЧА 38

Страшная змея веретеница

заметка Н. СЛАДКОВА 40

Необыкновенное приключение Любы Булкиной

рассказ В. ЛЕВИДОВОЙ 41

Морская энциклопедия

под редакцией С. Сахарнова 50

Пятнадцать строк из учебника

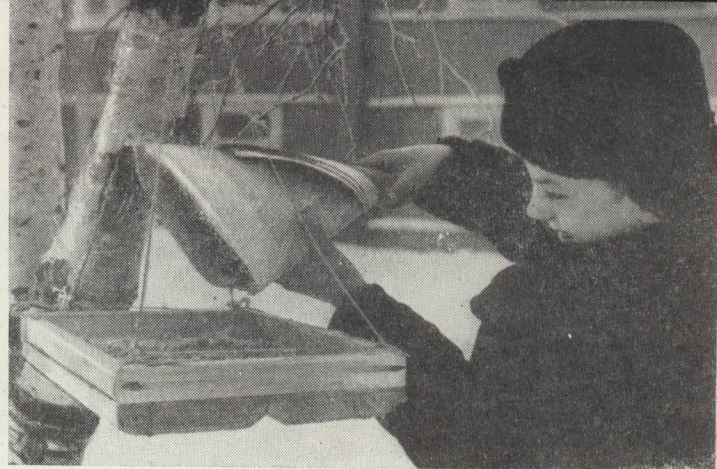
исторический очерк Н. ЦАЦОРИНА 52

„Я не хотел играть в шашки!“

беседа чемпиона мира по шашкам
И. КУПЕРМАНА 62

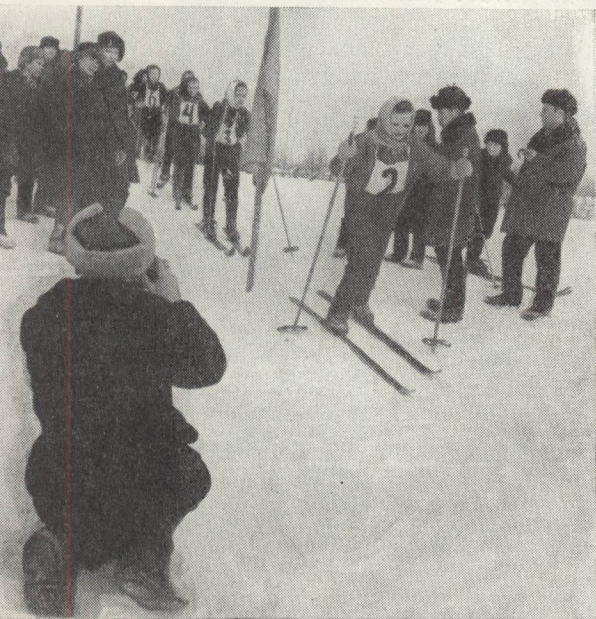
Надя Белоусова и Женя Баранова сегодня дежурят на ферме.

500 кормушек для птиц развесили Дружные под зиму. Вася Воробьев обходит свои, подшефные.

Почвы в Пялье кислые, требуют много золы, а собирать ее не легко.

Володя Давыдов, Маша Смирнова и Маша Петрова в очередном рейсе по колхозным улицам. Взрослые встречают пионеров радушно — все знают: в прошлом году Дружные собрали столько золы, что ее хватило на 50 гектаров пашни.

Его фотография займет свое место в школьной летописи. В этих соревнованиях победили Дружные.

Что за невиданные корнеплоды? В каких далеких широтах они выращены?

Ни в каких не в далеких — на пяльинском пришкольном участке вырастили ребята этих богатырей — капустно-брюквенный гибрид и капусту-кольраби. Колхозники только ахнули — 1200 центнеров в пересчете на гектар! — и приняли решение: весь урожай на семена. Пусть в колхозе будет пионерский семеноводческий участок.

Хотя эта фотография, как и другие, была сделана в феврале, ребята всю готовились к весеннему севу. Весь отряд во главе с председателем Галей Белокуровой проверял качество корнеплодов.

На древке знамени две ленты — алая и голубая. По ним золотом вышито: «Спутник Семилетки». Дважды присваивалось это высокое звание пионерской дружине Пяльинской восьмилетней школы.

Каждое утро из Печакова, Селища, Андроникова и других деревень бегут Дружные в школу. Вот уже пятый год они вместе, хотя живут на разных улицах и даже в разных деревнях.

— Один за всех в ответе, а все за одного, — такой у них девиз.

— Каждый урок в 5-а — удовольствие, — говорят о них учителя

Второй отряд — лучший в школе. Победитель всесоюзного пионерского соревнования. Так решил Ленинградский совет пионерской организации.

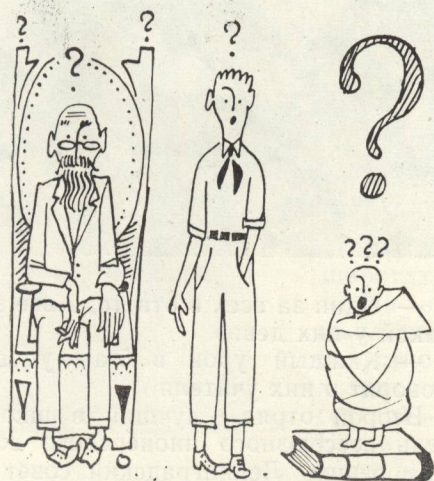
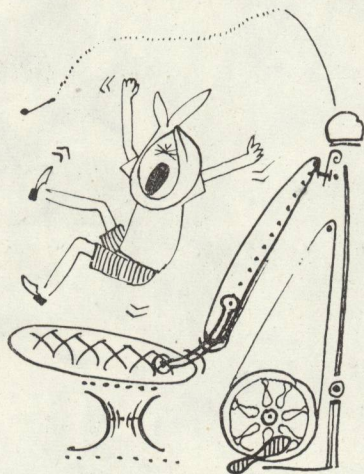
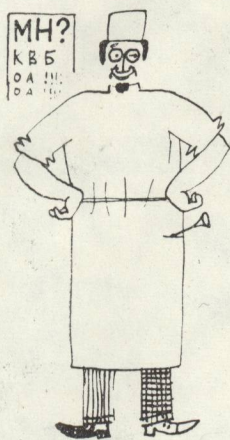
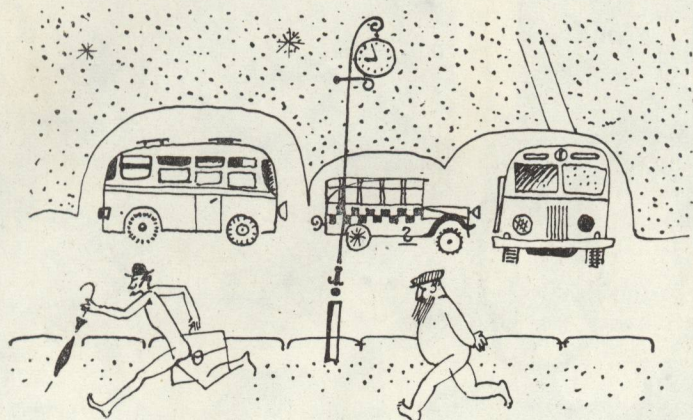
Дружных тридцать, а на снимке их двадцать восемь. Это вот почему: когда делали снимок, двоих ребят не было в школе — болели.

Фото Б. Уткина, текст Ю. Юркана

Подумайте, что было бы...

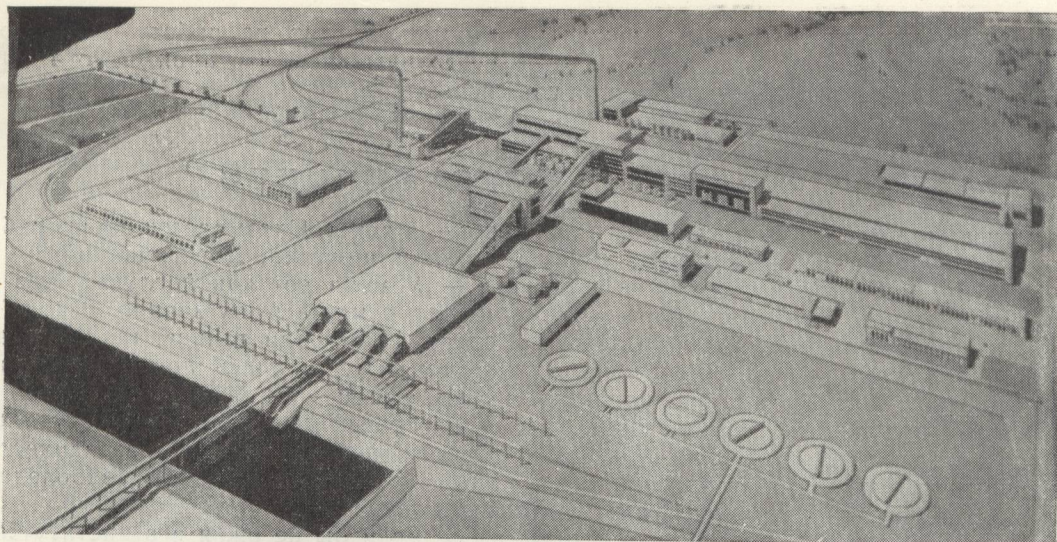
Лев Ефимов

Рисунок С. Острова

Подумайте, что было бы,
 Когда б сказал портной:
 «Шить платья мне не хочется,
 Устрою выходной!»
 И все портные в городе
 За ним ушли б домой.
 Ходили бы мы голые
 По улице зимой...
 Подумайте, что было бы,
 Когда б сказал шофер:
 «Возить людей не хочется», —
 И выключил мотор.
 Троллейбусы, автобусы
 Засыпало б снежком.
 Рабочие на фабрики
 Ходили бы пешком...
 Подумайте, что было бы,
 Когда сказал бы врач:
 «Рвать зубы мне не хочется.
 Не буду, хоть ты плачь!»
 Большим врачебной помощи
 Не стало б никакой.
 Сидел бы ты и мучился
 С подвязанной щекой...
 Сказал учитель в школе бы:
 «Мне в будущем году
 Учить детей не хочется.
 Я в школу не приду».
 Тетради и учебники
 Валялись бы в пыли,
 А вы бы неучеными
 До старости росли!
 Подумайте — какая бы
 Случилась вдруг беда!
 Но только так не делает
 Никто и никогда!
 Но только так не делает
 Никто и никогда,
 И люди не откажутся
 От нужного труда.
 Учитель обязательно
 Придет наутро в класс,
 А пекари старательно
 Хлеб испекут для вас.
 Любое дело выполнят,
 Что им ни поручи,
 Портные и сапожники,
 Шоферы и врачи.
 Мы все семьею дружною
 В одной стране живем,
 И каждый честно трудится
 На своем!

на своем!

КТО ПОКОРЯЕТ ТАЙГУ

Л. Кокорина

По левую сторону дороги густая березовая роща, за ней город — Амурск. Его еще нет на картах.

Вдоль реки лесенкой поднимаются высокие глазастые здания. Деревья не отставая бегут за ними следом. Они то кружат хороводом, то выстраиваются шеренгой, словно защищая дома от пронзительного амурского ветра.

Из-за крыш важно кивают другу другу подъемные краны: «Эй, как работается?»

По широким крутым улицам, грозно рыча, зверем проносятся МАЗы, четко по расписанию снуют аккуратные автобусы Комсомольск-Амурск.

Но где же комбинат, гигант лесохимии? Направо от дороги — в широкой заснеженной пойме стражами стоят заводские трубы, среди бетонной колоннады мигают голубые звезды электросварки. Комбината еще нет, он строится, Комсомольский целлюлозно-бумажный комбинат, первый на Дальнем Востоке.

Саша Дрей

...Глубокой ночью в автотранспортной конторе раздался звонок. Дежурный шофер Саша Дрей снял трубку. Звонили из котельной.

— Уголь кончился. Выручай, друг, город замерзнет...

— А где же начальник управления механизации?

В котельной с треском бросили трубку.

Саша пожал плечами, взял со стула рукавицы — и к начальнику.

Окна темные. То ли спит, то ли в отъезде? Саша принялся стучать. Сначала деликатно, потом загрохал кулаками. Ни гу-гу. Дождаться утра? Нет, невозможно. Почему это из-за одного головотяпа должен страдать весь город? И Саша отправился на квартиру к Славке Попову, внештатному секретарю горкома. Посмотрим, на что способна комсомолия!

Сонный, взъерошенный Славка понял его с полуслова. Мигом оделся.

...Во дворе тоскливо свистел ветер, в полумраке тускло поблескивал металл.

— Эх, и растяпы же мы с тобой! — вздохнул Славка. — Ведь на машинах замки!..

Помолчали.

Саша нерешительно подошел к первому бульдозеру, деловито осмотрел замок.

— Собьем?

Вдвоем они быстро сбили замок. Котельная получила уголь.

Это произошло 5 декабря. А 21-го — точно такой же случай. И не с кем другим, а именно с Сашей. Сначала он не поверил, потом разозлился: пускай других дураков ищут выговоры получать. Ведь нашлись в прошлый раз люди, обвинили его со Славкой в хулиганстве, в самоуправстве и черт те в чем. Нет, дудки, никуда не тронусь.

Но это была минутная слабость. Не остался

Саша в теплой конторе, поехал разыскивать комсорга Толю Савчука.

...Утром как всегда амурчане высыпали из

теплых квартир на работу. И никто из них не догадывался, что произошло в городе этой ночью.

Михаил Дорогиницкий

— Помните, накануне Октябрьских праздников баржи пришли? С цементом. Холодно уже было. Снег мокрый летит, на реке шуга. Вот-вот Амур станет. Не успеть баржи разгрузить, застрянут они, не дойдут до затона. Тут весь народ как набежал! Давай сгружать. Мы, девчата, туда же, на пристань. А нас не пускают. Говорят, не девчачье это дело баржи сгружать. «Вот еще — не девчачье! Кто распорядился?» «Дорогиницкий». Ох, и обиделись мы, — сам мешки таскает, а нам нельзя. А ведь правильно он тогда поступил — мешки-то были тяжелые...

— А когда дорогу кончали? Тоже срочно. И тоже — все высыпали. Народу — тьма. Добровольно — народная стройка. Лопаты вмиг расхватали. Я тогда новичок еще был, копать копаю, а руки горят, пузыри натер. И тут рядом какой-то, тоже с лопатой. Все указывает: «Это не так и это не так». Сам до пота и нас шпыняет. «Эх, говорю, — навязался прораб на нашу голову, и откуда такие берутся?» Вокруг

все — в хохот. Оказывается, не прораб это, сам главный инженер, Дорогиницкий...

— У меня вот какой случай был. Мелочь, может, а мне в душу запало. Школу я пропустила. И не ради танцев, так, отоспаться хотелось. Ну, осталась дома и раз, и другой. Мать и отец — ни слова. Не заметили, что ли? А на третий день иду на работу — навстречу Дорогиницкий. «Здравствуй, здравствуй, что это ты в школе не была, не заболела?» И откуда узнал?..

— Если бы не он, я и в институт не поехала бы. Все колебалась... Убедил меня Дорогиницкий. Он кого хочешь убедит и переубедит...

— Уж кто-кто, а он убеждать умеет. Потому и доверие к нему! Вот недавно — кого на стройке партгором выбрали? Дорогиницкого. Для него, как для инженера, может, и трудно это, а вот для людей очень даже хорошо. Мы все его знаем, ведь вместе работали, наш он, амурчанин...

Анатолий Селюга

В детстве только и было разговоров: «Папа, а как валят лес?», «Как трелюют?» Отец в поездку — и сын тут как тут: «Папа, и я с тобой». Уедут в дальний леспромхоз, а мать сиди и считай часы, когда вернуться. Ведь и звери, и бурелом, и заблудиться не долго...

Сын вырос — дома его не удержишь. Ружье за плечи — и в глушь. Куда только не забредет! Нет для мальчишки ничего слаще как подсесть к костру лесорубов, потолковать, а то и потягаться с ними силой — поработать до пота. Матери, конечно, беспокойно: мальчонка еще, а все с ружьем да с топором.

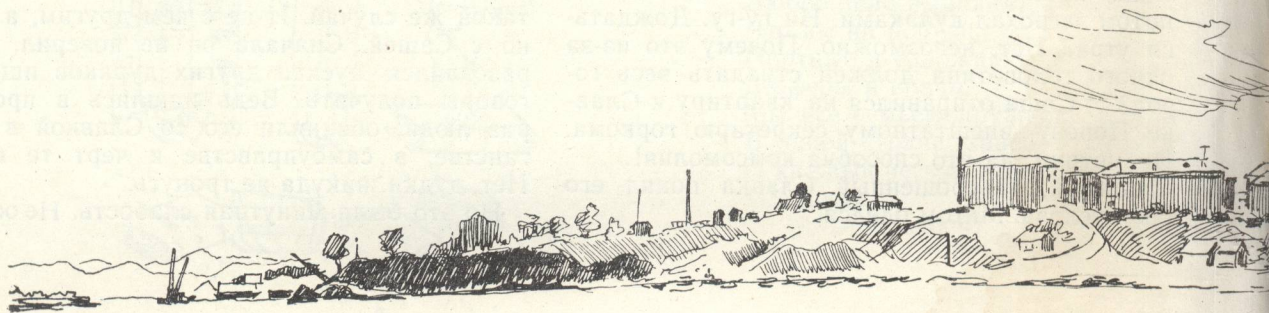
Вымахал парень под притолоку. Высокий, широкоплечий — такому всякое дело впору. И глаза зеленые, лесные. Пришло время вы-

бирать в жизни дорогу. Мать за свое: «Пойдешь в лес — откажусь».

Уехал сын учиться во Владивосток, на лесоинженера. Успокоилась мать. А он летом — практика ли, каникулы — по-прежнему закатывается в тайгу.

Все его радует — и зеленое море папоротника, и прозрачный свод лиственниц, и темная стена аянских елей. Но лес уже давно повернулся к Селюге другой стороной. Люди в лесу, их труд — вот что его занимает, механизация тяжелых работ.

Вместе с товарищами грузит Анатолий штабеля, изыскивает с теодолитом дорогу для Хурминской узкоколейки, строит планы расширения Комсомольского леспромхоза, мечтает о бетонных дорогах. Мать за старое:

Амурск

«Тайга тайгой и останется». Но Анатолий стоит на своем: скоро ворвется в тайгу новая жизнь, придет в тайгу большая химия.

И она пришла. В 58-м году началось строительство лесохимического комбината — в родных для Анатолия местах — первого на Дальнем Востоке. Это было в том самом году, когда Анатолий Селюга окончил курс института. И конечно, он получил назначение на этот комбинат.

Дома, когда приезжает Анатолий, все те же разговоры — все «лес» да «лес». И какой лес комбинату нужен, и какой леспромхоз отстаёт, и где на комбинате будет лесобиржа... А мать только слушает: вот ведь как все обернулось...

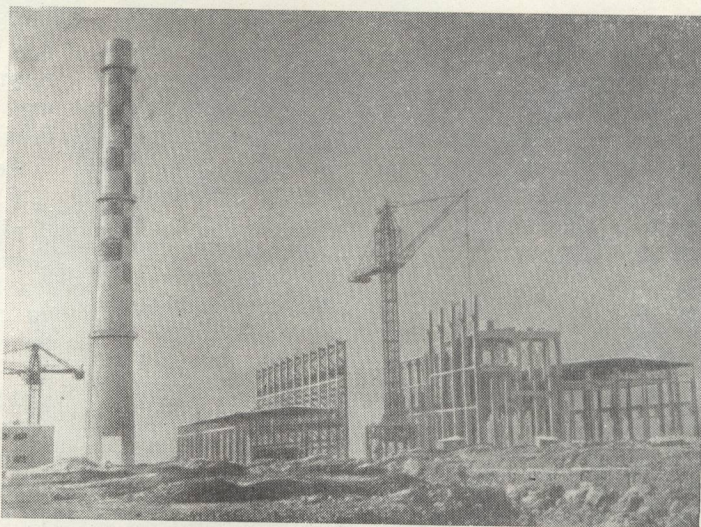

Фото Г. Хренова

Слава Сухов

Вчера пришлось плотно посидеть над физико-химическим анализом. Ничего не поделаешь — действительно необходимо! И Вера Антоновна не даёт размагничиваться, практикum всерьёз... Что правда — то правда. Теперь не надо на ощупь индикатор подыскивать. Натё, пожалуйста: машина сама точно определит, какова кислотность среды. С такими умными машинами просто приятно работать.

Сегодня воскресенье. Вознаградил себя за вчерашнее усердие. Целый день слонялись по городу. Мне в Ленинграде скучно не бывает, даже если я не в музее, не в театре. Улицы, набережные, они радуют по-своему и всегда ново. Люблю открытые, строго организованные пространства: стрелку у Биржи, например. Слева Петропавловка, справа Зимний, а перед тобой Нева, широкая, но не бескрайняя — величественная и укрощенная. Здорово! Или Дворцовая площадь — разве есть место лучше? Но это так, к слову, сегодня мы бродили по Выборгской стороне...

И что это я все про театр, город, музей, этакую возвышенную душу человек. Если честно — люблю и цирк, эстраду, песни под гитару и шуточный наш хоккей. Особенно, когда наша 120-я комната бьёт 118-ю. В прошлый раз бедному Володьке клюшкой так вцепили — до сих пор нога болит.

Ура! В следующее воскресенье идем в золотые кладовые Эрмитажа. Нет, чем Ленинград хорош — одолевает здесь жадность какая-то, хочется и увидеть, и узнать, и понять. Сразу. Всё.

Ну, пора спать. Завтра в 9.00 — электроника. Опаздывать нельзя — преступление.

Электроника — основа автоматики. Мы бы все на автоматике специализировались, если бы можно, и я, и Юра, и Володя, и Рудольф. Ведь на таком комбинате, как наш, Комсомольский, без автоматики — никуда.

И подумать только — через каких-нибудь года полтора — махнем все обратно, домой, в Амурск.

Нэля Чепорова

Про Амурск Нэля узнала из газет. И не раздумывая собралась в дорогу. Пусть сосед-

ки болтают: «Ничего, еще хлебнет лиха, вернется...» «Не вернусь», — думала Нэля.

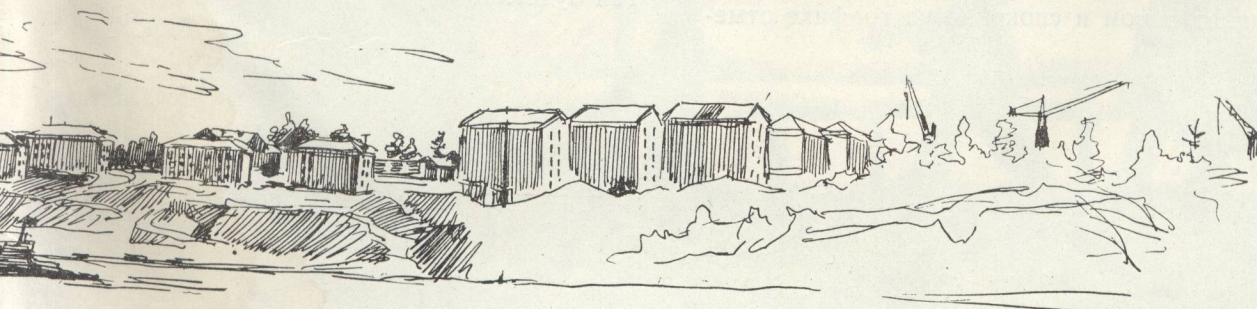

Рисунок А. Мащенко

Все решено, она будет работать с детьми в детсаду. Ребятишки все такие разные, с ними никогда не соскучишься, Нэлю ждет просторный светлый город, широкие улицы, высокие сосны... Вот она сама бежит, стуча каблучками, утром на работу, вот она в уютной комнате читает ребятишкам сказки, вот ее младшая — обязательно младшая — группа, вцепившись друг другу в подолы, медленно топоча, гуськом переходит дорогу, а сама Нэля, раскинув руки, стоит на жарком асфальте и перед ней замерла тяжелая автомашина...

— Амурск! — закричал кто-то на палубе. Нэля кинулась к левому борту. Где город? Берег закрывала густая березовая роща, а к самой воде белым облаком скатывались заросли черемухи.

Ступила Нэля на берег — и сказка исчезла. В новом городе ничего не было — ни детсадов, ни просто домов, ни даже улиц. На единственной, Пионерской, улице белели палатки, а вокруг — пни, грязь, чуть ступил в сторону — прощайся с туфлей. Уехать? Проще всего. Но есть же здесь люди. Работают. И она будет работать. Как все. Там, где все.

Все рубили лес. Рубили просеки для дорог — для железной дороги и для автодороги от станции Мылки. Лес рубить — не девичье дело. Но Нэле и дома, в Селихинском лес-промхозе, за все приходилось браться. Взяла Нэля топор — и в тайгу. Что скрывать — трудно приходилось, хотя тяжелой работой ей не давали. Бывало и плакала по ночам.

Прорубили просеки. Проложили дороги. И все Нэлины товарищи стали строителями. Кто плотник, кто штукатур, кто — маляр. А Нэле что делать? Пошла учиться на каменщика.

Ее отговаривали. Чего тебе в этой работе? Всё на ветру, на морозе или в жару...

«Ну, как они не понимают? — думала Нэля. Самое главное — каменщики. Они своими руками всю коробку выкладывают, от фундамента до крыши. Потом уж приходят плотники, маляры, штукатуры, они «одевают» коробку — и дом готов. Но ведь каменщики были первыми!..»

Поначалу тяжело было. И мастер хороший, и старания у Нэли хоть отбавляй, а кирпич словно живой, озорничает, ложится то влево, то вправо. Мастер уж на Нэлю рукой махнул, когда она поняла: секрет в автоматизме движений. И только тогда кирпич перестал «плясать», сдался.

Теперь Нэля каменщик опытный, сама других обучает. Уж сколько она коробок сложила, и в квартале А, и в квартале Б. Город вокруг вырос, и школы, и детсады открыли. А Нэля все на стройке, и не думает работать в детском саду. Она станет техником-строителем, будет учиться заочно.

— Строить еще много надо, Восток еще пустой, — говорит Нэля. — Вот уеду я на другую стройку, а дома останутся, и комбинат останется, а ведь здесь и мои кирпичики есть!

* * *

Настанет день — и в широкой пойме за березовой рощей ударят в небо тугими клубами дыма высокие заводские трубы. Семь заводов — семь братьев станут рядом. Ярким солнечным блеском вспыхнет громада главного корпуса.

Настанет день — и сильные басы буксиров разорвут тишину над Амуром. Баржи с лесом одна за другой, как киты, будут тереться о жесткие стены канала. Комбинат получит первую порцию леса.

Настанет день — и химики Амурского ЦБК впервые наполнят древесной щепой котлы главного корпуса. Они зальют щепу кислотой, придавят паром и спокойно на графике отме-

тят — сколько времени надо варить, при какой температуре. Пройдут томительные часы, и жидкая бурая масса, похожая на кофейную гущу, хлынет в счежи. Это — целлюлоза. Она еще не очищена от примесей, от варочного раствора, но она здесь — ценная эластичная растительная клетчатка, первая целлюлоза Амурска. Что бы ни сделали из этой целлюлозы — бумагу, картон, вискозное волокно — это будет амурский картон, амурская бумага, амурское полотно.

Так говорят амурчане. Мы знаем — им верить можно.

Так будет.

ПЛЕННИК КРАТЕРА АРЗАХЕЛЯ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

А. Шалимов

Рисунки А. Януса

ЗАПИСКИ В БОРТОВОМ ЖУРНАЛЕ

Сознание возвращалось медленно. Сначала возникло ощущение тишины и мрака. Потом я почувствовал свое тело... Где я и что со мной? И, собственно, кто я? Появилось чувство, похожее на удивление... Я не знаю, кто я? Вероятно, был болен или ранен? А может — автомобильная катастрофа? Почему ничего не вижу? Неужели ослеп?.. Удивление сменяется страхом. Решаюсь шевельнуться и это удается удивительно легко. Подношу руку к голове и ощущаю выпуклое стекло шлема. На мне шлем? Когда-то уже было такое...

В памяти всплывает вереница серебристых самолетов. Влажный бетон взлетной полосы. Смуглое суровое лицо с синеватым шрамом на щеке — командир нашей эскадрильи... Я облегченно вздыхаю. Теперь знаю — кто я. Я военный летчик морской авиации Штатов — Джон Смит. Вечером мы вылетели бомбить отступающие колонны фашистов. Меня сбили возле Руана по нашу сторону фронта. Надо лежать и ждать, пока разыщут. Ночь скоро пройдет...

Некоторое время лежу спокойно. Потом вспоминаю о стрелке-радисте. Что с парнем? Жив ли? Пытаюсь окликнуть его в шлемофон, но не слышу даже звука собственного голоса. Провод оборван? Шарю в темноте...

Нет, это не тесная кабина самолета. Вокруг пустота. Пальцы натыкаются на эластичную гладкую поверхность пола, нащупывают какие-то осколки, обрывки проводов... Потом шероховатый кусок пористого камня. Не вижу его, но хорошо знаю, что это базальт со дна Тихого океана. Он находился в герметически закрытом футляре из прозрачного аллофана. Я часто глядел на темный пористый камень — думал... О чем я думал? Никак не могу вспомнить и снова возвращается беспокойство...

Кажется, Джона Смита не интересовали базальты, когда он был летчиком морской авиации... Был?..

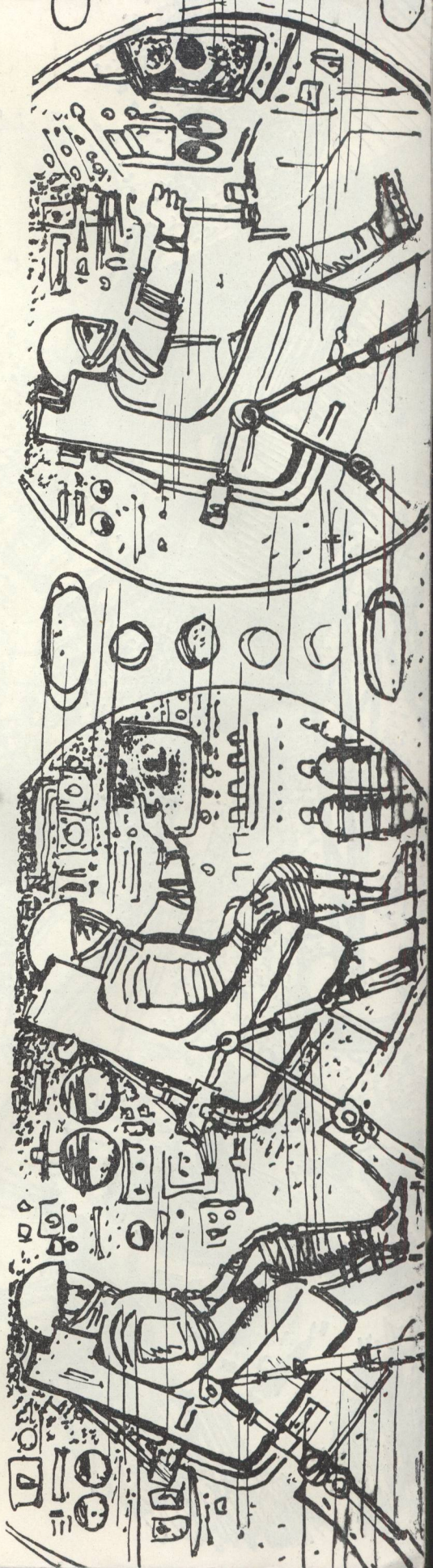
И почему «был»? Значит, я уже не летчик? Мысли снова начинают путаться. Может быть, это сон? В госпитале после ранения меня часто одолевали кошмары. Стоп, теперь твердо знаю, что я не на фронте. Фронт — это было давно...

— «Леди и джентльмены, через несколько месяцев мир будет отмечать годовщину окончания мировой войны. К этой дате мы приурочим»...

Удивительно знакомый голос!.. Я уверен, что слышал его совсем недавно... Голос и кусок базальта. Базальт держу в руке. Странно, что камень без футляра. Неужели аллофановый футляр разбился? Невозможно... Он был чертовски прочен — этот аллофан.

— «Леди и джентльмены, тут все предельно прочно. Сто процентов безопасности»...

Опять в моих ушах звучит тот же голос. О чьей безопасности идет речь? О моей — Джона Смита? Однако со мной что-то случилось. И, по-видимому, что-то более серьезное, чем казалось вначале. Надо постараться понять, что именно...

Пытаюсь привстать, поворачиваю голову... Слава создателю, слева отчетливо видна неяркая красноватая точка. Свет! Я напряженно всматриваюсь, не расстворится ли красноватая искра в черноте окружающего пространства. Нет, она светится ровно, не мигая. Что это — глазок прибора или далекая звезда? И какое расстояние разделяет нас: метр, десятки километров или световые годы?.. Не все ли равно. Я вижу... Теперь у меня есть цель. Поползу туда...

Осторожно приподнимаюсь. Каким удивительно легким кажется тело!.. Делаю несколько движений. Под локтями и коленями хрустят осколки. Откуда столько осколков? Осторожно отгребаю их со своего пути. Пальцы натываются на что-то... Неужели я не один в этой тьме?! Рука инстинктивно отдергивается.

«Смелее, Джон Смит! Ведь ты уже вспомнил, что был летчиком морской авиации. Смелее, и ты вспомнишь все остальное...»

Я снова вытягиваю руку: согнутое колено, эластичная ткань скафандра, тонкие окостеневшие пальцы обнаженной руки. Они холодны, как металл.

Трясущимися руками поворачиваю неподвижное тело. Пытаюсь найти крепления шлема. Но шлема нет. Руки натываются на пряди длинных волос.

— Кэтрин?.. Кэтрин Милс?!
И тогда я вспоминаю все...

* * *

Это произошло совершенно неожиданно... Арчи уже произвел основное торможение. Ракета легла на орбитальный курс. Я не отрывал взгляда от экрана внешнего телевизора. В двадцати километрах под нами плыли горы неведомого мира. Сотни поколений ученых мечтали проникнуть в тайны этого каменного хаоса...

Ступенчатые желто-белые плоскогорья, обведенные каймами густых теней, спускались к плоским ярко-желтым низменностям, похожим на песчаные пустыни. Гладкая поверхность пустынь с непостижимой быстротой снова сменялась горами. Цепи ослепительно сверкающих пиков проплывали внизу. По их исчерченным расщелинам и склонам быстро скользила маленькая сигарообразная черточка — тень нашего «Атланта».

Горизонт, несмотря на значительную высоту полета, казался совсем близким. Там, у недалекого горизонта, ослепляюще белые гребни высоких гор поднимались в черное небо и отбрасывали к подножьям зубчатые фиолетово-черные тени. «Атлант», не сбавляя скорости, несся вперед в пустоте окружающего пространства, и горы словно никли, плывя навстречу; а на смену им из-за горизонта появлялись все новые и новые исполинские нагромождения камня, то ослепительно горящие в солнечных лучах, то зияющие чернотой непроницаемой тени. Это был невообразимый фантастический узор яркого света и непроглядной черни — вздыбленная и растресканная поверхность планеты, пережившей чудовищные катаклизмы минувших эпох.

В шлемофоне посадочного скафандра прозвучал хриловатый голос Арчи:
— Внимание, слева по курсу кратер Арзахеля. Иду на посадку. Включить амортизацию кресел.

Один поворот рычага амортизатора — и кресло словно исчезает. Кажется, что повис в пустоте. Но уже в следующее мгновение пустота становится упругой и нарастающая сила властно вдавливает в нее ослабевшее тело.

Дышать трудно. Изображение на телеэкране утратило резкость, а может быть, просто потемнело в глазах.

Мелькнула затуманенная мысль:

«Последнее торможение... Садимся»...

Я еще успел разглядеть на экране медленно поворачивающийся горизонт, ослепительный край бело-фиолетового солнечного диска в черном звездном небе, сверкающее яркими бликами кольцо черно-белых обрывов. Кольцо быстро надвигалось снизу, окружая корабль исполинским зубчатым частоколом. На затененной стороне частокола мелькнули освещенные солнцем глубокие расщелины, казалось, доходившие до подошвы кольцевого хребта. Затем на экране телевизора появилась ажурная металлическая конструкция, похожая на ногу гигантского кузнечика.

— Арчи выпускает наружные стабилизаторы, — слышу я в шлемофоне задыхающийся от волнения голос Кэтрин. — Садимся, Джон, садимся... Первые люди...

Дальше случилось что-то непонятное. Резкий звенящий удар сотряс металлический корпус ракеты. Все вокруг завертелось, как в чудовищном водовороте. Яркий полыхнул и погас экран. Многотонная тяжесть давила грудь. Я почувствовал, что задыхаюсь. Град скрежещущих ударов обрушился на космический корабль.

Откуда-то издали донесся полный боли крик Кэтрин:

— Джон... Арчи... А-а-а!..

Потом всё заглохило захлебывающийся вой моторов. Вероятно, Арчи пытался выровнять ракету. Рывок чудовищной перегрузки, удар, снова рывок...

Странно, что я еще жив...

Струя осколков какого-то прибора полоснула по стеклу шлема. Приборы уже не выдерживают, а люди... Последний удар был наиболее сильным. Мелькнула мысль, что корпус корабля разламывается на части. Неодолимая сила вырвала меня из кресла и швырнула в пустоту...

18 марта 196... года

Я — геолог Джон Смит, единственный, оставшийся в живых, участник первой лунной экспедиции, продолжаю записи в бортовом журнале космического корабля «Атлант». Наш корабль потерпел аварию при посадке на дно кратера Арзахеля. Мои спутники — командир «Атланта» летчик-космонавт подполковник Арчибальд Шервуд и астрофизик доктор Кэтрин Милс погибли. Причина аварии мне неизвестна. Ракета лежит почти горизонтально. Пульт управления сильно деформирован. Я не смог извлечь изуродованный труп командира корабля из-под обломков контрольных щитов. Тело Кэтрин поместил в холодильную камеру. На нем не видно наружных повреждений. Вероятно, не выдержало сердце... Сам я отделался пустяками — ушибы, небольшая ссадина на виске. Ракета пострадала очень сильно.

Мне удалось включить аварийные аккумуляторы. Беглый осмотр внутренних помещений показал, что наш «Атлант» останется на Луне навсегда. Разрушена командирская рубка, радиостанция, генераторы тока, большая установка для конденционирования воздуха. Вышли из строя многие приборы: главное счетно-решающее устройство — электронный мозг двигателей ракеты, оборудование лабораторий. Менее всего пострадали жилые кабины. Аварийная установка воздухообмена действует. Если корпус ракеты уцелел и не будет утечки воздуха, мне обеспечено от трех до четырех месяцев жизни в металлическом гробу, которым стал для всех нас «Атлант». В тамбуре выходного люка есть еще два баллона с жидким кислородом и сгущенный кислород в баллонах трех наружных скафандров. В сумме это может оттянуть конец ещё на месяц-полтора. Итак — от четырех до пяти месяцев, четыре-пять лунных дней и четыре ночи. Это не много для человека, которому едва перевалило за четвертый десяток, но и не так уж мало для исследователя, впервые очутившегося на Луне. Впрочем, еще неизвестно, стану ли я исследователем неведомого мира, который простирается за стальными стенами «Атланта».

Механизмы внутреннего люка заклинило при аварии и я даже не смог проникнуть в тамбур, где находятся скафандры.

Если удастся открыть выходные люки и выбраться наружу, прежде всего я должен буду водрузить наш флаг над мертвой пустыней давно умершей планеты. Флаг — символ жизни, символ моей далекой родины... Знак, что мертвый кратер стал пядью американской земли...

19 марта

Вчера вечером завершил осмотр внутренних повреждений корабля. Слишком многое не выдержало космических испытаний. Генерал Першинг, конечно, преувеличивал, когда говорил членам Сенатской комиссии о стопроцентной безопасности полета. Это ни для кого не было секретом и в первую очередь для нас — экипажа «Атланта». Но чтобы важнейшие узлы корабля были смонтированы так небрежно!.. Вся радиоаппаратура вышла из строя только потому, что не выдержали крепления щитов. Металл креплений оказался слишком хрупким. Уцелел хоть один щит, повреждения передатчиков не были бы так серьезны. А установка для конденционирования воздуха! Когда я понял, что с ней произошло, мне стало ясно, что она легко могла отказать еще при старте. А эта установка — легкие корабля, от ее исправности зависит судьба экспедиции...

Я снова вспомнил слова генерала Першинга:

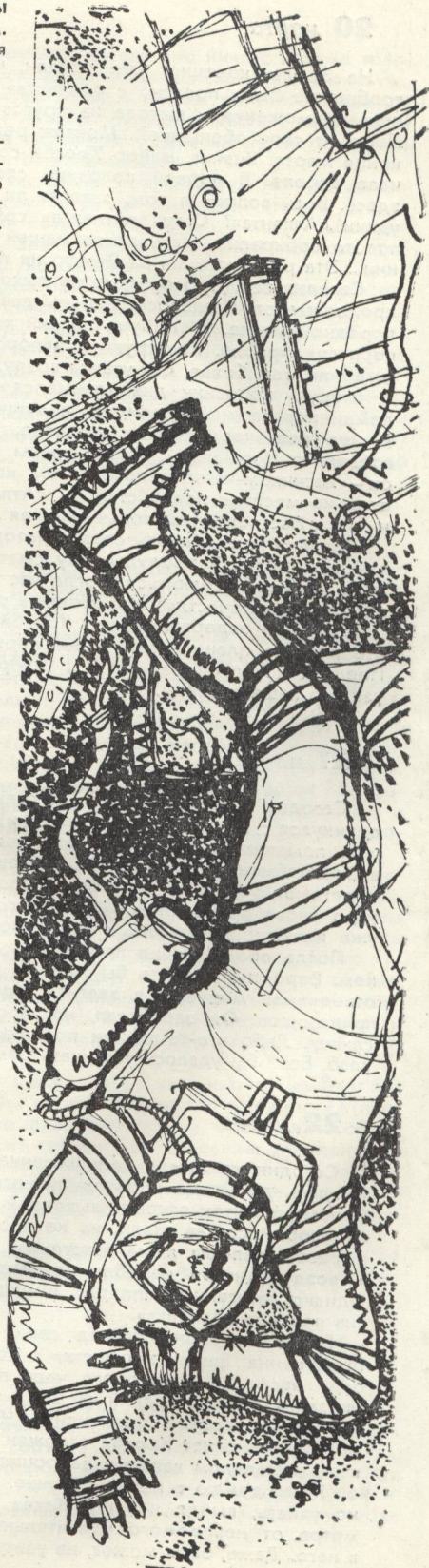
«Тут все предельно прочно! Сто процентов безопасности».

Эти слова сейчас показались мне почти насмешкой. Ведь генерал был председателем правительственной комиссии, принимавшей «Атланта» и его оборудование...

Сегодня утром удалось открыть люк, ведущий в выходной тамбур. В тамбуре леденящий холод. Воздух просачивается наружу через внешний люк. Кислородный баллон одного из скафандров оказался пустым — у него был неисправен кран. Значит, в моем распоряжении только два выходных скафандра с резервными баллонами...

Все попытки открыть наружный люк оказались безуспешными. Либо деформировался корпус ракеты, либо она попала в какую-то расщелину и заклинила в ней. В обоих случаях я не могу покинуть стальной гробницы, в которой похоронен.

До конца первого лунного дня остается семь земных суток. Я веду счет времени по земным часам. Удивительно, что уцелели почти все часовые механизмы, находившиеся на «Атланте». До сих пор еще тикают маленькие золотые часики на руке бедной Кэтрин...

20 марта

На Земле, конечно, уже поняли, что с нами что-то случилось. Последнее сообщение было послано с «Атланта» четверо суток назад, сразу после основного торможения и выхода на круговую лунную орбиту. Выполнит ли генерал Першинг свое обещание?.. Монтаж резервной ракеты должен быть завершен в конце марта. Значит, майор Кросби со своим экипажем может стартовать в начале апреля. В первой половине следующего лунного дня он должен быть здесь. Весь вопрос в том, захотят ли они рисковать второй ракетой после неудачи «Атланта»? Старт «Атланта» сохранили в тайне. Первую информацию о полете собирались дать после нашей радиограммы о благополучном прилунении... Эта радиограмма на Землю не поступила...

Сегодня все утро орудовал у выходного люка. Утечка воздуха через тамбур продолжается. Пришлось закрыть дверь, ведущую в тамбур, и работать в кислородной маске. В тамбуре адский холод. Выходной люк словно приварился к корпусу корабля. Конструкция запоров очень сложна. Инженеры что-то перемудрили, тем более, что утечка воздуха все-таки есть...

Вторую половину дня занимался уборкой внутренних помещений. Все обломки перетасил в коридор, ведущий к командирской рубке. Дверь в рубку я еще позавчера закрыл навсегда. Там могила Шервуда. Мы с ним вместе воевали в Нормандии. После войны наши пути разошлись. Я стал геологом, а он — летчиком-испытателем, потом космонавтом. Мы снова встретились за несколько месяцев перед стартом «Атланта». Пожалуй, больше мы уже не разлучимся... Нас разделяет только тонкая металлическая дверь.

Сегодня мне удалось спать разорванные воздухопроводы, ведущие в капитанскую рубку. Я продул рубку сжатым азотом. В атмосфере азота тело Шервуда должно сохраниться. Когда нас найдут здесь, Шервуда увезут на Землю и с воинскими почестями похоронят в родной Неваде...

Если они задержат вылет Кросби, нас могут разыскать русские. Я слышал, что русские планировали полет первой лунной ракеты с людьми этим летом. Першинг хотел опередить их... Теперь русские, может быть, ускоряют свой полет, узнав о нашей аварии.

21 марта

Сегодня ночью проснулся от сильного толчка. Мне показалось, что «Атлант» сдвинулся с места. Я долго лежал и прислушивался. Потом включил свет и обошел помещения. Как будто все в порядке. Температура нормальная, аппарат воздухообмена работает. Но толчок все-таки был. Флакн с тушью, который я оставил открытым на столе, опрокинулся, и тушь залила лунную карту. Все утро снова провозился у выходного люка и опять безрезультатно. Кажется, я уже начинаю привыкать к «космическому» холоду тамбура.

После обеда решил проверить содержимое кладовой. Здесь всего с избытком. Вероятно, хватило бы года на три. С запасами питьевой воды хуже. Но на отведенное мне время хватит... Удалось отремонтировать один из небольших приемников. Он заработал, но, кроме шорохов и свиста космоса, ничего не слышу. Либо что-то не так подключил, либо для земных передач он слишком слаб. Если бы удалось услышать Землю!..

22 марта

Сегодня на Земле день весеннего равноденствия — поворот к новому лету. А здесь до конца первого лунного дня остается еще трое земных суток. Не бросаю попыток открыть выходной люк, но пока ничего не получается. Если бы не особый состав стали, из которой сделан корпус корабля, я попробовал бы вырезать запоры люка автогенном. Все равно утечка воздуха из тамбура есть и воздух внутри корабля сохраняет лишь дверь люка, ведущего в тамбур. Однако автогенный аппарат, имеющийся в моем распоряжении, бессилён против панциря «Атланта».

Вчера подробно описал свои переживания во время нашего неудачного прилунения. Вложу эти листки в бортовой журнал. Записи в бортовом журнале буду вести до последнего часа пребывания на «Атланте» — каким бы он ни оказался, этот последний час...

Иногда одолевают сомнения. Что если генерал Першинг счел всех нас погибшими и вылет Кросби отложен надолго? Тогда мне суждено окончить жизнь в этом стальном капкане, заброшенном в кратер Арзахеля...

Я все думаю о ночном толчке. Неужели лунотрясение? Сколько нового можно узнать, выйдя наружу. Какая насмешка судьбы! Находиться менее чем в метре от неведомого удивительного мира и не иметь возможности вступить в него. Даже, быть может, не увидеть...

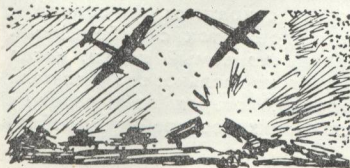

25 марта

Люк все не удается открыть, а из приемника не слышно ничего, кроме треска. Завтра должно зайти солнце. Начнется четырнадцатидневная лунная ночь... Что происходит сейчас на Земле? Узнали ли люди о нашем полете? Готовит ли Першинг спасательную экспедицию? Если о полете стало известно, общественное мнение может принудить генерала и сенатскую комиссию послать вторую ракету. И русские наверняка попытаются что-то сделать...

Сейчас, когда записывал эти строки, явственно почувствовал легкую дрожь стола. Я поспешно прошел в тамбур. Коснулся рукой наружной стенки. Стенка слегка вибрировала. Что означают все эти сотрясения? Они не могут быть связаны со смещениями самого «Атланта». Значит — дрожь лунной поверхности? Все еще не могу верить, что это знаки лунотрясений!..

Дрожь вскоре утихла и больше не повторялась. Среди оборудования нашей лаборатории были два портативных сейсмографа. Один из них при аварии разбился вдребезги. Второй, может быть, удастся отремонтировать. Займусь этим завтра, после очередного «сеанса» у выходного люка. Я орудую в тамбуре у люка ежедневно два-три часа с небольшим перерывом для обогрева. В тамбуре очень тесно; работать приходится без скафандра, а мороз там сорок-сорок пять градусов. Вероятно, выходной люк находится в тени скалы или обрыва и солнечные лучи к нему не проникают. А быть может, вся ракета лежит в тени или попала в глубокую трещину... Догадки, одни догадки!.. Люк надо открыть любой ценой.

27 марта

Вчера ночью я долго не мог уснуть. Думал о Земле. Наверно, она шлет сейчас свой спокойный зеленоватый свет на останки «Атланта»...

Земля, Земля! Не доступны мне голубизна твоего неба и ласковое тепло солнца — земного солнца, а не того желто-фиолетового диска, который ослепляет яростью лучей даже с телеэкрана. Какое счастье окунуться в шелестящий зеленый сумрак леса или в дымную суету и сутолоку городов. Сколько радости заключено в прикосновении прохладных волн голубого моря. Люди Земли, знаете ли вы, какими сокровищами владеете, если можете распахнуть окно и слушать, как шуршат капли дождя среди намоченных листьев жасмина; если можете встречать каждый солнечный восход и вдыхать горьковатый аромат трав, доносимый вечерним ветром? В повседневности мелочных забот мы забываем о самом главном, Земля, забываем, что мы — дети твои, рожденные и хранимые тобой и что у нас нет ничего ближе и дороже, чем ты. Это так просто, а понять и оценить все это можно только из черной бездны космоса...

В первые дни заточения в останках «Атланта» я пытался утешать себя мыслью, что я — одинок. Моих близких унесла война. Кроме двух-трех приятелей, никто не ждет моего возвращения и никто не станет проливать слез, узнав, что Джон Смит не вернется. Другое дело — Шервуд, у него осталась на Земле большая семья, или бедная Кэтрин — ее ждет мать и, кажется, жених. А что я?..

Но вот минувшей ночью, думая о Земле, я вдруг почувствовал, что совсем не одинок. О нет! У меня есть три миллиарда близких друзей, соплеменников-землян, и каждый из них мне бесконечно дорог... Я был бы счастлив встретиться и обнять каждого, да, да, каждого из трех миллиардов обитателей моей планеты.

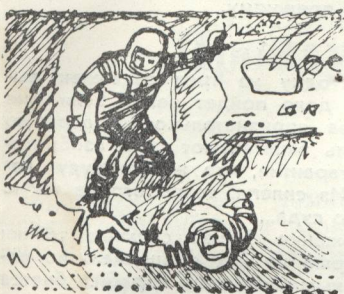
Вероятно, кое-кто из членов сенатской комиссии и сам генерал Першинг будут шокированы, прочитав когда-нибудь эти строки бортового журнала «Атланта». Извините, джентльмены, это совсем не фамильярность и, право, я не обращаю их к вам, хотя именно от вас зависит сейчас мое спасение. Мысленно я обращаюсь сейчас к простым людям Земли — фермерам Оклахомы и Айовы, рыбакам Нормандии, скотоводам Австралии, инженерам и рабочим Советской России, ко всем, кого я знаю и кого я не знаю, ко всем — от папы римского до последнего чистильщика сапог...

День не принес с собой ничего нового. День — это по моим часам. За стальными стенами «Атланта» — ночь, и она продлится до 8-го апреля. Неужели мне не удастся открыть ворота моей тюрьмы?..

А часы на руке Кэтрин все идут...

29 марта

Вчера кончил налаживать сейсмограф. Установил его в уцелевшем отсеке лаборатории. Лента рассчитана на двое земных суток. Посмотрим, что покажет запись... Последние дни часто ловлю себя на том, что разговариваю вслух во время работы. Скверный знак! Надо следить, чтобы это не вошло в систему. Так недолго и свихнуться... Во что бы то ни стало я должен открыть люк и выйти наружу, хотя бы это лишило половины оставшегося в моем распоряжении воздуха.

31 марта

Потрясающе!.. Проявил первую ленту сейсмографа. Маятник ни на секунду не оставался в покое. Кратер, в котором находится «Атланта», испытывает непрерывную сейсмическую дрожь. Кроме постоянного дрожания, прибор записал несколько более резких толчков силою 2—3 балла. Вероятно, я не заметил их только потому, что все время нахожусь в движении. Полагаю, что удалось сделать крупное открытие. Он совсем не мертв, этот удивительный мир гигантских кратеров и кольцевых гор... Интересно, какова причина толчков — движения лунной коры или извержения лунных вулканов? Начинаю думать, не использовать ли заряд пластика против запоров выходного люка. Если бы я был уверен в прочности стенок тамбура! Взрыв может повредить их, и тогда запас воздуха сразу сократится до содержания баллонов двух выходных скафандров — это двое суток с небольшим...

Пожалуй, эту крайнюю меру лучше прибегнуть на самый конец, когда откажет аппарат воздухообмена. Пока он работает нормально: его указатель смещается в сторону красной черты со скоростью, которая дает надежду на три земных месяца... Не стоит отказываться от них без крайней необходимости.

1 апреля

Первый день земной весны... У меня все по-прежнему.

3 апреля

Наконец-то удалось... Сегодня отодвинул одну из трех задвижек выходного люка. Думаю, что с двумя другими дело пойдет легче. Если мне суждено вернуться на Землю, первые слова «признательности» адресую конструкторам запоров выходного люка. Пусть запатентуют свое изобретение для семейных склепов. Сто процентов гарантии, что живые будут навсегда избавлены от появления привидений. Из склепа, закрытого на такую задвижку, ни один дух не выйдет до страшного суда...

Сейсмограф непрерывно записывает дрожание. Более сильные толчки происходят каждые три-четыре часа. Некоторые из них я ощущаю по сотрясанию корпуса «Атланта»... Там за стальными стенами корабля бьется пульс живой планеты...

4 апреля

Минувшей ночью пережил неприятные минуты. Проснулся от ощущения, что кто-то вошел в мою кабину. Я поспешно включил свет. Кабина была пуста, но дверь в коридор оказалась отодвинутой. Может быть, ложась спать, я забыл ее закрыть?

Я поднялся, чтобы задвинуть дверь, и тут до моих ушей донесся какой-то странный шелест. В окружающей глубокой тишине он прозвучал очень явственно. Я не суеверен, но, признаюсь, испугался. Почему-то подумал о Кэтрин... Стремительно задвинул дверь, дважды повернул рукоятку засовов. Потом начал прислушиваться. В коридоре было тихо. Я слышал только громкие удары своего сердца.

Прошло немало времени, прежде чем я решился открыть дверь и выйти в коридор. Потом повсюду включил свет, обошел помещения «Атланта». Все было в порядке... Не мог только заставить себя заглянуть внутрь холодильной камеры, где лежит тело Кэтрин. Лишь удостоверился, что наружные засовы двери задвинуты.

Заснуть уже не смог. Остаток ночи провел у приемника. Внимательно вслушивался в шорох и треск эфира. Иногда начинало казаться, что слышу какие-то голоса, обрывки фраз. Но, вероятно, это были звуковые галлюцинации.

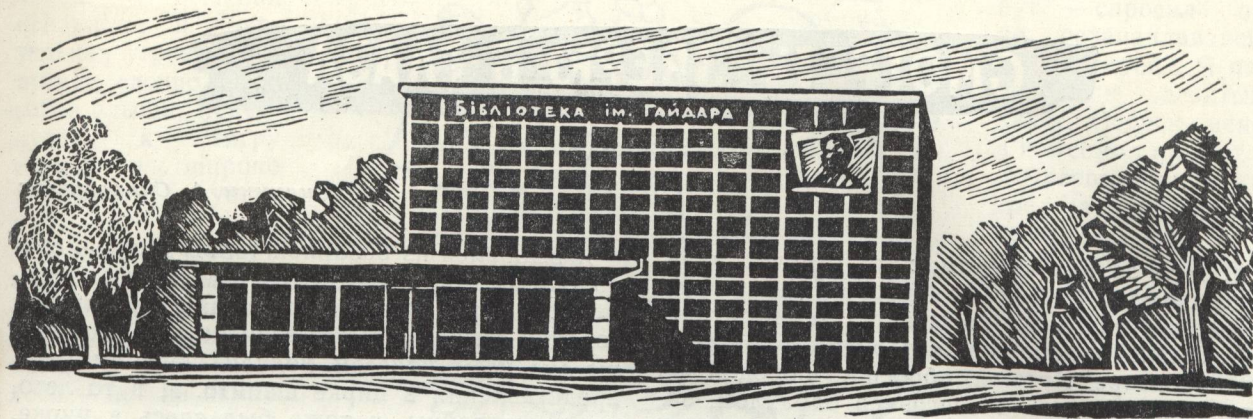
После завтрака отправился в тамбур. Провозившись несколько часов, отодвинул и вторую задвижку. Третью решил оставить на завтра. Неужели завтра удастся выбраться наружу?

Вечером принудил себя открыть холодильную камеру... Кэтрин лежит всё так же... И часы всё идут...

7 апреля

Я ничего не могу поделать с третьей задвижкой наружного люка. Слово не металл стопился с пазом, в который она погружена. Завтра над кратером Арзахеля снова взойдет солнце. Первая двухнедельная ночь проходит. Если генерал Першинг вышлет спасательную ракету, Кросби будет здесь 12-го или 13-го апреля. Значит, еще шесть дней... Но смеют ли они проникнуть в корпус «Атланта»? Я, кажется, уже бессилён сделать еще что-либо для своего освобождения. Разве применить пластик? Но это, вероятнее всего, самоубийство.

Продолжение следует

Пройдут пионеры — салют Гайдару

Е. Новоселова

Скромный белый домик с высоким деревянным крыльцом. К дому ведет обсаженная вишнями дорожка... Так выглядит сейчас библиотека имени Гайдара в украинском городе Каневе, городе, где все связано с именем писателя: в этих местах он воевал в гражданскую и Отечественную войну, в городском парке покойся теперь его прах.

Мы входим в библиотеку. Вот бюст Аркадия Петровича, подаренный каневским ребятам вдовой писателя, Дорой Матвеевны Гайдар. Вот памятная доска, которая в 1941 году была установлена на могиле Гайдара близ села Леплява. А вот витрины с книгами Аркадия Петровича, изданными в Чехословакии, Польше, Болгарии, Румынии. Это подарки тамошних пионеров.

И наконец, книги советских писателей, друзей Гайдара — Константина Паустовского, Рувима Фраермана и Бориса Емельянова — с посвящениями. Рядом — повести и рассказы тех, кто до войны сам был пионером, читателем Гайдара:

Юрия Томина, Вильяма Козлова, Юрия Яковлева.

Сейчас в Гайдаровской библиотеке более двух тысяч книг. Для Канева это немало. Но Канев растет. Строится Каневская ГЭС. И скоро город станет крупным портом на Днепре. Вокруг него появятся новые промышленные предприятия, вырастут новые школы. И новые читатели. Для них архитекторы уже спроектировали большую мемориальную библиотеку имени Гайдара. Такую, как вы видите на рисунке.

Она будет красивой и просторной — эта библиотека из стекла и бетона, облицованная светло-желтым инкерманским камнем, привезенным из Севастополя. Книги разместятся на стеллажах, открытых для посетителей. Подходи — выбирай любую!

В двухэтажном экспозиционном зале разместятся картины, фотографии, документы, рассказывающие о жизни и творчестве Гайдара.

Летом можно будет посидеть с книжкой в открытом дворике — читальне, откуда открывается чудесный вид на Днепр.

А неподалеку от библиотеки строители задумали построить небольшую гостиницу, в которой смогут остановиться гости-пионеры. Каждое лето едут они сюда с севера и юга, запада и востока.

...Скоро на берег Днепра придут высокие краны, приползут экскаваторы и бульдозеры. Лучшие пионеры Украины соберутся на закладку здания. Приедут те, кто в течение трех лет работал в колхозах и совхозах, собирал металлолом и макулатуру, а вырученные деньги отсылал в «Гайдаровский фонд», чтоб на собранные средства выстроить этот памятник лучшему другу пионеров — Аркадию Петровичу Гайдару.

Ребята! Если Ваш отряд захочет принять участие в строительстве гайдаровской библиотеки — знайте: Гайдаровский фонд действует. Деньги, заработанные вами, надо перечислить по адресу:

КИЕВ

УКРАИНСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОНТОРА
ГОСБАНКА СССР
ТЕКУЩИЙ СЧЕТ № 70035

СМОТРЕТЬ ЗВЕРЮ В ГЛАЗА

РАССКАЗ

Н. Ходза

Рисунки А. Сколозубова

Я шел за ним следом, хотя отлично знал, куда он идет. Сейчас он пересечет улицу Коммунаров (теперь она называется Герингштрассе), свернет в переулок и, пройдя его, окажется на базаре. Хромой, обросший бородой, он станет ходить среди торговцев барахлом, заговаривать с ними, слушать, о чем болтают спекулянтки-бабы, а потом внезапно исчезнет, точно его никогда и не было среди этого жалкого торжища. И снова я увижу его только ночью...

Да, все так и было. Сначала он прицепился к старику. Старик держал на протянутой ладони желтый прозрачный мундштук и монотонно бормотал одни и те же два слова:

— Янтарный мундштук... Янтарный мундштук... Янтарный мундштук...

Бородач подошел к старику, взял с его ладони мундштук, понюхал, положил обратно и сказал негромко:

— Люди кровь за Россию проливают, а ты что?! Мундштуками спекулируешь!

Он пошел дальше, а старик, побелев от гнева, смотрел ему вслед и на протянутой, дрожащей ладони его весело подрагивал золотистый янтарь. Старик заметил меня и сказал:

— Мальчик... Мне семьдесят два года... дома у меня жена... парализованная...

А человек, слегка припадая на правую ногу, затерялся в толпе. Я поспешил за ним. Мне нельзя было терять из виду этого человека, и я нашел его. Он слушал игру базарного музыканта. Слепой скрипач приликал нелепый, судорожный танец ойра. В какой-то кинокомедии я видел — его танцевали буржуи.

Слепой кончил играть, залихватски резанув смычком по струнам, и положил на землю грязную, без козырька, кепку. Никто в кепку музыканта не бросил ни одной марки, толпа растаяла, растеклась. Я стоял за спиной музыканта и видел, как приблизился к нему Бородач. Бородач оглянулся и сердито сказал:

— Пиликаешь! А немцев пусть дядя бьет!? Да?

Слепой замахнулся на человека смычком, точно дубиной, но тот уже повернулся к нему спиной и исчез в какой-то лавчонке.

Теперь я мог не следить за ним. Я знал, что мне делать дальше.

Я выбрался из базарной толпы и очень скоро оказался в парке, близ немецких казарм.

После прихода немцев в наш украинский городок я еще не был в этом парке. А до войны мы всем классом ходили сюда смотреть представления в цирке шапито. И в то лето, накануне войны, я тоже был здесь в цирке. Город пестрел большими афишами: тигр прыгал на дрессировщика. А дрессировщик улыбался, потому что стоял спиной к зверю и не видел, что тот прыгает ему на спину.

Воспоминания мои прервались: в парке появился немецкий офицер. Он шел по аллее точно на параде — развернув плечи, высоко вскидывая ноги в блестящих лакированных сапогах. Офицер был красив, строен, на черном околыше его фуражки отчетливо выделялся блестящий металлический череп.

Едва он поравнялся со мной, как я вскочил со скамьи и вытянул вперед правую руку. Немецкий офицер заметил меня и, не останавливаясь, ответил мне фашистским приветствием. Я подождал, пока он свернет в боковую аллею, сел на скамью и, вместо того, чтобы приступить к делу, снова вернулся к воспоминаниям.

...В тот мирный июньский вечер я был первым, кто ворвался под брезентовые своды шапито. Из всей программы я помню теперь только выступление дрессировщика.

Свет разноцветных прожекторов заливал желтую арену цирка. На арене, в золотом трико, помахивая хлыстом, стоял дрессировщик. Перед ним, на тумбе, досадливо жмурясь от яркого света, сидел тигр — красавец Самум. Какое это было зрелище! Тигр дрожал от ярости, фыркал, рычал и все же подчинялся артисту. Он становился на задние лапы, прыгал сквозь горящий обруч, позволял ездить на себе верхом, притворялся мертвым, катал по арене, точно котенок, красно-синий мяч. Наконец дрессировщик, бросив помощнику хлыст, положил свою голову в огромную пасть зверя. Я похолодел. Я не сомневался: сейчас человек, обливаясь кровью, упадет на желтый песок арены.

Этого не случилось. Но едва дрессировщик вынул из пасти свою голову — зверь издал рык, и все испуганно вздрогнули. Была в том

рыке и бессильная злоба, и бешеная ненависть, и смертельная угроза... Но артист, словно ничего не слыша, повернулся к тигру спиной и широко улыбнулся публике.

Я был зачарован этим зрелищем! Я смотрел на дрессировщика, как на бога, и мне казалось — нет на земле человека красивее и могущественнее его.

Представление кончилось, погасли электрические гирлянды, зрители разошлись. А я сидел на скамье в парке и ждал, когда же он выйдет. Я не мог уйти, не посмотрев еще раз на него.

Он появился в потертом костюме, в кепке с пуговкой на макушке. Артист шел усталой походкой, припадая на правую ногу. Во время представления я почему-то не заметил, что он прихрамывает.

Не знаю, откуда у меня появилась такая смелость, но я подошел к нему и сказал:

— Возьмите меня в помощники... Я не испугаюсь...

Он вскинул на меня удивленный взгляд и остановился.

— Кого не испугаешься? — спросил он.

— Тигров...

— Что тебе известно о тиграх? — Не дожидаясь ответа, он пошел дальше. А я, не зная, что говорить, шел за ним следом и твердил каким-то деревянным голосом:

— Вы увидите... я не испугаюсь...

— Как тебя зовут? — спросил он не останавливаясь.

— Андрей... Я перешел в девятый класс. Осенью меня в комсомол примут...

Впервые он посмотрел на меня внимательно:

— Что скажут твои родители, если ты бросишь школу?

— У меня нет родителей... я детдомовец...

— А ты представляешь, как опасно работать с тиграми?

— Представляю...

— Ты осмелишься положить голову в пасть тигра?

— Не знаю... Нет не осмелюсь, — признался я.

— А ты знаешь, что нет дрессировщика, который не был бы искалечен хищником?

— Вы же не искалечены, — сказал я.

— Если бы ты видел мою ногу...

— Это — тигр?

— Да... В прошлом году... Во время представления. Тигр-людоед прыгнул мне на спину. Тигры-людоеды подлые! Они страшатся человеческого взгляда и нападают со спины. Разве ты не боишься быть искалеченным?

— Я не буду поворачиваться спиной к тигру, я буду смотреть зверю в глаза. Вы даже не заметите, если я испугаюсь, только научите меня быть дрессировщиком... Возьмите меня в помощники.

Нет, он не взял меня в помощники, но решил приходить к нему каждое утро и смотреть, как он дрессирует Самума. И как-то даже сказал мне:

— Не огорчайся... Кто знает... Может быть, мы и поработаем с тобой когда-нибудь...

А через неделю началась война. И вот уже прошел год. Цирка нет, он сгорел. И Самум погиб во время бомбежки.

...Вблизи раздался выстрел. В городе теперь часто стреляли. Я услышал выстрел и рассердился на себя: нашел время вспоминать о тиграх! Разве об этом мне думать сейчас! Надо приниматься за дело!

Я вытащил из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, карандаш и начал писать печатными буквами, чтобы никто не узнал меня по почерку. Когда на пожарной каланче часы пробили десять ударов, я поставил последнюю точку и прочел написанное. Мне понравилось, как я написал. В левом верхнем углу листа из школьной тетради я поставил дату: «14-е апреля 1942 года». А ниже, посередине строчки, написал крупно: «Начальнику полиции». А потом отступил на три строчки (так мы в классе писали сочинения: после заглавия отступали на три строчки) и написал главное: «Сообщает Вам неизвестный. Сегодня я выследил коммуниста. Он ходил по базару, приставал к народу и стыдил, почему они не воюют с немцами. Он стыдил старика, который продавал желтый мундштук. Потом коммунист приставал к слепому скрипачу и тоже ругал его, зачем он не на фронте. Этот коммунист, видно, партизан, потому что лицо его очень заросло кудрявой бородой. Я хотел за ним следить дальше, но он вдруг исчез. Но вы его, наверно, найдете.

Письмо не подписываю, потому что коммунисты-подпольщики убьют меня, если узнают, что я такое написал».

Я снова сложил вчетверо лист из школьной

тетрадки, сунул его в карман и пошел к своей бывшей школе. Теперь там помещалась полиция.

Чем ближе подходил я к школе, тем медленнее становился мой шаг. Еще издали я заметил у дверей школы приземистого полиция и узнал его по несуразно большой голове. До прихода немцев он был гардеробщиком в центральной бане. Сейчас он стоял на часах и насвистывал старинную казачью песню. Я любил эту песню, не раз я слышал ее от покойного деда, и хоть не было у меня слуха, я часто напевал ее про себя.

«Уж два роки, як в
кайданах
Заковани руки...
За що, боже милосердый,
Нам наслав ты муки...»

Когда дед доходил до этих строчек, к горлу моему подкатывал горький ком...

Я проследовал мимо банщика — он даже не посмотрел в мою сторону. Тогда я вернулся и подошел к нему.

— Пан полицай, — сказал я не узнавая собственного голоса.

Он перестал свистеть и выкатил на меня круглые глаза. Тогда я протянул ему письмо.

— Пану начальнику полиции. Передайте, пожалуйста, пану начальнику...

— Тю! — беззлобно удивился полицай. — Хиба ж я тобі прислужник чи що? Отдай в дежурку. Вісьма кімната...

Я поднялся по ступенькам и прошел в коридор моей бывшей школы. Это удивительно, но дежурка помещалась именно в восьмом классе, в котором я учился год назад. Теперь, конечно, здесь не было никаких парт. У окна стоял стол из школьной канцелярии, за столом сидел костлявый полицай с редкими отвислыми усами.

— Вот! — сказал я и, бросив письмо на стол, поспешно вышел из комнаты.

— Стой, хлопчик! Стой, бисов сын! — стул под дежурным заскрипел и свалился.

Я был уже на крыльце, когда он меня настиг. Одной рукой полицай схватил меня за ворот рубахи, а другой закатил такую оплеуху, что перед глазами моими бешено завертелись цветные круги и змеи.

— Ты от кого тикаешь? От кого, спрашиваю, тикаешь?! — Дежурный втащил меня в мой бывший класс и снова вlepил мне пощечину.

Я устоял на ногах, но в ушах противно загудело.

Не обращая больше на меня внимания, дежурный развернул листок.

— Это пану начальнику, не вам, — осмелился я подать голос.

На лице полицая появилось страдальческое выражение.

— Нет, вы подывитесь на неразумного хлопчика! — тоскливо сказал он. — Ему, бачьте, мало двух затрещин! Вин хоче, щоб его вынесли ногами вперед! Так я ж то могу сделать! Ще не поздно!

И тяжело вздохнув, он стал читать мое письмо.

В ушах моих все еще стоял гул, а сердце стучало где-то возле горла.

Полицай читал печатные строки и белесые брови его поднимались все выше и выше. Ему понадобилось менее минуты, чтобы прочесть все, что я написал. Он вскочил с места и вцепился в мою руку:

— Идем до пана начальника! Слухай меня! Если ты в своей цыдуле набрехал, — прости с маткой, прости с батькой, здоровкаться будешь с господом богом на небесах! Идем!

Свирепая пасть тигра была раскрыта и голова моя лежала в ней!

Начальник полиции чудовищно косил — зрачки его глаз сходились у самой переносицы, оставляя на виду белки с кровавыми прожилками. Он сидел в кресле, большой, грузный, ему было жарко и круглое лицо его лоснилось от пота.

— Когда это было? — спросил он и спрятал мое письмо в ящик.

— Сегодня, пан начальник.

— Я спрашиваю, во сколько часов это было?

— У меня нет часов, пан начальник. Только я помню, пан начальник, что у часовщика в окне было девять часов.

— Сейчас одиннадцатый... Делай так, Шевчук, — начальник повернулся к полицая. — Бери пацана и дуй с ним на барахолку.

Пусть укажет того старика с мундштуком и того слепца со скрипкой. Если слова его подтвердятся — вертайся с пацаном сюда. Не подтвердятся — вези его сразу в лагерь, чтобы не шутовал более с властями! Ступай, Шевчук!..

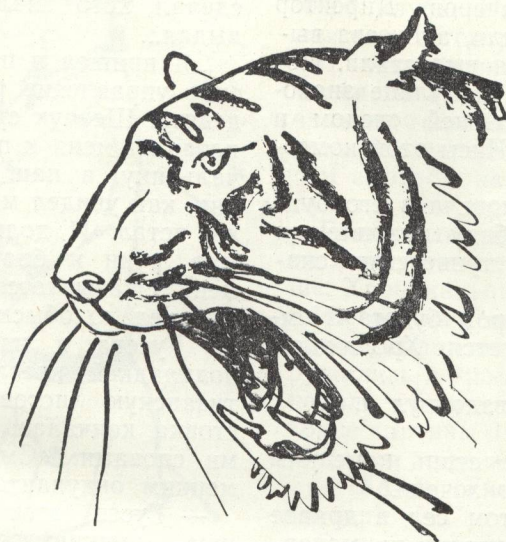
Мне повезло. Старик и скрипач стояли на прежних местах. Старик, как и утром, бормотал все те же слова: «янтарный мундштук... янтарный мундштук». Слепой пиликал свою бойкую ойру. Другое играть он, видимо, не умел.

Без всякого труда полицай убедился — в письме моем все было правдой.

— Твое счастье! — сказал Шевчук. — А то бы!.. Айда к начальству.

На моей руке женские часы, подарок начальника полиции. Часы идут не очень хорошо, потому что они старые. Их сняли с руки расстрелянной комсомолки. Она пряталась у бабушки, и бабушку за это тоже убили. Перед тем, как их убить, с комсомолки сняли часы, а с бабушки крестик серебряный. Часами начальник полиции наградил меня, а крестик повесил на шею своей маленькой дочери.

Пан начальник приказал мне торчать на базаре, следить, не появится ли тот партизан. Еще он приказал сообщать ему лично о всех, кто говорит против нового порядка, против немцев. Он спросил, где я живу, кто мои родители. Я сказал, что я сирота, а живу на базаре, в заброшенной лавчонке. Тогда начальник распорядился, чтобы мне дали деньги на еду и приказал поместить меня в казарму к пожарникам.

Я ходил по базару три дня подряд, но партизана, конечно, не встретил. На четвертое утро я пошел в городской клуб. Раньше это был клуб имени Октябрьской революции, а теперь его сделали клубом для немецких офицеров. Я пошел в этот клуб, чтобы повидать киномеханика Гусева. Трофима Семеныча Гусева. До войны он был затейником в Доме пионеров и вел с ребятами кружок киномехаников. Я в этом кружке считался самым первым.

Когда пришли немцы, Гусева арестовали. На первом же допросе он сказал, где скрывается директор Дома пионеров. Директор был коммунист, и его повесили, а Гусева выпустили из гестапо. И не зря выпустили. Потому что он вскоре заметил на улице знакомую комсомолку, пошел за ней следом и узнал, у кого она прячется. Часы этой комсомолки теперь на моей руке...

Я застал Трофима Семеновича в его будке. Он наматывал на бобину киноплёнку. Я поздоровался, а он вместо приветствия сказал:

— Интересное кино вечером будет. «Немцы — господа мира» называется. Хроникальная...

— Вот бы посмотреть! — вздохнул я.

Он даже засмеялся:

— За малым дело стало: стань немецким офицером и смотри, сколько хочешь!

Я тоже засмеялся. А потом сел в драное кресло и стал свертывать сигарку из махорки. Раньше я никогда не курил, и у меня получилась большая и неуклюжая закрутка.

— Откуда табачок? — спросил Гусев.

— У входа в клуб тетка продает. Дешево...

— Ну да? А я без курева! Сиди, я сейчас!

И он бросился вниз, а я остался в будке один...

Не знаю почему, я стал вдруг дрожать и, казалось, дрожь эта никогда не кончится. Но в тишине будки я услышал едва уловимое тиканье моих маленьких часов, взглянул на их треснувший циферблат, и тогда дрожь моя мгновенно исчезла, я сразу успокоился и сунул руку в карман ватника...

Гусев вернулся злой. Торговки внизу не оказалось.

— Ладно, — сказал я. — Будет вам табак...

Я отсыпал ему махры закруток на пять и ушел.

Через три дня я доложил Шевчуку, что партизана пока еще не обнаружил, но заметил подозрительное в кинобудке: когда я вошел к Гусеву, он быстро сунул за обивку кресла какой-то листок. При этом Гусев был очень бледен и у него тряслись руки.

Шевчук подергал свои жиденькие усы и сказал, что я дурень: Гусев человек проверенный.

Но все-таки Шевчук доложил о моих словах пану начальнику. Начальник тоже сказал, что я дурень, но, на всякий случай, сообщил о моих подозрениях в гестапо.

— Придешь завтра утром, — сказал начальник, хрипло дыша. — Цены особой этому Гусеву теперь нет. Свое дело он сделал, кого знал — того выдал...

...Я пришел в полицейское управление ровно в девять. Шевчук сразу же потащил меня к пану начальнику, а пан начальник, как увидел меня, даже встал. И долго тряса мне руки и благодарил меня. Оказывается, гестапо сделало обыск в будке Гусева и нашло за подкладкой кресла партизанскую листовку. Листовка кончалась наглыми словами: «Смерть немецким оккупантам!»

— Гусев этот дурачком прикинулся! — рассказывал начальник. — Дескать, «ничего не знаю, первый раз вижу». Несет всякую ерунду. Ладно! В гестапо возиться с ним долго не будут! Либо на виселицу, либо в концлагерь! А тебе, Андрей, благодарность от меня лично. Принимай, держи! Вот тебе триста марок. Если есть просьба какая — говори.

Тогда я сказал, что у меня есть просьба: хочу работать киномехаником в офицерском клубе. Вместо Гусева.

Пан начальник заверил, что завтра же устроит меня в этот клуб и пообещал:

— Помоги поймать того бородатого партизана, получишь тысячу марок!

Я сказал, что обшарю весь город и обязательно встречу с партизаном.

Пан начальник улыбнулся довольный, и мне показалось, что зрачки его глаз совсем исчезли. И хотя мне было страшно, но я пересилил себя и взглянул в его белки с кровавыми прожилками.

Я работал в офицерском клубе уже десять дней и мною были довольны. У меня не рвалась пленка и кадры всегда были в рамке.

Накануне первого мая меня вызвали к начальнику полиции. Я вошел к нему и увидел сидящего на диване гестаповского офицера. Это был тот самый офицер, которого я приветствовал тогда в парке. Я и сейчас, увидя

его, вскинул правую руку вперед и громко сказал:

— Хайль Гитлер!

— Хайль! — воскликнул поспешно пан начальник. А немецкий офицер ничего не сказал, только пристально посмотрел на меня. Я стоял и ждал, когда начнут со мной говорить. А офицер не спускал с меня сверлящих глаз, и я понял, он старается вспомнить, где меня видел. Должно быть, он не мог вспомнить и оттого глаза его становились все злее и злее. Наконец он заговорил:

— Первого мая ты покажешь одну новую картину. В клубе будет один большой вечер. Туда придут важные офицеры. На этом сеансе все должно быть отлично! Ты меня понял?

Офицер говорил по-русски, и я все понял, конечно.

— В твоей будке не должно быть никого постороннего. Иначе ты будешь расстрелян как заговорщик. Ты меня понял?

— Так точно, господин гауптман, я вас понял.

— Тогда ступай и помни мои строгие указания.

И я ушел...

Немецкие офицеры пришли, как всегда, вовремя. Сеанс начинался в двадцать один час, а в двадцать часов пятьдесят пять минут все уже сидели на своих местах. Я сосчитал: сто сорок три немца, из них — один генерал. Генерал в обществе двух полковников и начальника гестапо сидели в единственной ложе нашего клуба. Начальник гестапо не переставая что-то говорил, а генерал, широко открыв рот, откинувшись на спинку кресла, покатывался со смеху. Я сразу догадался, что начальник гестапо рассказывает смешные анекдоты про евреев или про коммунистов.

Я смотрел, как смеется генерал, и тоже улыбался...

Ровно в двадцать один час в зале стало темно, я запустил картину. Это был фильм о Польше. Хроникальные кадры. Как армия фюрера завоевывала Польшу. На экране рвались снаряды, выли пикирующие бомбардировщики, рушились с грохотом дома, полыхали пожары, падали убитые, в ужасе металась живые. В конце картины на экране появился фюрер. Все вскочили и трижды выкрикнули:

— Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!..

Фильм окончился. Через десять минут должен был начаться концерт. Я натянул поглубже кепку и вышел из клуба. Черная густая ночь придавила мне плечи. Я брел почти ощупью, едва передвигая ноги. Не знаю, что со мной случилось, но мне вдруг захотелось спать, ужасно захотелось спать. Я не сомневался — стоит мне сейчас прислониться к чему-нибудь, и я усну стоя, усну мгновенно. Нет, мне нельзя было сейчас останавливаться, я шел и шел, пока не оказался на пустынной окраине города. И здесь я услышал за своей спиной отдаленный грохот двух взрывов, один за другим! Точно такой же грохот тридцать минут назад сотрясал на экране маленькие города Польши. И, смотря на экран, немецкие офицеры восторженно кричали «Хайль Гитлер!»

Взрывы точно разбудили меня, сон мгновенно исчез, и я побежал по кривым закоулкам пригорода. На повороте я оглянулся и увидел далеко в городе огненный столб, точно смерч подпирающий черное небо. Багровый дым пожарища затягивал звезды и отбрасывал на землю нежную розоватую тень.

Я добежал до знакомого дома, дверь в нем была открыта, меня ждали. Человек — лица его в темноте нельзя было рассмотреть, — сжал меня в объятиях, и я почувствовал на щеке прикосновение его шершавых губ.

— Сработали! Обе сработали!.. — восторженным шепотом сказал он. — Какой взрыв! Какой отличный первомайский салют!..

...И вот мы сидим в темноте у окна, не отрывая глаз от багровых клубов дыма.

— Ты подложил их, как условились? — спрашивает человек шепотом, хотя в доме никого, кроме нас, нет.

— Да... Одну в лужу, где сидел генерал, другую в свою будку, за кресло...

— За кресло?

— Да. За подкладку которого я спрятал в тот раз партизанскую листовку «Смерть немецким оккупантам!»

— Я уже сообщил куда следует, что ты избавил нас от предателя Гусева... Завтра я посылаю тебя к партизанам.

— А вы?

— Останься здесь... Вместе с другими подпольщиками. А тебя приказано переправить в лес. Когда ты будешь у партизан, я почувствую себя в полной безопасности.

— Как это?

— Не понимаешь? Ты же единственный человек в нашем городе, кто выслеживает меня.

Он тихо смеется, касаясь рукой моего плеча.

— Их было сто сорок три, — говорю я и слышу, как тикают часы на моей руке. — Сто сорок три человека.

Он подымается со стула и, припадая на правую ногу, ходит по комнате.

— «Сто сорок три человека»? — резко спрашивает он. — Нет, не человека! Сто сорок три тигра-людоеда! Эти уже не бросятся на людей, не нападут со спины... Да... — задумчиво продолжает он, — ты не испугался положить голову в пасть тигра... Кончится война и, как знать... пожалуй, я возьму тебя в помощники...

РЕДАКТОР „ОКОПНОЙ ПРАВДЫ“

Б. Никольский

Первый раз я увидел Илиту Кирилловну Даурову в Орджоникидзе, больше трех лет назад, в декабре 1960 года. Наверно, я никогда не забуду, как вместе с ней в ее доме мы, волнуясь, перебирали, перетряхивали каждую тетрадку, каждую книгу.

— Я точно помню, он должен быть здесь, я еще хотела получше спрятать, — говорила Илита Кирилловна.

И вот, наконец, из одной книги выскользнул сложенный вчетверо листок пожелтевшей бумаги. Я поднял его и развернул. Большое красное знамя было нарисовано на листке и карандашные строчки, старательно выведенные ребячьей рукой, бежали по нему.

«Окопная правда № 11.

...52-я школа! Твои стены держатся, как чудо, среди развалин, твой фундамент не дрогнул, как наш мощный кулак десяти!

Дорогая десятка! Кто из вас останется жив, расскажите всем, кто будет в этой школе учиться, где бы вы ни были, приезжайте и расскажите все, что происходило здесь, в Севастополе...»

Да, я держал в руках боевой листок, последний боевой листок, написанный Валерием Волковым, учеником четвертого класса. Вместе со взрослыми Валерий Волков защищал Севастополь. В последние дни обороны города он подорвал немецкий танк и сам, тяжелораненый, умер на руках у Дауровой...

Теперь этот боевой листок хранится в Центральном музее Советской Армии, рядом с овеянными славой знаменами. Теперь все газеты — и «Правда», и «Комсомольская правда», и «Пионерская правда», — рассказали о Валерии Волкове. Но понадобилось целых три года упорной работы красных следопытов Москвы, Севастополя, Орджоникидзе, чтобы имя Валерика стало известно всей стране. В конце прошлого года Валерий Волков был посмертно награжден Орденом Отечественной войны I степени.

А совсем недавно Илита Кирилловна Даурова, отважная защитница Севастополя, бывшая летчица, побывала в Ленинграде. Здесь она встречалась с ленинградскими пионерами, рассказывала им о Валерии Волкове. Прощаясь с Илитой Кирилловной, я спросил, что бы она хотела пожелать читателям «Костра».

— Быть такими, как Валерик, — сказала Илита Кирилловна,

Валерий Волков

Илита Кирилловна Даурова

ИТАЛЬЯНСКИЙ ДНЕВНИК

В. Торопыгин

Шофер

Франко — шофер нашего туристского автобуса. Молодой, худощавый, подвижный.

— Сегодня хорошая погода, Франко! Солнышко!

— Да, синьор.

— Наверное, скоро увидим Тирренское море?

— Да, синьор.

— Большое движение в Риме...

— Да, синьор.

Мы знали, почему он неразговорчив. Накануне у нас случилась поломка: сгорели подшипники. Три часа простояли мы на шоссе, пока не подъехала аварийная машина. После этого Франко и замкнулся. Не оглядывался в нашу сторону даже на стоянках. Угрюмо протягивал плату служителям частных автострэд. Почти не прикасался к мелодичному автобусному гудку.

Видя, что Франко в плохом настроении, мы перестали задавать ему вопросы; наша молчаливость еще больше огорчала его. И тут он

еще нарушил правила: въехал в переулок с односторонним движением.

Переулок узкий, не развернуться. Слева и справа, вплотную к бортам, подступили прилавки рыбного базара: красные холмики креветок, розовые горы осьминогов... Но Франко не сбавлял скорости!

Размахивая руками и бранясь, люди бежали в подьезды: между домами и машиной не оставалось пространства даже для человека. Третий, четвертый, пятый переулок — ну уж здесь-то автобус, конечно, не пройдет! Но мы ехали! Мчались!

И вот впереди показалась кирпичная арка, а за ней — широкая улица.

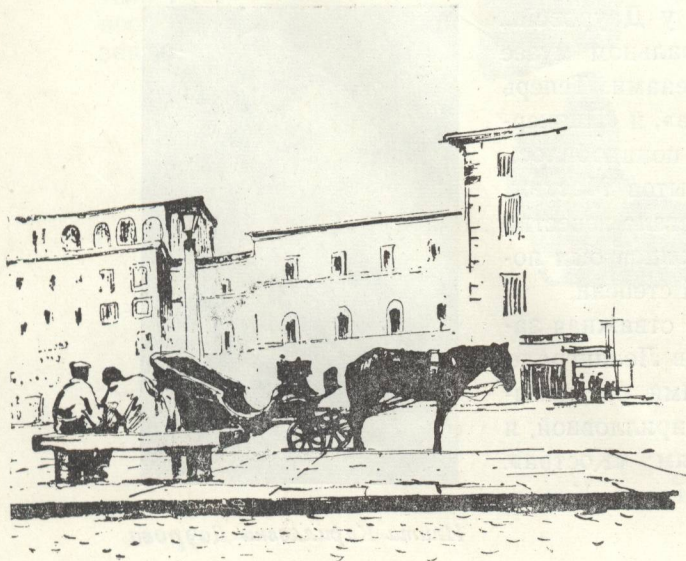
Вырвавшись на простор, мы зааплодировали, закричали: «Браво!»

— Такой прекрасный шофер, — шутливо сказал кто-то, — а поехал против движения...

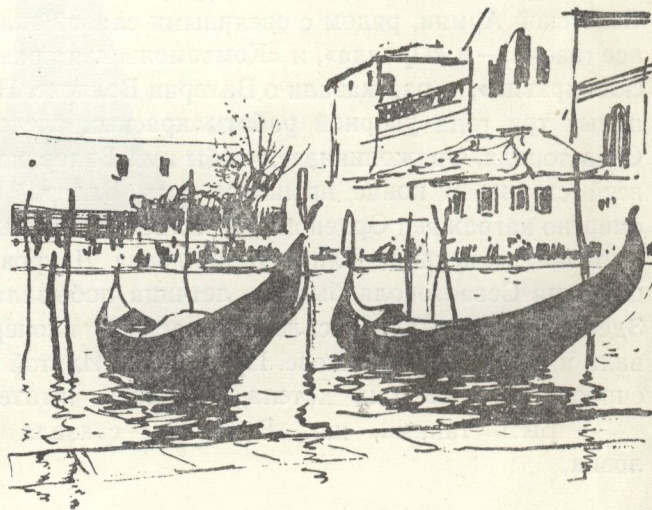
Франко обернулся. На лице его была улыбка. Он подмигнул, помахал рукой.

И нам стало ясно: вся эта фантастическая

Из альбома

Рим. Извозчики

Венеция. Гондолы

поездка по старым неаполитанским улочкам была предпринята специально: не такой Фран-

ко человек, чтобы о нем думали, что он не мастер своего дела!

Вальс в Венеции

Несколько дней мы жили в Венеции. Передвигались только по воде: на речных такси и гондолах. В воскресенье решили совершить сухопутное путешествие...

Накануне был дождь. Вода вышла из каналов и затопила многие венецианские улицы. До железнодорожного вокзала мы добрались благополучно, но когда перешли Большой канал и оказались в центральной части Венеции, отыскивать неперерезанные водой пути стало трудно.

Несколько раз возвращались мы к небольшой церквушке с мадонной в кирпичной нише, потому что улицы, по которым мы пытались продвинуться вперед, бурлили зеленеющим прибоем.

Около церквушки мы и услышали вальс. Минуту мелодия звучала непонятно откуда. Но вот на площади показалась женщина — невысокая, плохо причесанная, в желтой старенькой кофте. На груди она держала аккордеон.

Аккордеон был большой, с красными перламутровыми планками, белыми и черными клавишами. С верхнего угла к нему было при-

паяно металлическое блюдо. В блюде звякивали монеты.

Женщина медленно перебирала пальцами и, чуть наклонив голову, вслушивалась в музыку.

За нею, взявшись за руки, шли двое: мальчик, лет семи, и девочка, совсем маленькая, вероятно, трехлетняя — оба в одинаковых черных пальтишках.

Возле мадонны стоял юный венецианец, ровесник нищего, в аккуратном синем костюмчике. Мальчики встретились взглядами и стали молча изучать друг друга. Но музыка звала брата с сестрой дальше...

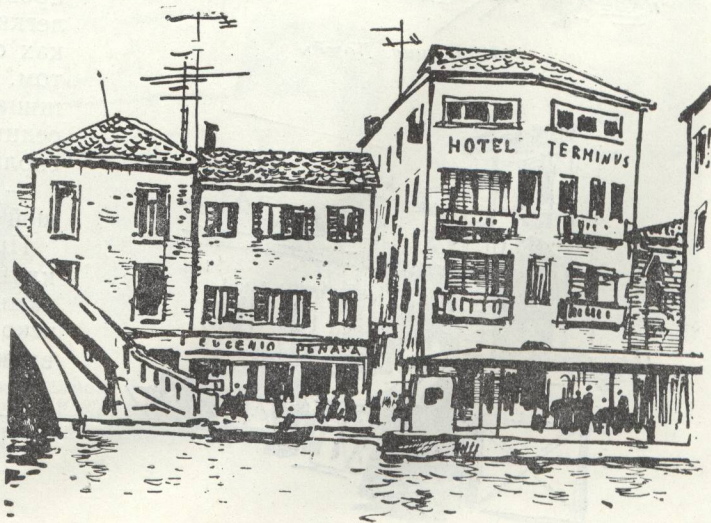
Женщина прошла мимо нас, не поднимая головы, и скрылась в одной из улиц-щелей. За нею юркнули дети.

Мы пошли искать незатопленную дорогу в противоположном направлении.

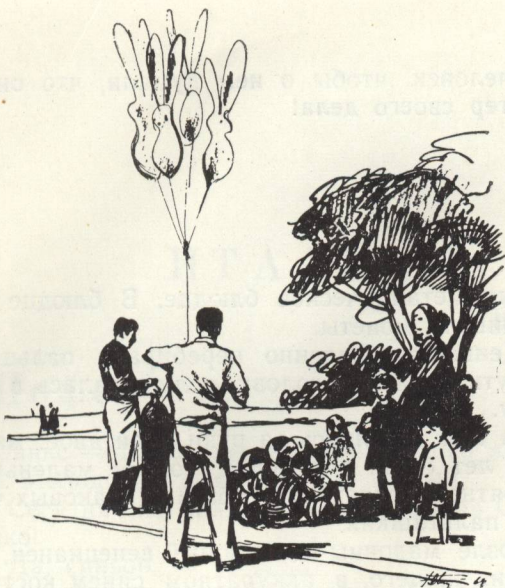
Но и новая попытка оказалась неудачной — опять нам пришлось вернуться к церкви. И мы снова услышали вальс. Видимо, женщина с аккордеоном тоже встретила воду на своем пути и тоже вернулась к церкви.

Денег у нас не было, мы ничем не могли

художника Ю. Подляского

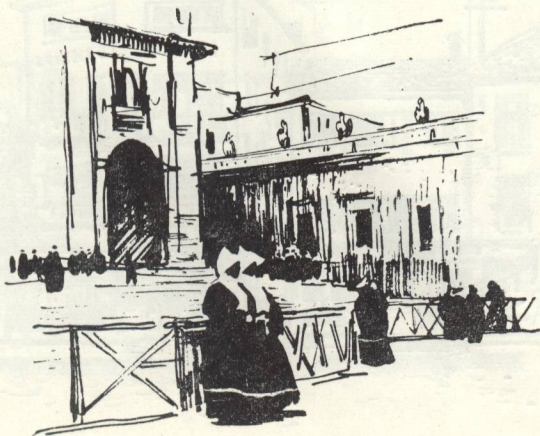
Венеция

Рим. На площади Гарибальди

Флоренция. Дождь

Рим. У собора святого Петра

скрасить горе женщины; однообразный мотив мучил нас, но уйти от него было нельзя: оставалась только одна, не проверенная ни нами, ни женщиной улица.

Так же, не поднимая головы, женщина двинулась за нами, чуть поодаль — мальчик и девочка. Мы шли долго, может быть, час, может быть, два. Шли молча. И всю дорогу не смолкал за нашими спинами вальс...

Помпеи

В ноябре даже в Южной Италии прохладно, но в день, когда мы приехали в Помпеи, стояла жара. Солнце нагрело камни мостовой, и по ней, явно радуясь неожиданному возвращению лета, метались, как зеленые молнии, ящерицы. Тепло было даже в тени, за толстыми стенами развалин, — там не по-осеннему ярко сверкали в траве белесые звездочки сурепки.

Мы уже побывали в музее, где в застекленных шкафах хранятся окаменевший хлеб и осколки труб древнего водопровода; осмотрели огромную котловину заросшего травой театра и колоннаду форума. Покидать Помпеи не хотелось. Мы продолжали ходить по ее улицам, рассматривая теперь не столько серые, две тысячи лет пролежавшие под пеплом камни, сколько идущих навстречу людей.

Шли три священника. Малиновые рясы, выглядывавшие из-под черных плащей, говорили об их высоких церковных должностях. Священники ни на кого не обращали внимания, с увлечением фотографировали, спорили и размахивали руками.

Степно проплыла группа туристов, человек двадцать, — все в темных очках.

И тут из-за поворота показалась странная процессия. Двое мужчин — пожилых, лысых, в легких фуфайках — несли носилки. На носилках стоял маленький, обитый красным бархатом, стулик. На стулике сидела молодая женщина, в черном костюме, с выкрашенными под седину волосами. За носилками следовало несколько молодых людей.

— Наверное, больна... — сказал кто-то из нашей группы.

Процессия приблизилась к ресторану — стеклянной стене, искусно вмонтированной в камни помпейских развалин. Женщина бойко вскочила, и вся компания, оживленно разговаривая и смеясь, двинулась к входной двери.

Носильщики вытирали пот со своих лысин. — Это для больных? — спросили мы про носилки.

— Для богатых... — ответил один из них.

В Милане

Одно из помещений миланского монастыря Санта-Мария делле Грацие украшено знаменитой фреской Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». У фрески — свои давние счеты с войной...

В начале девятнадцатого века в Милан вошли войска Наполеона. Под крышей монастыря была устроена конюшня.

В конце второй мировой войны город бомбили американская авиация. Монастырь был разрушен. Чудом уцелела только стена с фреской...

В день, когда мы приехали в Милан, в старинном замке Сфорцо — это как раз недалеко от монастыря — открылась выставка новейшего вооружения. Вдоль высоких кирпичных стен ровными рядами выстроились тонкие, как

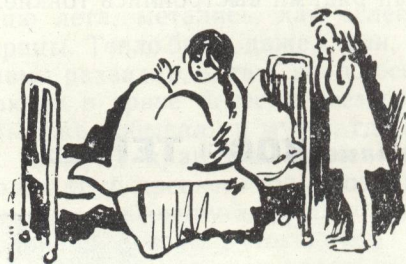
иглы, суперзвуковые самолеты, танки-амфибии, вездеходы. Ракетные установки показывали свою маневренность. Бело-красные тела ракет ложились на землю, мгновенно поднимались, нацеливая головки на миланские крыши, застывали в вертикальном положении. Упругие, как у спортсменов, движения ракет вызывали восторг детворы. Молодой шеголеватый офицер, стоявший у пульта управления, позволял мальчишкам нажимать кнопки. Одно прикосновение к чуть заметной на щите выпуклости — и ракета, вздрогнув, делает молниеносное движение!

Я смотрел на детвору и вспоминал фотоснимок монастыря делле Грацие времен войны: груда развалин и обломки стены с фреской Леонардо...

Путешествие КОСТИ ТЕРКИНА

Было чудесное солнечное утро в самом начале весны. В это утро пришло еще сто писем с фотографиями на конкурс КЮКа. КОСТЯ ТЕРКИН внимательно просмотрел все, записал несколько адресов и пошел на тридцатую страницу...

ПРИЗРАК ПОСЛЕ ОТБОЯ

ВЕСЕЛЫЕ РАССКАЗЫ

Евгений Рейн

Рисунки В. Голявкина

Есть же на свете невезучие люди. Вроде Лешки Колесова. В нашем интернате ему больше всех не везло.

Вот идут ребята на обед, санитарному звену руки показывают, санитарное звено пропускает. А у Лешки обязательно неприятности.

Санитарное звено — это Оля, Алла-большая, Алла-маленькая и звеньевая Тата.

Тата говорит:

— Подними руки повыше, Колесов, ничего не видно.

— А они не поднимаются, у меня ревматизм, — отвечает Лешка.

— Ну, тогда пойдй вымой их хорошенько, сразу поднимутся.

— Я их и так шесть раз мыл, — твердит Лешка, — больше — ни за что!

— В таком случае мы тебе поможем, — и Тата строго смотрит на свое звено. — Алла-маленькая, вымой товарищу Колесову руки, только осторожнее, у него ревматизм.

Тут все прямо падают от хохота, это ведь неспроста Тата Аллу-маленькую выбрала, Лешка вообще при одном взгляде на Аллу краснеет, а тут она ему руки мыть будет!

— Нет, — говорит Лешка, — это какое-то издевательство над личностью. У меня самые чистые руки в отряде. В таком случае я совсем не буду обедать и умру, тогда еще пожалеете о своих поступках.

И вот отряд обедает, а Лешка сидит на скамеечке перед столовой и рисует на тетрадном листе Тату. Уши у нее, как у слона, нос похож на сковородку, а на лбу написано: «санитарное звено поглупее, чем бревно».

Потом Лешка приоткрывает дверь в столовую, делает из этого листа голубя и пускает его в зал. Голубь падает кому-нибудь на стол, там читают, что Лешка про Тату написал, и начинают смеяться.

Но Лешке от этого не легче. Потому что есть ему хочется ужасно, и все равно он идет в умывальник, снова моет руки, а потом подходит к столу, за которым обедает Тата, и показывает ей руки. И на этот раз все, кто в столовой сидят, хохочут просто до упаду.

И что вы думаете, помогает это Лешке? Нисколько. Назавтра с ним опять какой-нибудь случай по санитарии.

Однажды улеглось после отбоя санитарное звено в своей палате, и девочки стали страшные истории рассказывать.

Тата говорит:

— А я вот однажды видела: идет по коридору призрак, под ручку с ним два скелета.

Оля говорит:

— Ой, Татка, не ври, ой, как страшно.

А Тата говорит:

— Идут они по коридору — топ-топ-топ, — и замолчала.

А по коридору действительно кто-то идет, медленно-медленно, прямо к палате — топ-топ-топ.

— Ай, — сказала Тата и побледнела, — наверно, это дежурный.

И в ту же секунду дверь отворилась и на пороге встал призрак, белый с ног до головы.

У Таты сам собой закрылся один глаз, и она долго-долго молчала, а потом вдруг прошептала — «пожалуйста».

Но призрак ничего не ответил, а только запищал тоненьким голосом и подпрыгнул. А потом он вытянул руки в сторону Таты и опять запищал.

А Алла-маленькая, увидев все это, упала лицом в подушку и замерла совсем как во сне.

И вдруг призрак бросился к ней и как заорет:

— Аллочка, Аллочка, что с тобой?

И тут, конечно, сразу оказалось, что это Лешка Колесов.

— Ах, так, — сказала Тата, — ну завтра мы с тобой побеседуем на совете отряда.

— Ах, так, — сказал Лешка, — раз уж я к вам попал, то я скажу, что у вас пол замусорен, а на тумбочке просто какая-то свалка. Санитарное звено называется. Стыд, ужас и позор.

— Ах, так, — сказала Тата, — тогда ты ничего про это не говори, а мы не расскажем про призрака.

— Ну, нет, — ответил Лешка, — я вот сейчас протокол составлю, какая у вас тут чистота.

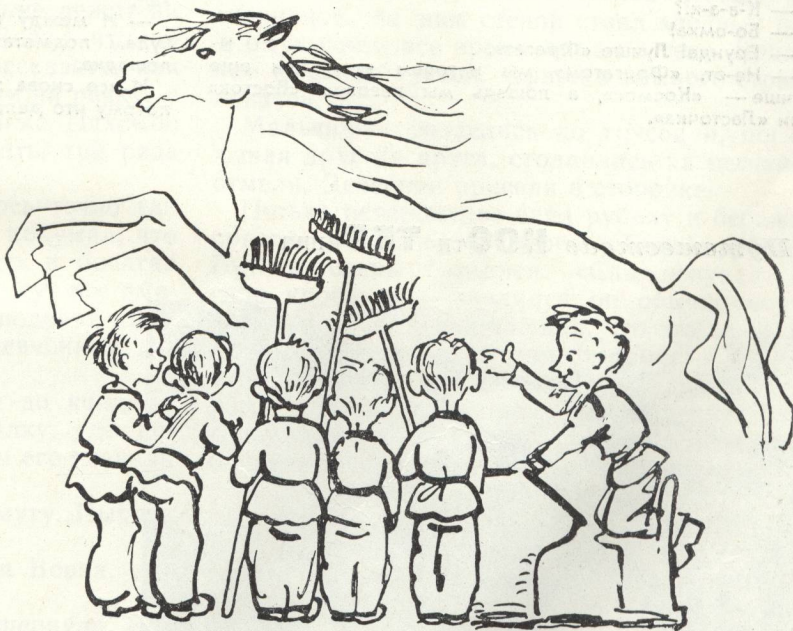
И он взял с тумбочки лист бумаги и стал все записывать, разгуливая по комнате, как самая настоящая комиссия.

И тут еще обнаружилось, что Алла-маленькая легла в постель, не помыв ноги, и хотя Лешка сначала не хотел это записывать, но, подумав, все-таки записал.

А на другой день совет отряда разбирал личное дело Алексея Колесова. И хотя ему вынесли строгий выговор за неправильное поведение призраком после отбоя, его все-таки назначили санитарным звеньевым вместо Таты. А Тата наотрез отказалась продолжать свою полезную работу и перешла в драматический кружок.

МЫ ПОЕДЕМ НА РЫЖЕМ КОНЕ

Сергей Вольф

Мы должны были провести сбор «Что мы сделаем и подарим родной школе».

И я снова подумал, какой наш староста Глеб потрясающий человек.

Он сказал:

— Мы подарим нашей школе лошады! Что может быть лучше! Ничего, а?!

Все сразу закричали и захлопали в ладоши. Еще бы! Может, мы целый день ломали бы себе головы, а он сразу придумал.

Глеб сказал:

— Она — эта лошадь — будет всеобщим питомцем и любимцем.

Я что-то вспомнил, знакомое, и закричал:

— Мы будем его холить! Ура! Холить!

— Да! Да! — закричали все.

— Тихо, тихо, — сказал Глеб. — Главное — мы подарим его школе, но все будут знать, что это мы, что это наша идея.

Кто-то спросил:

— А откуда мы возьмем эту лошадь? Разве они есть?

— Чепуха! — сказал Глеб. — Это не затруднение — конечно, есть. Главное, мы достанем его в виде маленького жеребеночка, маленькой лошади и будем его растить.

— И холить, — сказал я.

— Да. И холить, — сказал Глеб. — Разумеется. Мы все завелись. Вопросы посыпались:

— А где его достать?

— Почему они?

— Где его хранить, то есть держать, то есть растить?

— Белого или черного?

— Он нужен, но для чего?

И Глеб легко отвечал на все вопросы:

— Достать его, этого маленького жеребеночка, довольно просто. Где — пока не знаю, не стоит об этом думать. Цена им пять рублей. Именно. Не больше и не меньше. А если больше, то не намного. Деньги соберем в конце сбора. Цвет лучше всего рыжий. Лошадь — она не такая уж большая, будем ее держать в спортзале, там, где конь. Для чего она нужна? Глупый вопрос. Во-первых, — просто лошадь, не у всех ведь есть. Во-вторых, — рыжая, не какая-нибудь, перwokлашек катать на ней можно, просто ездить, кому надо... Зайдут в школу, например, иностранные туристы, смотрят — лошадь. Неоценимо. И другое.

— А еще она может возить воду к нам на сельхозучасток! — сказала Светка Петренко.

— Разумеется, — сказал Глеб.

— А что если вообще сделать водопровод на сельхозучасток? — сказал Фред Блинов.

— Точно!

— А еще модель яхты.

— Красота!

— А как мы его назовем?

— Кого «его»?

— Ну, лошадь.

— Бомка.

— К-а-а-к?

— Бо-омка!

— Ерунда! Лучше «Фрегат».

— Не-ет. «Фрегатом» мы назовем яхту, или еще лучше — «Космос», а лошадь мы назовем «Восток» или «Ласточка».

— Ну, ты скажешь!

— А что!

И вдруг Сеня Елкин громко сказал:

— Смотрите! Я починил швабру!

И все замолчали, и я вспомнил, что пока мы говорили, Сеня все время что-то делал и стучал: стук-стук-стук, стук-стук-стук, а мы слышали, только внимания не обращали.

Глеб сказал:

— Что? Какую швабру? Что еще за швабра?

— Просто швабра, — сказал Сеня. — Она почти уже сломалась, а я ее укрепил, починил в общем. Теперь есть совершенно целая швабра.

— М-да, — сказал Глеб — Так. Тихо. Давайте помолчим.

Мы все немного помолчали. Потом Глеб сказал:

— Я все понял. Пока мы говорили, человек делал дело. Он принес пользу. А мы слишком много говорили. Я считаю так: раз эти швабры ломаются, нужно их чинить, кому нужны ломаные швабры? Соберем их по всей школе и приведем в порядок, я уверен, школе нужны нормальные швабры, а то будет грязно. А Елкина назначим главным.

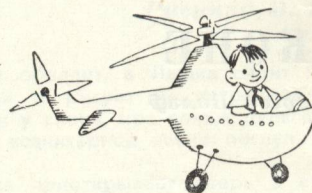
Все опять закричали и захлопали, потому что швабра — очень полезная вещь и дело не только в лошадях.

А Глеб почему-то был очень грустный, — я заметил, — а потом вдруг улыбнулся и очень громко сказал:

— И между прочим, именно нашими швабрами мы будем подметать зал, где будет расти наша рыжая лошадка.

И все снова закричали и обрадовались еще больше, потому что дело ведь не только в швабрах.

Путешествие КОСТИ ТЕРКИНА

Дежурный по аэродрому сразу же узнал КОСТЮ ТЕРКИНА и без долгих разговоров пропустил его на летное поле.

Вот обрадовался КОСТЯ, когда встретил здесь своих старых знакомых — ленинградских юных космонавтов. Пионеры подружились с летчиками и изучают авиадело.

КОСТЯ поблагодарил Сережу Самохвалова за присланную на конкурсе фотографию, а потом попросил у одного из летчиков одолжить ему на денек вертолет. «Сейчас нарисую», — сказал летчик.

Славная вышла машина — вертится и летает!

В нарисованном вертолете КОСТЯ ТЕРКИН полетел на тридцать пятую страницу.

Мамаев омут

РАССКАЗ

А. Мусатов

Рисунки Н. Кустова

Трудно живется на свете Вовке Пахомову. Посудите сами. Ростом он от горшка два вершка, мускулы на руках еле прощупываются, голосок тихий, неприметный, волосы на голове легкие, светлые, словно у старичка, и все лицо покрыто белым курчавым пушком.

Может, поэтому и зовут Вовку в деревне Седой Пахом.

Но кличка — это еще ничего, если бы не другое. Всегда и во всем Вовка отстаёт от мальчишек, особенно от соседа Петьки Мигачева.

Побегут они с Петькой наперегонки — Вовка, конечно, остается в хвосте; схватятся бороться — и через минуту Вовка уже лежит на обеих лопатках. Придумает Вовка что-нибудь интересное и не успеет рассказать, как Мигачев уже увел ребят в лес или на речку.

Про Вовку так и говорят: «Пока Пахомов думает, можно два раза пообедать, три раза выпастись».

Вот и сегодня утром получилось точно так же. Еще лежа в постели, Вовка подумал, что хорошо бы повести ребят ловить в бочагах щурят. Рыбачить они, конечно, будут все вместе, дружной артелью, а потом поделят рыбу поровну между всеми. И чтоб девочкам досталось и малышам.

Не успел Вовка додумать все до конца — кого из ребят позвать на рыбалку, где достать ведра, корзины, как с улицы его позвали ребята.

— Седой, пошли к Мамаеву омуту. Нырять будем... камушки доставать.

— Какие камушки? — удивился Вовка, выбегая на улицу.

— Красивые, самоцветные, — шепнула ему Нюшка Горохова. — Вон смотри, Петька показывает...

Вовка подошел ближе. У колодца, в кругу мальчишек и девочек, стоял Петька Мигачев в пестрой рубахе, подбрасывал на ладони цветные камушки и рассказывал, что на дне омута их полным-полно, только надо до них донырнуть.

— Зря ходить будем! — отмахнулся Вовка и стал объяснять, что Мамаев омут очень глубокий, до дна доныривают одни лишь парни да взрослые мальчишки, и камушков, конечно, не достать.

— Вольному воля, — усмехнулся Петька. — Кто нырять не умеет, может в тенечке посидеть.

— Пошли, пошли, — затормошил всех непоседливый Колька Силкин.

Еще Вовка хотел сказать, что лучше бы им пойти ловить щурят, но было уже поздно: все мальчишки вслед за Петькой направились к Мамаеву омуту.

Пожав плечами, поплелся за ними Вовка.

Омут находился километрах в двух от деревни, где река Рожайка делала крутой поворот.

По берегам он был оторочен густым кустарником, за ним стеной стоял хвойный лес, и омут почти все время лежал в тени. Вода в нем казалась густой, черной и немного страшноватой.

Мальчишки разделись до трусов и, поглядывая друг на друга, столпились на песчаной отмели. Девчонки присели в сторонке.

Петька неторопливо снял рубаху и бережно повесил ее на ветку дерева. Своей рубахой Петька очень гордился. «Сам покупал, на свои кровные», — хвалился он обычно перед ребятами. Но Вовка-то знал, что это за «свои кровные». Петька частенько помогал отцу с матерью торговать на базаре овощами, ягодами, яйцами, тайно рвал на колхозном лугу траву для своей коровы, и родители щедро оделяли сынка деньгами на подарки.

Предупредив мальчишек, чтобы они не трогали его рубаху, Петька разбежался и первым прыгнул в омут. Он долго пропадал под водой, а когда вынырнул и вылез на берег, то все увидели в его ладонях белый речной песок.

— Видали, до самого дна достал! — с довольным видом сообщил Петька. — А ну, кто следующий!

Переглянувшись, прыгнули в воду Вовка и Колька Силкин. Но вода, словно пробка, быстро вытолкнула их обратно — нырять оказалось не так просто.

— Эх вы, тютти сухопутные! — засмеялся Петька. — Разве так ныряют...

И он опять скрылся в глубине омута. На этот раз Петька достал со дна не только песок, но и разноцветные камушки.

— Кто говорил, что камушки не достану? — торжествуя, спросил он. — Смотри сюда.

Ребята не сводили с камушков глаз. И правда, они были очень красивые: розовые, голубые и зеленоватые, в темных прожилках и прозрачные, как капли росы.

— А бусы из них можно делать? — нетерпеливо спросила Нюшка Горохова.

— А чего ж... Любое украшение можно, — снисходительно ответил Петька и высыпал камушки девочке в подол. — Возьми... Это тебе.

Голенастая, курногая Нюшка порозовела.

— Спасибо, Петя!.. Только ты и другим девочкам достань... А мы тебе тетрадок принесем, карандашей...

— Это можно... Хоть целый пуд натаскаю, — хохотнул Петька, бросаясь в воду.

Вовка тяжело вздохнул.

Так вот зачем Мигачев уговорил ребят пойти к Мамаеву омуту — натаскает сейчас камушков, развернет торговлю, начнет задаваться и бахвалиться. Эх, если бы он умел, так же, как Петька, нырять до самого дна!

И Вовка с Колькой вновь и вновь бросались в омут. Они ныряли с разбегу, ныряли с ветки ивы, что наклонилась над омутом, но каждый раз очень быстро выскакивали обратно.

В ушах у них звенело, перед глазами поплыли зеленые круги, а один раз Вовка так наглотался воды, что его даже стошнило.

Зато Петька бахвалился вовсю: оделил всех девочек камушками, передразнивал неудачных ныряльщиков, потешался над Вовкой: «Откачивайте Седого... он пол-омута воды выпил».

Смеялись над Вовкой с Колькой и девочки.

А Петька после каждого ныряния делал пробежку по берегу, разогревался и снова нырял в омут.

Последний раз он так долго находился в воде, что девочки даже начали беспокоиться — не утонул ли.

Наконец Петька всплыл на поверхность и, тяжело отдуваясь, вылез на берег.

— Хватит, — хмуро сказал он. — Там на дне коряги лежат...

И тут все увидели на лбу у Петьки большую ссадину, из которой сочилась кровь.

— Больше не ныряю... опасно, — предупредил он ребят, прикладывая ко лбу лист подождника. — И вам не советую.

Девочки перепугались и стали уговаривать Петьку пойти на медпункт.

— Ничего... До свадьбы заживет, — отмахнулся Петька и, натянув рубаху и штаны, направился домой.

Разошлись и остальные ребята.

Но не прошло и часа, как на берегу вновь появился Вовка Пахомов.

В руках он держал тонкую веревку и несколько кирпичей, связанных проволокой. Следом за Вовкой нехотя плелся его дружок Колька Силкин.

— Ну, чего ты задумал? — заныл Колька. — Зачем тебе омут?

— Видал, как Петька задается... — заговорил Вовка. — Смеются все над нами... А чем мы хуже его!

— Так он же как рыба ныряет...

— Вот давай и поучимся.

— Сам знаешь... опасно нырять, коряги на дне.

— А мы осторожно. Один ныряет, другой на берегу сидит... Если что, за веревку меня тяни.

— А что, если что?..

— Ну... если я долго не вынырну.

Вовка обвязался веревкой, взял в руки связку кирпичей и плюхнулся в черную воду омута.

Прошла какая-нибудь минута, а Кольке она показалась целой вечностью. Он не выдержал и с силой потянул за веревку.

Из воды показалась мокрая Вовкина голова. Он отфыркнулся, перевел дыхание и сказал:

— А знаешь, чего-то получается. Я почти до песка достал. Ты только не тяни так быстро.

В другой раз Вовка уже вытащил несколько цветных камушков, в третий — целую пригоршню.

Потом, обвязавшись веревкой, стал нырять Колька, затем снова Вовка, но уже без веревки и связки кирпичей.

Вода на дне омута была холодная, мальчишек прохватывала дрожь, голые тела покрылись гусиной кожей, но они не сдавались. Кучка цветных камушков на берегу все росла и росла.

Вовка уже мечтал о том, как они принесут в деревню полную кепку камушков и оделят всех девочек. При этом без всякого обмена, совсем бесплатно, и потребуют только одного — вернуть Мигачеву все его камушки обратно.

— Хватит, Седой... Куда нам столько, — стуча зубами взмолился Колька, ссыпав камушки в кепку.

— Давай уж до полного наберем... Пусть знают нас, — заявил Вовка.

Но не успел он еще раз нырнуть в омут, как к берегу подошли Петька Мигачев и его отец, дядя Ефим, небритый, густоусый мужчина лет за сорок.

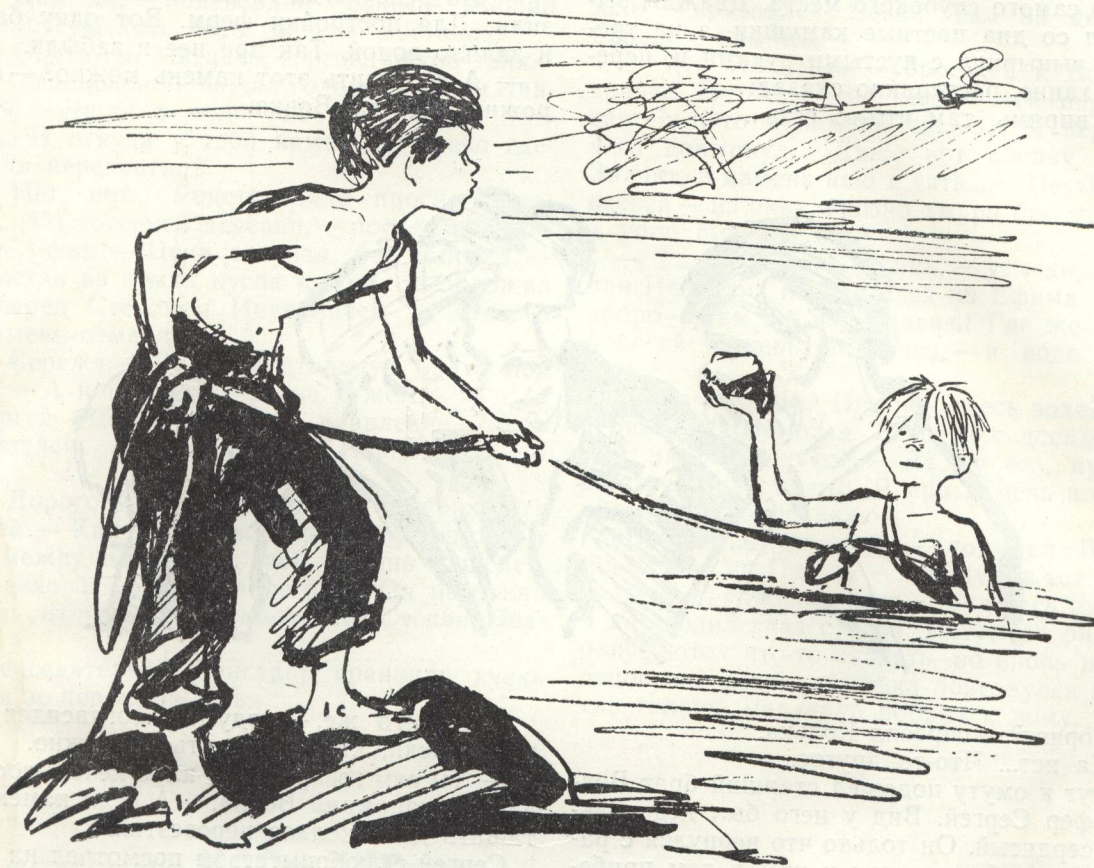
Дядя Ефим подозрительно огляделся кругом, заметил кепку с цветными камушками и набросился на мальчишек:

— Вы чего разнырялись?! Сказано вам — коряги на дне. Хотите, как и Петька, голову поцарапать? — И он показал на Петькин лоб, заклеенный нашлепкой из черного пластыря.

— Никаких там коряг нет, — возразил Вовка. — Я глубоко нырял, знаю...

После трех погружений он вылез на берег и, отфыркиваясь, с довольным видом похвалил сына.

— Ты у меня молодец! Башковитый, приметлив. А никто про этот омут ничего не знает?

— Может, вам камушков достать? — подобрел, предложил Петька. — Мне не жалко.

— Не надо... мы сами, — отказался Вовка.

— Скажи на милость, какие ныряльщики нашлись! — рассердился Ефим. — Посинели, замерзли. А ну, марш по домам. Не то я матерей покличу — они вам покажут омут.

Забрав кепку с камушками, Вовка с Колькой натянули штаны и рубахи и направились в деревню.

— Тоже мне, распоряжается... — с досадой бормотал Вовка. — Как будто это его омут... А мы захотим и опять нырять будем.

— Знамо дело, — согласился Колька, — только вот пообедаем.

Дождавшись, пока мальчишки скрылись за кустами, Ефим быстро разделся, вошел в воду, доплыл до середины омута и нырнул ко дну.

— Никто. Я как увидел, так сразу к тебе.

— Дельце, видать, доходное наклеивается, — подумав, сказал Ефим. — Надо только обстригать его умеючи. И ты, сынок, главное, мальчишек в омут не пускай. Наплети им с три короба, пострашай: мол, коряги на дне, всякие там завалы...

— Это я могу, — кивнул Петька.

* * *

После обеда Вовка с Колькой показали девочкам и мальчишкам цветные камушки и заявили, что они теперь умеют нырять в омут не хуже Петьки Мигачева.

— Так уж и не хуже, — не поверила Нюшка.

— А вот пошли! — разошелся Вовка. — Можем и вас научить.

Ребятишки направились к омуту и первое, что они увидели, был осиновый кол, вбитый

в песчаную отмель. На колу висела фанерка с надписью: «Нырять в омут опасно! На дне коряги и завалы!»

Но Вовка только махнул рукой — он-то знает, кто это написал.

Он разделся и нырнул в омут, стараясь достать до самого глубокого места. Дважды вытаскивал со дна цветные камушки, а на третий раз вынырнул с пустыми руками и, переводя дыхание, растерянно сказал:

— И впрямь, там что-то есть...

другой и достал со дна увесистый кусок камня — скользкий, зеленый.

— И в самом деле, строительный камень, — не без удивления подтвердил Сергей. — Должно быть, в этом месте баржа затонула.

— Какая баржа?

— По реке когда-то камень из карьера возили. Для постройки ферм. Вот одну баржу и залило водой. Так про нее и забыли.

— А вытащить этот камень можно? — осторожно спросил Вовка.

— Коряги? — спросил Колька.

— Да нет... Что-то другое.

Но тут к омуту подошел старший брат Вовки, шофер Сергей. Вид у него был недовольный и сердитый. Он только что вернулся с работы и сел обедать, как к ним в дом прибежал Петька Мигачев и сообщил, что Вовка с ребятами затеял глупую забаву — ныряет в омут.

— Ты что, огарок? — Сергей ухватил братишку за плечо и оттащил от омута. — Балушки затеял. А там мать чуть с ума не походила. Айда домой! — И он для устрашения даже потрогал ремень на поясе.

— Сережа, а там на дне что-то есть, — сказал Вовка.

— Знаю, знаю... коряги. Петька уже говорил. Хочешь и ты голову пробить?

— И совсем не коряги... Там камни какие-то. Большие, тяжелые... И много, много их.

Сергей не поверил. Откуда могут быть на дне омута камни?

— А ты нырни поглубже, — посоветовал Вовка. — И глаза открой. Сразу увидишь.

Как Сергей ни спешил домой, но он все же решил проверить Вовку. Нырнул в омут раз,

— А чего же, — подумав, согласился Сергей. — Если, конечно, взяться дружно.

— Ты сам говорил, что клуб нечем достраивать, — напомнил Вовка. — А если камень вытащить да в колхоз перевезти...

Сергей с любопытством посмотрел на мальчишек.

— А вы, малявки, не зря, пожалуй, в омут ныряли. Целый клад нашли. И камень что надо. Колхозу он вот как пригодится. А ну, пошли к Степану Ивановичу!

Ребята вслед за Сергеем направились к председателю колхоза.

На крыльце правления сидел Петька Мигачев. Заметив Сергея с ребятами, он вскочил и загородил им дверь.

— Нельзя!.. Там заседают.

— А ты что, — удивился Сергей, — колхозным рассыльным заделался или сторожем?.. — И он заглянул в окно правления.

— Никакого заседания там не было. Просто за столом разговаривали председатель колхоза Степан Иванович, бригадир строительной бригады и дядя Ефим Мигачев.

Прислушавшись, Сергей понял, что речь шла о колхозном клубе.

Бригадир докладывал, что камень в карьере кончился, фундамент больше класть не из чего и стройку придется пока приостановить. Правда, делу берется помочь Ефим Мигачев. Он разыскал строительный камень и может по недорогой цене продать его колхозу.

— Да, да, — подтвердил Ефим. — Машин пару-другую хоть через неделю доставлю.

— Опять ты, Мигачев, торговлишкой занялся? — недовольно покачал головой Степан Иванович. — Люди в поле работают, а ты ловчишь. И откуда у тебя камень? Налево где-нибудь перехватил?

— Нет, нет... Родственники просили продать... Из соседней деревни, — поспешил успокоить Ефим. — Цена сносная, без запроса. — И, достав из сумки кусок камня, он положил его перед Степаном Ивановичем на стол. — И камень отменный...

— Сережа, — Вовка подтолкнул брата под руку. — А наш камень разве хуже?..

Сергей быстро вошел в правление. Ефим торговался со Степаном Ивановичем о цене.

— Дорого, Ефим, дорого! — перебил его Сергей. — Как липку колхоз обдираешь. А у нас, между прочим, и свой камень нашелся. И близко, и не хуже твоего... — Он выложил камень из кепки. — Посмотрите, Степан Иванович.

Председатель и бригадир сравнили куски камня и переглянулись.

— Никак не хуже! Как будто они рядом лежали, — подтвердил Степан Иванович. — Откуда достал?

Сергей кивнул за окно на Вовку с Колькой.

— Вон их спросите... ныряльщиков наших.

— Мы с Колькой в Мамаевом омуте нашла, — признался Вовка. Там на дне целая баржа с камнем.

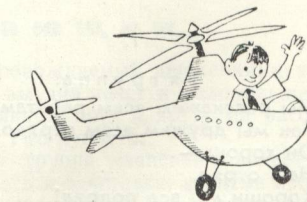
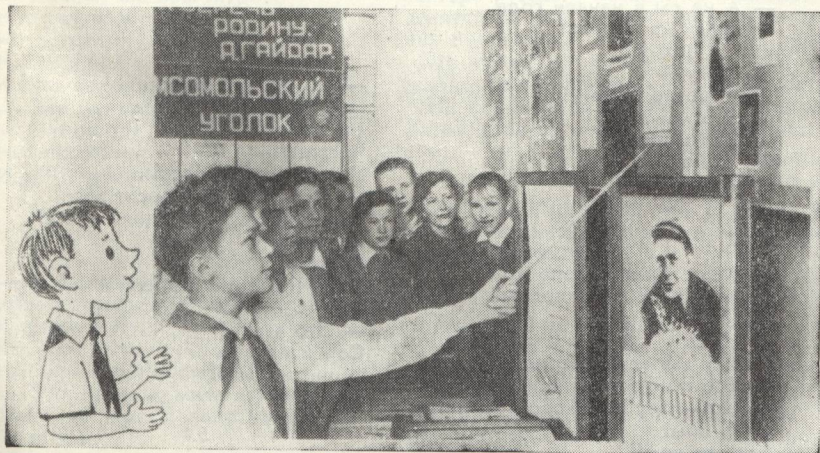
— Кто это «мы»? — бросаясь к Вовке, закричал Петька. — Вы чего чужое перехватываете?.. Это я камень нашел... Я первый до него донырнул... Даже вот шишку набил... Значит, и камень наш с тять... — Петька вдруг осекся — из окна, грозно хмуря брови, на него в упор смотрел отец.

— Та-ак... ясна картина, — усмехнулся Степан Иванович и покосился на Ефима: — Наше добро — нам же и продаешь! Где же он, твой дорогой камень, Мигачев, — в воде или на суше?

— Какая вода? При чем здесь вода? — растерянно забормотал Ефим и с досадой махнул на сына рукой. — Да ну его, путаника. Болтает нивесть что. Я про камень в омуте и знать ничего не знаю...

«Вот выкручивается», — подумал Вовка и посмотрел на Петьку — почему же тот молчит. А Петька, тяжело дыша, стоял весь пунцовый и не сводил глаз с отца. Потом он ринулся к окну, хотел что-то сказать, но вновь встретил отцовский взгляд. Петька повернулся и, опустив голову, медленно побрел к дому.

Путешествие КОСТИ ТЕРКИНА

В школе № 31 города Горького ребята-гайдаровцы из 8-б класса по старому русскому обычаю преподнесли КОСТе хлеб-соль, а потом повели осматривать школьный музей Гайдара. Экскурсоводом был Ваня Виноградов.

Солнце уже стояло высоко, когда КОСТя снова набрал высоту и полетел над Волгой. С аппетитом закусывая хлеб-солью, он взял курс на тридцать девятую станицу.

ОН ХОРОШ — НАШ ОТРЯД

Музыка М. Баргмана

ПЕСНЯ-ИГРА

Слова В. Фетисова

Весело, *1-я группа* $\frac{3}{8}$

mf Мы рас-ска-жем всем ре-бя-там, как мы дру-жим всем от-ря-дом

f *mf* Б Б М Б Б Б Б М Б

II-я группа

Он хо-рош наш от-ряд, хо-ро-ши мы все под-ряд! Не у вас ли меж со-бой

Б Б М М М 7 Б М М

раз-го-рел-ся в клас-се бой? Толь-но хлоп, хлоп, да хлоп! шиш-ни шле - па

М 7 Б 7 М

1.

1-я группа:

Мы расскажем всем ребятам,
Как мы дружим всем отрядом.
Он хорош —
Наш отряд,
Хороши мы все подряд!

2-я группа:

Не у вас ли меж собой
Разгорелся в классе бой?
Только — хлоп,
Хлоп да хлоп!
Шишки шлепались на лоб!

1-я группа:

Это мы-то?

2-я группа:

Это вы-то!
Подрались —
И шито-крыто!

2.

— Мы прославим скоро класс —
Чемпионы есть у нас!

Все подряд

Говорят:

Замечательный отряд!

— А не вы в начале года

Убежали из похода?

«Ах, в поход

Не могу —

Я здоровье берегу!»

— Это мы-то?

— Это вы-то!

По домам —

И шито-крыто!

3.

— Мы собрали возле дома

Больше всех металлолома.

Все подряд

Говорят:

Норму выполнил отряд.

— Все приносят банки, койки,

Вы же — трубы с новостройки!

Ну и лом!

Вот так лом!

Растащили новый дом!

— Это мы-то?

— Это вы-то!

Унесли —

И шито-крыто!

4.

— Но зато на высоте
Наш отряд по чистоте.

Мы пример

Чистоты —

На окне у нас цветы.

— Ну, а кто же просит вас

Грязь мести в соседний класс?

На окне

Красота,

Только совесть не чиста!

— Это мы-то?

— Это вы-то!

Сор к другим

И шито-крыто!

5.

Но еще известно всем:
Двоек нет у нас совсем.

В каждой школе найдутся ребята, сочиняющие стихи, частушки. Предложите им придумать новые куплеты на темы из жизни отряда, дружины, двора, сохранив размер песни. Свои куплеты пришлите нам, в редакцию.

Музыкальный фрагмент с вокальной и фортепианной партитурой. Вокальная часть имеет две группы: *1-я группа* и *2-я группа*. Текст: *лись на лоб — Э - то мы -то? — Э - то вы -то! По - дра - лись и ши - то - кры - то!* Музыкальный знак Φ в начале. Фортепиано имеет аккорды *М 7*, *Б*, *7*, *Б*, *7*, *М*, *М*, *Б*, *7*, *Б*.

Музыкальный фрагмент с вокальной и фортепианной партитурой. Текст: *кры - то!* Музыкальный знак Φ в начале. Темпозначение: *Немного медленнее*. Фортепиано имеет динамическое обозначение *mf* и аккорды *Б*, *Б*, *Б*, *Б*, *7*.

Музыкальный фрагмент с вокальной и фортепианной партитурой. Текст: *Замедляя Мы про - жить*. Музыкальный знак Φ в начале. Фортепиано имеет аккорды *Б*, *Б*, *Б*, *Б*, *7*, *Б*, *7*, *Б*, *Б*. В конце: *В первоначальном темпе*.

Советы играющим

Все подряд
Говорят
Про отличный наш отряд.
— Почему же ваш журнал
В перемену пострадал?
Неспроста,
Неспроста
Кто-то вырвал два листа!
— Это мы-то?
— Это вы-то!
Нет листов —
И шито-крыто!

6.

— Больше хвастаться нам нечем,
«Кол» страду обеспечен.
Как нам жить,
Как нам быть,
Как нам горю пособить?
— Это, братцы, всем известно:
Жить, во-первых, надо честно,
Во-вторых,
Надо жить —
Общим делом дорожить!

Песня-игра представляет собой «спор», сопровождаемый движениями в характере русского перепляса. Участники игры, выучив текст и мелодию песни, делятся на две группы, стоящие шеренгами лицом друг к другу на расстоянии 8—10 шагов. Вот описание движений для 1-го куплета:

На слова «Мы расскажем всем ребятам» группа «запевал» делает несколько шагов вперед и останавливается (3 шага и приставка, в ритме песни).

На слова «Как мы дружим всем отрядом» «запевалы» снова идут вперед. Затем, стоя на месте, хвастливо поют:

Он хорош, наш отряд,
Хороши мы все подряд.

2-я группа на слова «Не у вас ли меж собой...» идет навстречу 1-й (3 шага и приставка). На слова «Разгорелся в классе бой» группа снова идет вперед. Затем поет:

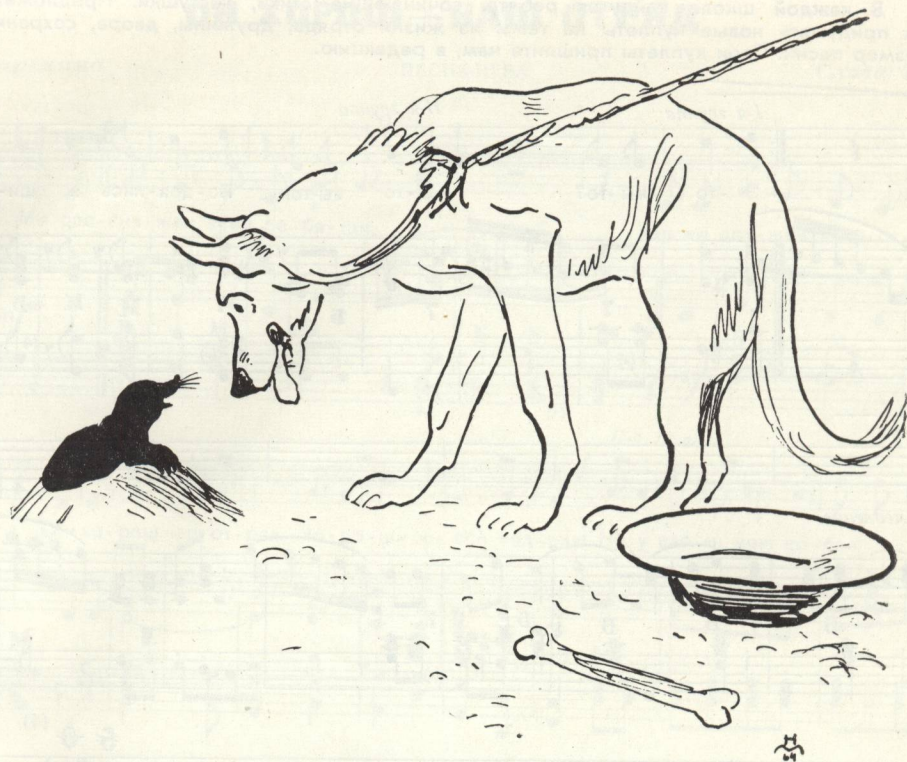
Только хлоп, хлоп да хлоп —
Шишки шлепались на лоб.

Эти слова можно иллюстрировать движениями рук. 1-я группа на слова «Это мы-то?» делает два шага вперед и два притопа (перепляс). 2-я группа делает то же самое на слова «Это вы-то!»

На проигрышах между куплетами происходит своеобразное «примирение». Оно исполняется на простых шагах. Группы возвращаются на исходные места как при игре в ручеек, через воротца.

Для остальных куплетов разработайте движения сами, сохранив основную линию игры.

Методист Ленинградского Дворца пионеров В. Ф. Смирнов

МАТЕМАТИК ЖУЧА

СКАЗКА

Бранко Чопич

Рисунок Н. Муратова

Жуча — это веселый пес-овчарка, которому поручили сторожить виноградник. В углу виноградника, у дороги, по которой ходят разные бродяги и жулики, поставили собачью конуру, около нее вбили кол, к колу привязали веревку, на конце веревки — Жучу. На винограднике не было ни овец, ни кошек, ни других собак — ни одной души, и поэтому Жуче было ужасно скучно. Лаять на сорок — нехорошо, это не приличествует овчарке, считать звезды ночью — боже сохрани, скулить — напрасно. Право, чистая беда, да и только.

Вот так и сидит Жуча перед конурой, одним глазом смотрит в небо, но в то же время в оба глаза следит за дорогой, чтобы ветер случайно не принес какого-нибудь вора. Но, как назло, никого — ни на небе, ни на дороге.

— Ау-вау, кому еще придется жить вот так одиноко, — зевнул он от скуки, проглотив мимоходом какую-то наглуую муху. — В самом деле, как тяжело быть одному.

— Вы не один, многоуважаемый, — слы-

шался позади него чей-то тоненький учтивый голос. — Здесь есть еще и я, маленькое ничтожество.

Жуча удивленно обернулся. На вершине холмика изрытой земли сидел маленький крот.

— А кто же ты? — обрадовался Жуча необычному гостю. До сих пор ему не приходилось видеть ни одного крота.

— Я, уважаемый друг, крот, который живет под землей. Зовут меня Дважды Два Пять.

— Дважды Два Пять? — удивленно пробормотал Жуча, который вообще-то отлично умел считать. — Странное имя, друг мой, к тому же в нем есть ошибка.

— Возможно, это действительно так, всезнающий, — скромно признался крот. — Это имя дал мне наш учитель Великой Кротиной школы за то, что я плохо знаю арифметику.

— Ах-ха-ха, — воскликнул Жуча. — Теперь я понимаю. Значит ты — незадачливый математик.

— Да, мудрейший. А кто же вы, осмелюсь спросить? Я еще никогда не встречал такое огромное существо.

— Я пес-овчарка, зовут меня Жуча. Ты удивляешься моей величине, но что бы ты сказал, если бы увидел моего брата! Его длина равна моей половине, взятой два раза.

— О-о, это невозможно... — поразился крот. — Это же настоящий великан.

— Так и есть, дружище, — засмеялся Жуча, довольный тем, что сыграл шутку с плохим арифметиком. — А как бы ты удивился, если бы я тебе рассказал, как я преследовал страшного зверя — короткоухого и длиннохвостого зайца.

— Расскажи, гениальнейший, — попросил его Дважды Два Пять, очень любивший слушать разные истории.

— Хорошо, слушай. Однажды утром я встал очень рано, ровно в 5 часов и 120 минут, перескочил садовый плетень высотой трижды по четверть метра и — бух в огород. А там было что увидеть! В капусте хрустел страшный зверь — заяц. Уши у него длиной на 2 метра меньше 22 дециметров, а хвост, страшно длинный хвостике, на 99 дециметров меньше 1 метра.

— Ах, ах, страшный зверь, огромный хвостике, — остолбенел Дважды Два Пять.

— Это ничего, друг мой, — продолжал Жуча, — я залаял так громко, что было слышно на расстоянии в 10 раз меньшем 10-и километров, задрожали все звезды, какие в то утро были на небе, а мой заяц, когда услышал меня, прыгнул на целую тысячную часть километра, а я, не будь ленив, тоже прыгнул на целый метр, заяц снова на тысячную километра, а я снова на 1 метр.

— И заяц, разумеется, удрал, так как прыгал намного быстрее! — воскликнул Дважды Два Пять.

— Ну да, дьявол. Тогда я собрал всю свою силу и прыгнул на 999 миллиметров.

— И догнал зайца, — обрадовался крот.

— Не тут-то было, — продолжал Жуча. — Мой заяц стал делать прыжки в 4 раза длиннее четверти метра, а я только — в 2 раза по полметра... Так мы бежали на одни сутки меньше, чем 25 часов, и заяц убежал от меня на сотую часть метра.

— Ой-ой, на сколько же ты отстал?! — удивился крот. — Ты хоть в конце концов догнал его?

— Догнал ли я его? А вот теперь посчитай. Когда мы побежали, он был на 10 метров впереди меня; пока мы бежали, он пробежал 10 километров, а я пять раз по 2 километра плюс 10 метров. Теперь ясно, догнал ли я его?

— Ух, да сразу же видно, что ты его перегнал и на очень много.

— Перегнал!? Слышишь, юноша, ошибся тот, кто дал тебе имя Дважды Два Пять. Я бы назвал тебя Дважды Два Шесть. Ты, действительно, совсем не умеешь считать.

— Стой, стой, я просто растерялся, — пробормотал крот и стал про себя считать.

— Ага, теперь я знаю, он далеко ушел от тебя.

— Ушел! Э, да ты настоящий Дважды Два Семь.

— Тогда что же было, в конце концов? — спросил любопытный крот, чуть не плача.

— Что было? Знаешь, что было дальше? Ах, это самая удивительная история, какую когда-либо слышали уши, но я тебе не расскажу ее до тех пор, пока ты не научишься хорошо считать и пока ты сам не подсчитаешь, догнал ли я зайца. А когда ты это сделаешь, приходи ко мне снова, и я расскажу тебе историю о коте и коровьей голове. А теперь до свидания, я не хочу больше разговаривать с невеждой. Когда научишься считать, являйся.

И Жуча с достоинством удалился в свою конуру, а Дважды Два Пять, совсем убитый, возвратился в свою дыру и пошел в Великую Кротиную школу искать учителя.

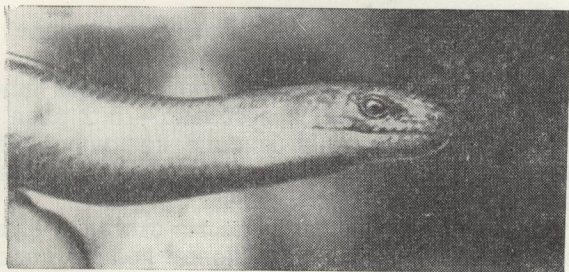
Перевела с сербского И. Боброва

Путешествие КОСТИ ТЕРкина

Город Жигулевск. Хотя в дни КОСТИного путешествия снег в этом городе еще не начал таять, три знаменитых местных футболиста уже начали тренироваться. КОСтя хотел потренироваться с ними по системе 4+3+4, но вчетвером по этой системе тренироваться оказалось очень трудно. Тогда КОСтя встал на ворота, а Слава Воробьев, Саша Гоек и автор снимка Вова Антипин забили ему по три гола каждый. Усталый, но довольный, КОСтя сел в вертолет и сказал: «Полечу на юг. Там уже совсем тепло».

Но подлетая к сорок девятой странице, КОСтя воскликнул: «Что за чудо: по карте юг, Киргизия, а внизу все бело от снега!»

Угряшная змея веретеница

*«Лучше один раз увидеть,
чем десять раз услышать».*

Веретеница—самая страшная наша змея. Так во многих местах про нее говорят. Говорят, что если она укусит, то человек непременно умрет. Лучше сразу палец отрубить!

Зато, говорят, ее, веретеницу, убить невозможно. Хоть пополам перешиби — она срастется и уползет.

Вот какая удивительная змея водится в наших лесах. Маленькая да удаленькая!

Решили мы ее выследить, чтобы своими глазами посмотреть. А если глазам не поверим, то можно ведь и пощупать.

Повстречали мы веретеницу в лесу, на обочине мохового болота. Вот она какая...

Вид хоть и не очень грозный, но в руки брать не хотелось. Посадили ее для начала в карман.

Она выползла из кармана и обвилась вокруг руки, как бронзовый браслет.

Не шипела, не кусалась: извивалась себе мирно между пальцами — и только то всего!

Такую симпатичную змейку и на ухо можно повесить. Пусть погрееется — не жалко!

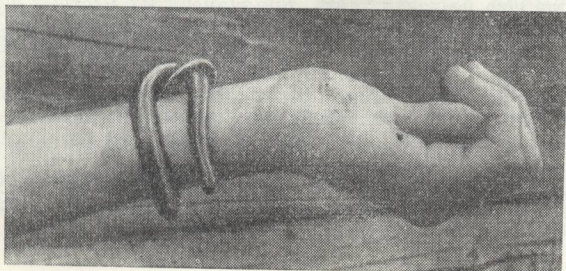
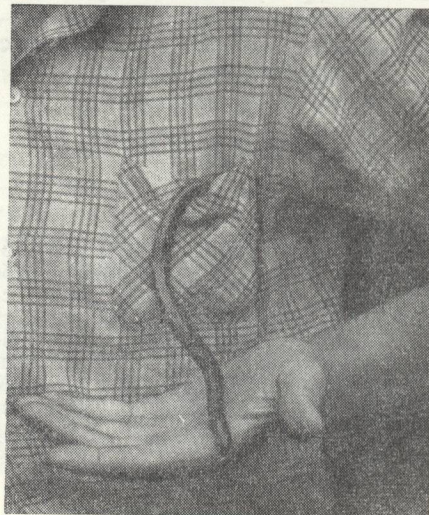
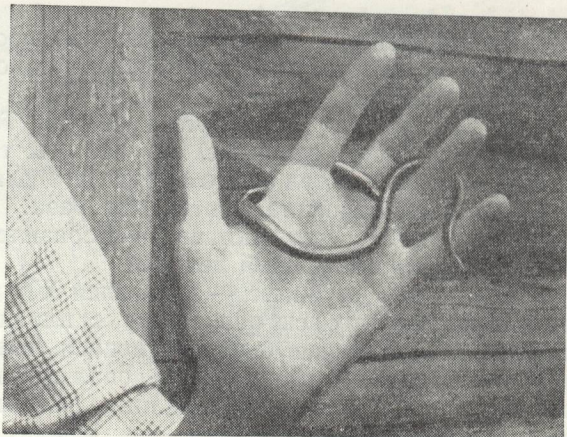
А теперь мы откроем и секрет нашей храбрости. Знали мы, что все, что о веретенице говорят — все неправда. Веретеница не змея, а безногая ящерица. Веретеница не ядовита, у нее и зубов-то ядовитых нет. И не страшная она и не вредная, а очень полезная для леса. И правда только то, что веретеница действительно веретеница: отчаянно вертится и выкручивается, если ее палкой прижать. И бывает, как всякая ящерица, отбрасывает при этом свой хвост.

А перепуганному наблюдателю кажется, что он ее пополам перешиб, а ей хоть бы что!

Нет причины ее бояться. И не за что ее бить.

Не вздумайте отрубить палец, если она вас нечаянно укусит. Да она и не укусит. Она не из тех, кому палец в рот не клади.

Н. Сладков
Фото автора

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЛЮБЫ БУЛКИНОЙ

РАССКАЗ

Валентина Левидова

Рисунки М. Беломлинского

Уезжая на три дня в командировку, Любина мама сказала Любе:

— Не грусти, я скоро вернусь. Ты теперь большая, и я за тебя не беспокоюсь. Кроме того, ты не одна в квартире. Всегда обо всем можешь посоветоваться с Дарьей Матвеевной. Денег тебе хватит. Что еще? — мама задумалась. — Да, тут в наш ящик по ошибке попало письмо. Отнеси его, Любаша, в соседний дом — в сорок шестой. Квартира, как и наша, — четырнадцать.

Мама обняла Любу, поцеловала в лоб и ушла.

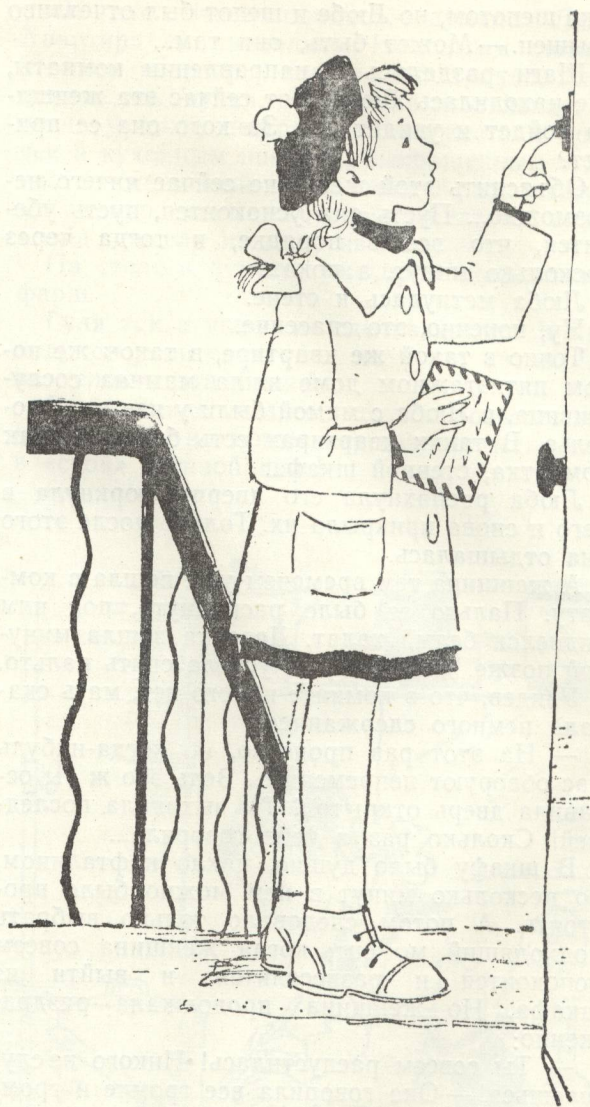
Прежде чем сесть за уроки, Люба решила отнести письмо. Оно было адресовано какому-то Александру Петровичу Галкину.

Люба поднялась на четвертый этаж дома номер сорок шесть и позвонила в четырнадцатую квартиру.

Никто не открыл.

Люба позвонила во второй и в третий раз. Она собралась было уже уйти и опустить письмо внизу в почтовый ящик этой квартиры, как вдруг заметила, что дверь не только не заперта, но даже слегка приоткрыта.

Люба толкнула ее и вошла в маленькую переднюю. Потом в комнату. Там никого не было. Зато из следующей комнаты доносился приглушенный голос. Люба постучала в дверь. Ей не ответили. Но должна же она была отдать письмо! И тогда Люба приоткрыла эту дверь, громко спросив: «Можно?» Но и в этой комнате никого не оказалось. А голос, кото-

рый она слышала, был голосом диктора: здесь не было выключено радио. Люба хотела положить письмо куда-нибудь на видное место и уйти, но в этот момент она услышала возглас.

— У нас были воры! — испуганно закричала женщина, видимо, стоя на пороге квартиры. — Дверь не заперта!

— Никаких воров не было, — спокойно, даже как-то вяло произнесла пришедшая с ней девочка. — Смотри, мама, все пальто на месте...

Затем раздался стук захлопнувшейся двери и обе, и мать и дочь, вошли в квартиру. Люба все это слышала очень хорошо.

— А может быть, воры еще просто не успели... — снова заговорила мать, на этот раз

уже шепотом, но Любе и шепот был отчетливо слышен. — Может быть, они там...

Шаги раздалась в направлении комнаты, где находилась Люба. Вот сейчас эта женщина войдет и увидит ее... За кого она ее примет?

Объяснить этой женщине сейчас ничего невозможно... Пусть она успокоится, пусть убедится, что все в порядке, и тогда через несколько минут, а пока...

Люба метнулась к стене.

Ну, конечно, это спасение.

Точно в такой же квартире, в таком же новом пятиэтажном доме жила мамина сослуживица, и Люба с мамой были у нее на новоселье. В таких квартирах есть большой, как комнатка, стенной шкаф...

Люба распахнула его дверцы, юркнула в него и снова прикрыла их. Только после этого она отдышалась.

А женщина тем временем уже вошла в комнату. Пальто ее было распахнуто, под ним виднелся белый халат. Девочка вошла минутой позже. Девочка уже успела снять пальто.

Увидев, что в комнате никого нет, мать сказала немного сдержаннее:

— На этот раз пронесло, но когда-нибудь нас обворуют непременно... Ведь это ж ты оставила дверь открытой! Ты выходила последней! Сколько раз я тебе говорила...

В шкафу было душно, пахло нафталином, но несколько минут в нем можно было простоять. А потом следовало только выбрать подходящий момент, когда женщина совсем успокоится и развеселится, и выйти из шкафа. Но женщина продолжала раздраженно:

— Ты совсем распустилась! Никого не слушаешься! — Она говорила все громче и громче. — Тебе бы весь день только бегать по кино и смотреть телевизор! Гуля, ты слышишь, что я говорю?

— Слышу, — равнодушно ответила девочка, не отрывая глаз от книги, которую она уже начала читать, забравшись с ногами на диван. Люба в щелку разглядывала Гулю и ее мать. Они были очень разные. Мать худощавая, подвижная, бледная, с резкими чертами лица. Гуля — толстенькая, красивая, смуглая, с ярким румянцем. Через плечо у нее была перекинута толстая темная коса. Волосы матери казались светлее Гулиных из-за проседи, а ведь эта женщина была молодой, не старше Любиной мамы.

Сходство между Гулей и ее матерью создавали только брови — у обеих они были совершенно одинаковые — густые, ровные, темные, точно приклеенные.

— Ты уроки уже все сделала? — спросила мать озабоченно.

— Не все еще, — неохотно ответила Гуля.

— Нет, у меня больше нет сил! — закричала мать. — Ты останешься на второй год! Это тебе понятно?!

— Не останусь, — буркнула Гуля.

— Смотри, какая дылда вымахала, а все еще не понимаешь самых простых вещей, — говорила мать, все более распаяясь. — Кем ты вырастешь? Что ты за человек?!

— Я болела, — сказала Гуля, первый раз за все время разговора подняв глаза на мать.

— Тем более. Ты должна нагнать класс, а ты... — мать вышла из комнаты и через минуту вернулась, неся кипу неглаженных вещей. — Ты совсем отбилась от рук! Ничего не делаешь! Я просила тебя вчера выгладить белье. Неужели это так трудно? — Мать всердцах бросила вещи на стул. — Я просила заклеить окна. Специально бумагу принесла, картофельную муку. А что толку? Воз и ныне там. Сколько раз я тебе говорила...

Должно быть, подобные разговоры повторялись часто, Гуля к ним привыкла, и они не производили на нее никакого впечатления.

— Нет, больше я сама с тобой разговаривать не буду, — снова, после минутной передышки, заговорила мать. — Вот придет отец — пусть он скажет тебе пару теплых слов!..

Наверно, очень свиреп и страшен был Гулин отец, если в больших блестящих глазах такой спокойной и уравновешенной девочки, как Гуля, мелькнул испуг. А может быть, это Любе только показалось? Много ли увидишь через щелку, стоя в стенном шкафу чужой квартиры?

— Я уйду опять на работу, — снова заговорила мать. — Я все купила, что нужно: фарш, лук — все в кухне. Суп только подогреть. А сделать котлеты из готового фарша — это же сущие пустяки. Ты слышишь, что я говорю?

— Слышу, — невнятно отозвалась Гуля.

Мать ушла. Люба думала, что Гуля тотчас же возьмется за дело — начнет готовить уроки или жарить котлеты, или гладить белье, но Гуля снова уткнулась в книгу.

Люба хотела выйти из шкафа, объяснить Гуле, как она туда попала, отдать письмо и уйти. Гуля не испугалась бы, наверно, и даже не очень бы удивилась. Удивишь такую!

Но Люба не успела осуществить свои намерения, потому что Гуля вдруг побежала к окну — ее, видимо, вызывали снизу. Распахнув окно, Гуля закричала:

— Достала билеты? На обе серии?— И тот час же убежала с неестественной для нее быстротой.

Люба обрадовалась этому: вот и можно спокойно уйти, никого не тревожа и никому ничего не объясняя.

Люба вышла из шкафа и с облегчением вздохнула: здорово ей уже надоело нюхать нафталин и подглядывать в щелку! Вот поспеются сегодня подружки, когда она расскажет им о своем приключении!

Люба побежала к входной двери, хотела открыть ее, но... дверь не открывалась. Замок был громоздкий, сложный. Люба нажимала на какие-то рычажки, крутила какие-то винтики, но все бесполезно. Наоборот, от ее усилий выскочил еще какой-то дополнительный язычок-завдвижка...

Долго еще Люба возилась с дверью, но уже понимала, что бессильна что-либо сделать. Именно на этот раз спокойная и забывчивая Гуля заперла квартиру так, что не только войти, но и выйти из нее, не зная секрета замка, было невозможно.

«Да, здорово я влипла! — подумала Люба. — И, может быть, мне придется пробыть здесь еще часа полтора, или даже два, если Гуля с подругой попадут в кино на две серии».

Надо было как-то убить это время. Самое лучшее — почитать книгу. Но прежде чем выбрать книгу, Люба решила спокойно, зная, что никто из хозяев долго не придет домой, осмотреть квартиру.

Расположение комнат было точно такое же, как у маминой сослуживицы: из передней налево — кухня; прямо — большая проходная комната с балконом; за ней — комната поменьше со стенным шкафом, уже так хорошо изученным Любой. Когда мамина сослуживица справляла новоселье, гости ходили по квартире, осматривая и обсуждая все ее уголки. Одни беспокоились — «не слишком ли большая слышимость в этих крупноблочных домах?» Другие утверждали, что «слышимость есть только сверху и снизу, через пол и потолок, а стены звуконепроницаемы».

Кто-то из гостей говорил, что потолки слишком низкие, а кто-то возражал, считая, что это даже уютнее. Но все сошлись в одном: это жить в новом доме, в отдельной квартире хорошо и нужно уметь радоваться этому и наслаждаться.

Но, видимо, семья Галкиных, несмотря на новую квартиру и новую красивую обстановку, не умела радоваться и наслаждаться. Стоило только послушать разговоры Гулиной матери с Гулей.

«И это очень обидно», — думала Люба. Квартира ей нравилась. Но самым уютным уголком квартиры, как это ни странно, Любе показалась кухня. Она была маленькая, но очень уютная, пестрая — с множеством полочек и кухонным шкафом, выкрашенным в два цвета — кремовый и красный, с разноцветными табуретками — красной, желтой, синей. Люба присела на одну из них.

На столе в бумаге, уже промокшей, лежал фарш.

Гуля так и ушла, не сделав котлет. К приходу ее родителей обед не будет готов. Что за человек эта Гуля!?

Люба сняла пальто, хотела повесить его в передней, но потом передумала и отнесла в «свой» стенной шкаф.

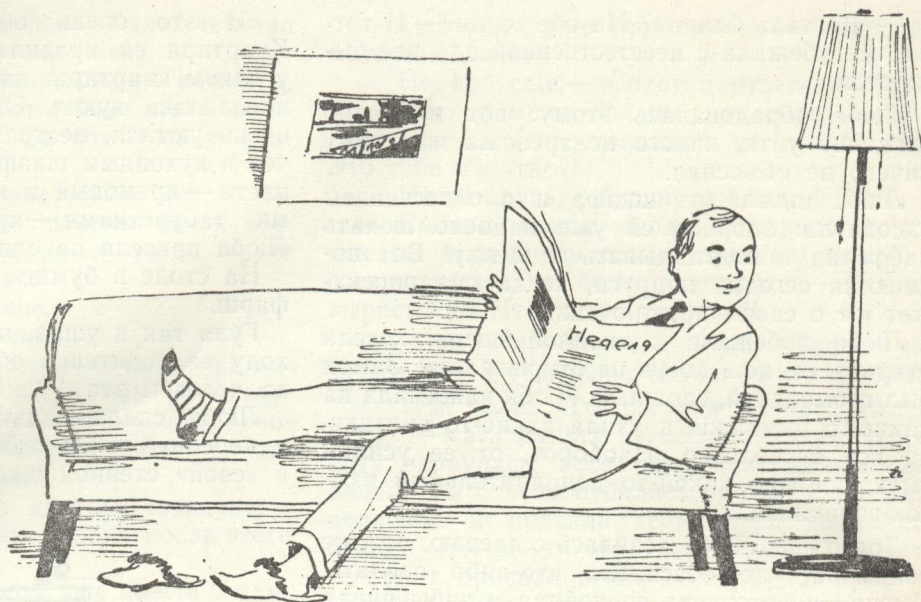

Вернувшись в кухню, она надела передник, висевший на гвоздике. На окне в тарелке лежали яйца, кусок булки и луковица. Масло Люба нашла в холодильнике; соль — в шкафчике.

Через несколько минут на сковороде весело шипело и брызгало масло. Котлеты вышли вкусными. Люба съела сначала одну, а потом, немного погодя, и вторую — она проголодалась. В шкафу Люба нашла кулек с сухим компотом и решила сварить его.

Что за обед без компота? Потом перемыла всю посуду — и ту, в которой готовила она сама, и ту, которая, видимо, еще с утра, стояла немытой в раковине. Потом пошла в комнату взглянуть на часы. Времени прошло совсем мало. Люба снова вернулась на кухню. Оглядев ее хозяйским глазом, Люба решила, что пол здесь давно не мыт. Гулиной матери некогда, а уж от Гули не дождешься такого «подвига». Ей нагнуться лень, да и болела она. А Любе вымыть пол ничего не стоило — мама приучила ее ко всякой работе с раннего детства. Вымыв пол, Люба заодно выстирала передник и повесила его сушить на батарею парового отопления. Больше здесь делать было нечего.

Только одна банка с этикеткой «черная смородина» осталась невымытой. Люба как-то сначала не заметила её — банка стояла на подоконнике за будильником. Люба начала ее мыть, но вдруг услышала, что кто-то открывает ключом дверь. Люба оставила банку недомытой и убежала в свой стенной шкаф. Хорошо, если это пришла Гуля, а если это уже вернулась с работы ее мать? Люба притаилась в шкафу, прислушиваясь к шагам. Нет, это были не Гулины шаги. И даже не шаги ее матери... Кто-то ходил по первой комнате, заходил в кухню — это нетрудно было понять. Потом, пройдя через первую комнату, вошел во вторую. Люба уже знала, кто это: это был свирепый Гулин отец. Люба пыталась разглядеть его в щелку, но это ей не удалось: он сразу же лег на диван и стал читать газету.

Теперь Люба совсем уже не знала, что делать. Если она боялась выйти из своего убежища при Гулиной матери, потому что та испугалась бы, закричала, может быть — кто знает? — упала бы в обморок, то сейчас появиться вдруг из стены было еще страшнее. Нет уж, пробив здесь столько времени, стоило помучиться еще немного. Вдруг ее осенит какая-нибудь идея? А пока попытка продолжалась. Пока Люба ничего не могла придумать, ни на что решиться.

Вскоре пришла Гулина мать.

— Ты уже дома? — радостно спросила она мужа. — А где Гуля?

— Не знаю. Я ее не застал, — ответил он, приподнимаясь на локте. Теперь Люба могла хорошенько рассмотреть его. Он был совсем не страшен на вид, скорее наоборот. Лицо у него было круглое, доброе, румяное. Если бы вместо лысины ему надеть парик с темной косой, он стал бы совсем похож на Гулю. И голос у него был тихий, добрый.

— Ах, противная девчонка! — снова громко и возмущенно заговорила мать. — Она меня в гроб вгонит! Я давно собираюсь поговорить с тобой! Для нее нет авторитетов дома. Ты ни во что не вмешиваешься, а когда я ей говорю — как об стенку горох! Ты совершенно не занимаешься дочкой! А из нее растёт тунеядец! Она ничего не делает, только смотрит телевизор. Нужно продать его, честное слово! Она ведет себя возмутительно. У нее нет чувства долга, чувства ответственности... Я про-

сила ее сделать такой пустяк — поджарить котлеты, а ее нет дома.

— Но котлеты поджарены, — возразил Александр Петрович.

— Поджарены? Когда же она успела? Она такая кофуша... И ты ел их?

— Конечно.

— И суп ел? Он был в леднике.

— Я обедал по-настоящему. Ел и суп, и компот.

— Компот?! Неужели она и компот сварила? Я хотела ей сказать, но забыла.

— Вот видишь, значит не о чем волноваться, — проговорил Александр Петрович убежденно. — Конечно, после болезни она немножко разболталась, но это ничего... Пройдет. И мне кажется, ты зря ее все время ругаешь. Добром лучше...

— С вами разве можно добром? — проговорила Гулина мать уже спокойнее. — С вами не знаешь, как и разговаривать. Рука руку моет. Ты всегда заступаешься за нее.

— Гуля сегодня все сделала — обед сварила, кухню убрала, — Александр Петрович потянул жену за руку, и она присела к нему на диван.

— И посуду вымыла? — с сомнением спросила она. Не дожидаясь ответа, она вскочила и побежала на кухню. Вернулась она потрясенная.

— Да, посуда вся перемыта и даже... даже вымыт пол. Просто чудеса...

— Вот видишь, все обстоит не так уж плохо. Вспомни-ка, наверно, ты сегодня ее не ругала. Наверно, нашла какой-то путь к ее сердцу...

— И не знаю, — задумчиво проговорила Гулина мать. — А, впрочем, может быть, ты и прав. Только надо вспомнить, что я ей такое сегодня сказала? Если бы вспомнить...

— Но уж ты будь с ней сегодня поласковее, — проговорил Александр Петрович, вставая с дивана и включая телевизор.

Люба чуть-чуть больше приоткрыла дверцы своего шкафа: ей ведь тоже хотелось посмотреть передачу.

Вернувшись домой, Гуля почти бесшумно вошла в комнату, где находились родители, и подошла к телевизору.

Люба видела, как мать молча обняла Гулю.

Когда телевизор был выключен и свет в комнате зажжен, Люба заметила, что Гуля с удивлением поглядывает на мать. Или, может быть, это Любе просто показалось?

Вся семья ушла ужинать на кухню. Оттуда слышались тихие, спокойные, веселые голоса. Поужинав, Гуля села делать уроки. Мать начала было ругать ее за то, что она «остави-

ла все на поздний вечер», но тотчас же осеклась. Вспомнила разговор с мужем и сказала:

— Гуля, давай договоримся так: уроки — днем, а вечером ты делаешь, что хочешь...

— Согласна, — Гуля кивнула. Ей понравилось, что вечера она сможет использовать по своему усмотрению.

Вскоре все улеглись спать. Люба смирилась уже с мыслью о том, что ей придется провести ночь в стенном шкафу. Места в нем было много. И как раз ночью она была в большей безопасности, чем днем. Кому придет в голову открывать ночью стенной шкаф?

Люба сняла с вешалки мешок с шубами и расстелила его на полу. Туфли — а их было великое множество у Галкиных — Люба сдвинула в угол. Свое пальто она подложила под голову.

Лежать на шубах было очень мягко и удобно. Мешал только запах нафталина. Люба хотела вынуть нафталин, но не решилась распарывать наглухо зашитый мешок. «Ничего, — подумала она. — Это ведь только на одну ночь».

Спала она, как всегда, крепко.

Наступило утро. Гуля собралась в школу, ее родители — на работу. Люба почувствовала себя в шкафу в полной безопасности: к нему никто не подходит, в него никто не заглядывает.

Не успела она подумать об этом, как Гулина мать сказала мужу, выглянув в окно:

— Смотри, уже снег! Вот и зима пришла. Нужно достать шубы. — И она направилась к стенному шкафу.

Люба, ни жива ни мертва, прижалась к дальней его стенке. Но отец сказал:

— Днем будет ноль.

И Гулина мать, уже подойдя было к шкафу, вернулась обратно.

«Пронесло! — подумала Люба. — Ух, как жарко стало!»

Когда все ушли, она снова пыталась отпереть входную дверь, но как и вчера, ей это не удалось. В такой западне она никогда еще не бывала!

Ничего другого не оставалось, как терпеливо ждать Гулиного прихода из школы. Но легко сказать «терпеливо!»

Мама, правда, в командировке, ничего об исчезновении дочери не знает и потому не волнуется. Но в школе...

Люба повесила мешок с шубами на прежнее место, умылась, позавтракала и принялась за дело: работа всегда отвлекает от неприятных мыслей.

Люба подмела квартиру, вытерла пыль. Увидев, что на окне лежит в кулке карто-

фельная мѹка и рулончик бумаги, сварила клей и заклеила на зиму окна. Потом стала гладить белье. Горка выглаженных вещей все росла, неглаженных оставалось совсем немного. Но доделать эту работу Любе не удалось: услышав, что кто-то возится с замком, она убежала к себе в шкаф, успев только выключить электрический утюг.

Наверно, это Гуля — и тогда Люба спасена!

Но Гуля пришла вместе с матерью.

— Я сейчас все доглажу, — сказала Гуля. — Только вот пообедаю.

— Хорошо, Гуленька. Вообще, я сегодня тобой довольна. Пятерка по русскому — это тоже не фунт изюма. Это значит, что ты осознала...

— Я осознала, — с тяжелым вздохом произнесла Гуля.

После обеда она догладила оставшееся белье, а мать что-то делала на кухне.

Раздался звонок. Открыла дверь мать.

— Кто это? — закричала Гуля.

— Это телеграмма. — Гулина мать снова вошла в комнату. — Дядя Гриша приезжает. Я рада. Нужно достать раскладушку. Она в стеном шкафу.

— Сейчас достану, — сказала Гуля. Но она не успела еще сделать и шага, как ее мать уже подошла к шкафу.

Если до сих пор каким-то чудом Люба не была обнаружена, то сейчас, вот сию минуту, ее с позором выволокут из шкафа! Еще секунда и...

Понимая, что это ничему не поможет, Люба все-таки спряталась за мешок с шубами и крепко зажмурилась...

Гулина мать распахнула дверцы.

— Ой, — закричала она. — Где же кровать?

— А я вспомнила, — тихо проговорила Гуля. — Ты же дала ее соседям, которые напротив. Еще летом — помнишь?

— Верно, — согласилась мать, закрывая дверцы. — Надо будет сегодня же взять ее обратно.

Только теперь Люба открыла глаза. Ей не верилось, что опасность миновала!

— Я сейчас заклею окна, — сказала Гулина мать решительно.

— Ты разве на работу больше не пойдешь? — спросила Гуля.

— Нет. Сегодня же суббота. Короткий день.

— А я и забыла.

— Чудеса! — вдруг воскликнула мать. — Окна все заклеены?! А ты молчишь! Молодец! Вот теперь я вижу, что с тобой еще можно иметь дело. Когда это ты успела?!

— Я не заклеивала, — простодушно призналась Гуля.

— Кто же тогда заклеил?

— Может быть, папа?

— Где ему! И потом — мы ведь утром с ним вместе уходили. Непонятно... Но больше никому. Значит, папа. Значит, он был дома. Странно...

— А белье? — нерешительно заговорила Гуля.

— Что... белье?

— Белье ты гладила?

— То есть как я? Ты же гладила белье.

— Я только свою кофточку выгладила и штору. А остальное?

— Что остальное? Не хочешь ли ты сказать, что... папа и белье гладил?!

— Почему папа? Ты, наверно, забегала домой сегодня, еще до того, как меня встретила.

— Я не была сегодня дома с утра. И никакого белья я не гладила. Что ты такое гордишь? Может быть, ты больна?

— Нет, я здорова, — обиделась Гуля. — Только, когда я пришла, почти все уже было выглажено и даже... утюг был горячий.

— То есть как горячий?!

— Горячий, — упрямо повторила Гуля.

— Но ведь мог же быть пожар! — воскликнула мать.

— Пожара не могло быть. Утюг был выключен.

— Но все-таки, кто же гладил? Неужели папа? Не сводите меня с ума... Может быть, и котлеты вчера не ты жарила? И компот, может быть, не варила? И пол в кухне не мыла?

— Нет, — убежденно ответила Гуля. — Не я.

— Не ты?! Тоже папа?! Мы женаты уже пятнадцать лет, и я не знала, что он это умеет. И зачем он делал это тайно? Ну хорошо, вчера. А сегодня? Значит, он был дома?..

А я так радовалась, — сокрушенно продолжала мать. — Думала — ты переродилась... Осознала... А оказывается — все это не ты делала?

— Как не я? — обиделась Гуля. — Разве не я доглаживала белье? А пятерку по русскому — кто, по-твоему, получил? Скажешь, тоже папа?!

Когда пришел домой Александр Петрович, обе, и мать и дочь, бросились к нему.

— Что случилось? Почему ты был дома днем? — спрашивала мать испуганно. — Скажи скорее.

— Я не был дома. А в чем дело? — проговорил он спокойно, ложась на диван.

— Как это — не был? Когда же ты замазывал окна и гладил белье?

— Что?!

— Окна, окна — когда ты заклеивал? Белье — когда гладил? Ты понимаешь, что я говорю?

Александр Петрович так оторопело смотрел на жену, что она совсем растерялась.

— Значит, это не ты? Но кто же тогда? Какой-то дух? Но чудес не бывает.

— Сядь. Успокойся, — проговорил Александр Петрович мягко, как говорят с детьми. — Объясни, что произошло у вас здесь?

— Гуля отрицает, говорит, что обед она вчера не варила, белья сегодня не гладила, окон не заклеивала. Если не ты — то кто это делал?

— Ты, наверно.

— Нет, я больше не могу с вами! Все пятнадцать лет, что я замужем за тобой... Нет, больше я этого не выдержу... Я вернусь к своим родителям и...

— Спокойно, спокойно. Ты ляг, — он кивнул Гуле, и они вместе уложили мать на диван. — Ты только не волнуйся. Поспи...

— То есть как это поспи? В доме творятся чудеса, а я должна спать? Гуля, объясни отцу... У меня уже нет сил с вами обоими разговаривать...

Александр Петрович ласково гладил жену по руке.

— У нас в квартире творятся чудеса, — начала было Гуля, но отец перебил ее:

— Чудеса — это уже хорошо.

— Ты выслушай! — возмутилась мать.

— Хорошо, хорошо, слушаю.

— Какой-то дух все делает за нас, — озадаченно продолжала Гуля.

— Но он ведь делает полезные дела, насколько я понимаю?

— Полезные, — ответила Гуля.

— Но неизвестно — кто! — опять подала голос мать.

— А какая разница? — невозмутимо спросил отец. — Вот если бы этот «дух» делал беспорядок, бил посуду, рвал книги — вот тогда я бы забеспокоился. А если он помогает нам, так это же очень хорошо! Я не понимаю, что вас так встревожило...

Он хотел что-то еще добавить, но ему помешал звонок.

— Пойди, открой, — сказал он Гуле.

— Вам кого? — спросила Гуля открывая.

— Кто-нибудь из взрослых дома? — голос показался Любе очень знакомым.

— Проходите, пожалуйста, — Гуля провела женщину в комнату, где были родители.

Теперь уже Люба понимала, чей это был голос: в комнату вошла ее соседка Дарья Матвеевна. Следом за нею девочки, Любины подруги: Тома, Зина, Клава, Наташа.

Гулина мать вскочила с дивана.

— Извините нас, — тихо заговорила Дарья Матвеевна. — Такое дело, такое дело... — запричитала она.

— Что случилось? — Александр Петрович пододвинул ей стул. — Садитесь, пожалуйста.

— Девочка у нас пропала. Соседская девочка — Люба Булкина. Мать в командировку уехала, на меня ее оставила, а я-то, а я-то...

— Ночевать не пришла, я думала, у подруги осталась, — снова заговорила Дарья Матвеевна. — А сейчас вот девочки из школы пришли. В школе ее тоже не было. Мы уже всюду заявили, и в милицию, и всюду. Ну, и сами пошли искать... — продолжала Дарья Матвеевна. — Она к вам не заходила вчера?

Александр Петрович вопросительно посмотрел на жену и дочь.

— Никого у нас не было, — ответила Гулина мать.

— Не было, — покачала головой Гуля.

— А почему вы думаете, что она к нам могла зайти? — спросил Александр Петрович.

— Да письмо какое-то там было. Мать при мне ей сказала: иди, отнеси.

— Какое письмо? Мне?

— Вам. Вам. Фамилия Галкин?

— Да, Галкин. Но письмо — это пустяки. Надо девочку найти. Пойдемте.

— Помогите найти! — Дарья Матвеевна заплакала. Плакали, опустив голову, и девочки — Тома, Зина, Клава, Наташа.

И тогда Люба, тоже громко всхлипывая, вышла из шкафа.

— Меня не надо искать. Я сама нашлась, — проговорила она, подбежав и уткнувшись лбом в теплое плечо Дарьи Матвеевны.

— Ой! — только и могла выдохнуть соседка.

— Ой! — одновременно закричали подруги, бросаясь к Любе.

— Ой! — воскликнули Гуля и ее мать, отшатываясь.

Только один Александр Петрович сохранял внешнее спокойствие. Казалось, его совсем не интересовало, откуда она появилась — из шкафа, так из шкафа. Из стены, так из стены.

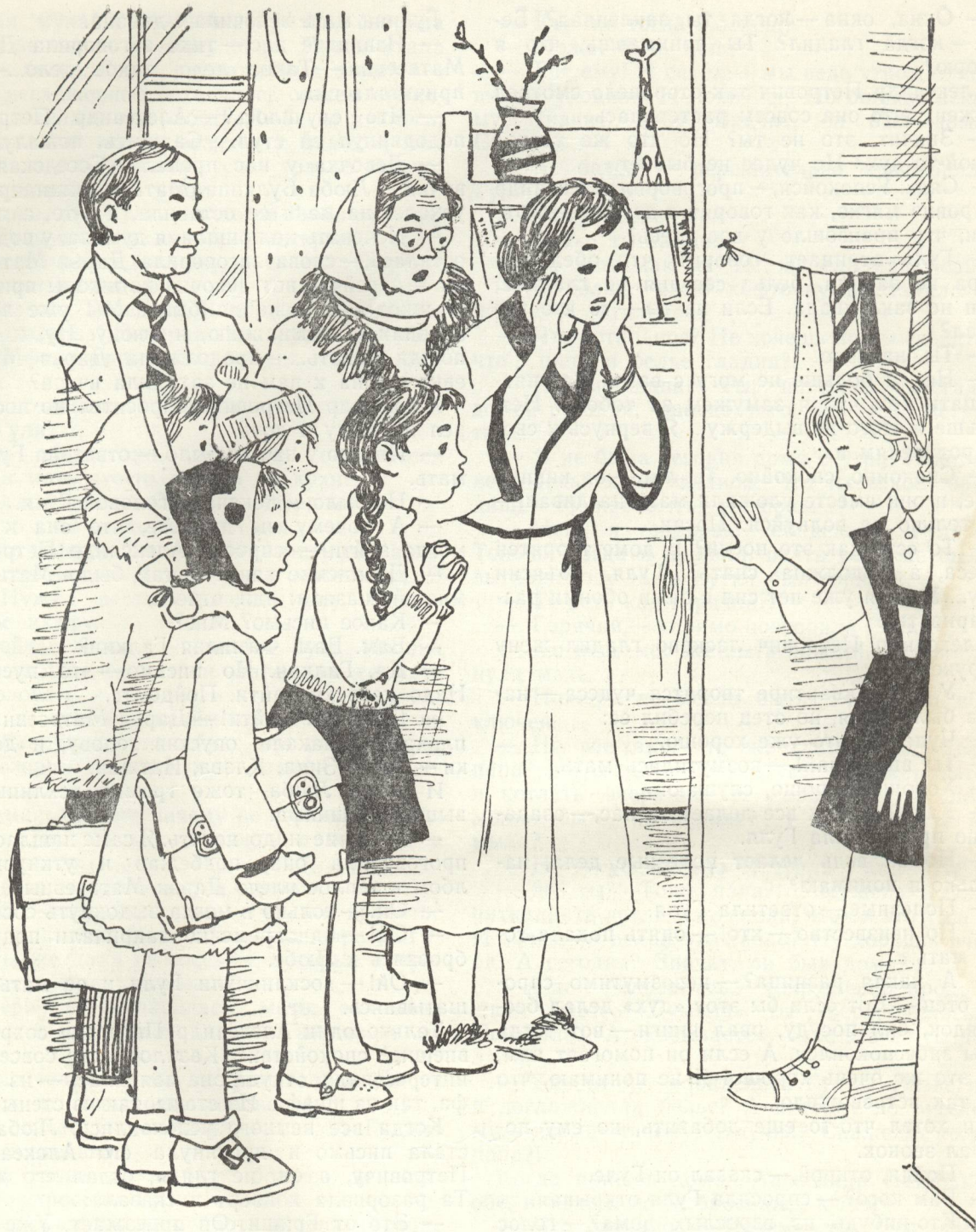
Когда все немного успокоились, Люба достала письмо и протянула его Александру Петровичу, а он, не глядя, отдал его жене. Та разорвала конверт и сказала:

— Это от Гриши. Он приезжает. Уже есть телеграмма.

— Спасибо вам! Спасибо! — все еще плача, говорила Дарья Матвеевна.

— За что вы нас благодарите? — удивилась Гулина мать. — Мы и сами не знали...

— Не знали, — подтвердил Александр Петрович. — Такое нам не могло прийти в голову.

А как ты туда попала? — обратился он к Любе.

— Пожалуйста, не сердитесь на меня, — ответила Люба. — Это я нечаянно. И никакой это не дух. Это я вчера пол в кухне помыла

и обед приготовила... И так хорошо у вас все стало, так дружно... Я и сегодня хотела... Я не думала, что все так обернется... Я ведь уже второй день у вас в шкафу живу. Я и ужинала, и завтракала у вас. Я знаю, что без

спросу этого делать нельзя, но я хотела кушать... И я знаю, что нехорошо подглядывать в щелку. Но если бы я закрыла дверцы совсем, я бы задохнулась... Я и ночевала в шкафу, я спала на ваших шубах. Но мне было мягко, вы не беспокойтесь...

— Приходи к нам в гости непременно,— сказал Александр Петрович весело.— Только в следующий раз через дверь, а не через стену и не через потолок. Хорошо? А дружно у нас теперь будет всегда. Это я тебе обещаю. Слышишь?

Путешествие КОСТИ ТЕРкина

«Ну и ну! Теплый снег!» — сказал КОСтя ТЕРкин, безуспешно пробуя слепить снежок. «Ха-ха-ха!» — засмеялись ребята вокруг. Это не снег, а хлопок, который мы собрали в прошлом году. Из этой горы можно наткать столько рубашек, что их хватит на всех ребят в нашем Таш-Кумыре».

«Все-таки правильный парень этот Евтушенко, — думал КОСтя ТЕРкин, улетая на шестидесятую страницу. — Молодец! Хороший снимок сделал! Правдивый!»

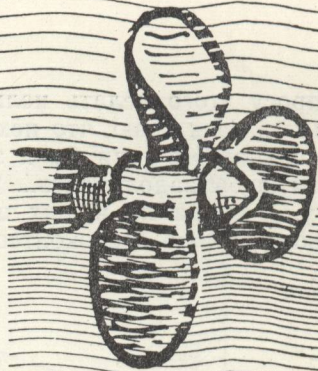

Гребной винт. Что движет сейчас судно вперед? Гребной винт. А раньше? Колесо.

Знаете, как винт победил колесо? Никто не хотел верить, что винт сильнее. Связали канатом два парохода — винтовой и колесный. Дали полный ход... и винтовой потащил за собой колесный!

Грузовая марка. У каждого судна на борту, посередине, нарисована загадочная фигурка. У самой воды. Не то паук, не то сороконожка... Это грузовая марка. Когда пароход грузят, он потихоньку погружается в воду. Марка говорит капитану: «Стоп грузить!» Горизонтальные черточки — предельная осадка судна. А много их потому, что в каждом море своя соленость, своя температура. Для каждого моря своя черточка.

Главный редактор
Морской Энциклопедии
капитан второго ранга,
писатель С. Сахарнов

КАК ДЕЛЬФИН ЧЕЛОВЕКА НАУЧИЛ

Дельфин нырнул в глубину. Густой сумрак окружает его. Где-то рядом скала. Десятки рыб — съедобных и несъедобных — шныряют в темноте. Но и здесь дельфин чувствует себя как дома. Он не расшибется о скалу, схватит самую вкусную из рыб.

Есть на кораблях и на подводных лодках приборы — локаторы. По отраженным звуковым или радиоволнам они определяют расстояние до предмета. Природа давно снабдила дельфина таким «прибором». Издавая тонкие, неслышные для человека звуки и принимая отраженные сигналы на слух, дельфин обнаруживает скалы, корабли, рыб. Сигналы сообщают,

какая рыба: плоская, длинная, толстая, какой породы... Ошибается дельфин редко — не больше двух раз из ста.

...А что если построить электрическую батарею — такую же сильную, как батарея электрического угря? Ведь защищаясь от врага, маленький угорь бьет его напряжением в 300–500 вольт!

А что если создать термометры, подобные особым органам скатов и акул, различающим тончайшие изменения температуры?

Словом, есть что перенять у животных.

Поэтому люди и создали науку, которая учит строить машины и приборы, подражая живой природе. Называется она бионикой.

КОРАБЛЬ-АКРОБАТ

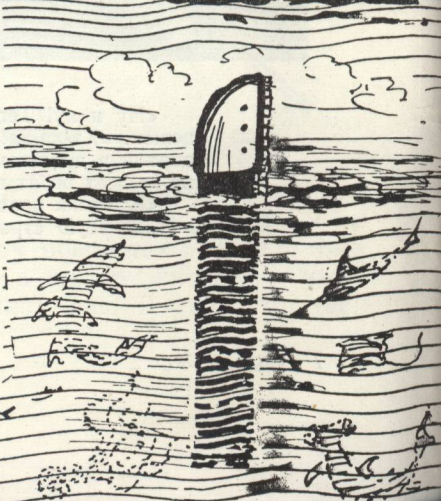
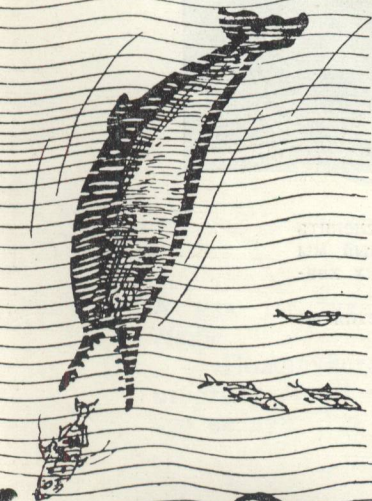
Ушел корабль далеко в море. А там, вместо того, чтобы плавать, как все другие корабли, взял да и начал тонуть. Встал «на попа»: нос над водой торчит, корма — на глубине ста метров.

Что делать? Караул кричать? Сигналить о помощи?

Ничего не надо. Такой уж это корабль. На нем люди изучают, как распространяется под водой звук. В корме у него — приборы. Одни издают звуки, другие — записывают.

Кончилась работа — всплыла корма. И снова корабль как корабль.

А ведь когда он «на попа» стоял — матросы в каютах по стенкам ходили.

ЗАГАДКА БУТЫЛОЧНОЙ ПОЧТЫ

«На столе в кают-компании лежала черная, залитая воском бутылка. За темным стеклом виднелся свернутый в трубку лист», — так начинался рассказ о загадочном письме, который мы напечатали в январском номере журнала. Письмо, извлеченное из бутылки, оказалось испорченным морской водой. Мы обратились к следопытам с просьбой помочь нам прочитать письмо. Пришло много писем. Правда, некоторых ребят сбило слово «Африка», которое встретилось им в тексте. Они решили, что авария произошла в тропиках, а на самом деле... Впрочем, вот как прочитали записку Павлик Луговской и Володя Мелешко из города Усть-Лабинска Краснодарского края:

«Борт среднего рыболовецкого траулера «Изотерма». У мыса Африка широта $59^{\circ}45'$

северная, долгота $164^{\circ}30'$ восточная, временно лишились хода, неисправна рация. Течение сносит в залив Карагинский. Пытаемся ликвидировать аварию своими силами. Нашедшего письмо просим оказать помощь».

Такие же правильные ответы прислали Миша Коваленко из города Кургана, Тимур Мукминов и Виталий Горбунов из Уфы. Но самое подробное письмо прислала Алла Колышева из Ленинграда. Она не только восстановила всю записку бутылочной почты, но и подробно описала, как бы она спасала рыбаков.

А теперь попробуйте ответить на следующие пять вопросов. Напоминаем: кто пришлет больше всего правильных ответов, получит звание Морского Следопыта.

МОРСКИЕ ВРАКИ

- Здравствуй, заяц!
- Здравствуй, заяц!
- Шубу сменил?

— А чего ее так часто менять? Два раза в год — и хватит: весной белую на рыжую, осенью рыжую на белую.

— Как знаешь. А я так три раза меняю. В детстве у меня она — красная, для больших глубин. В молодости — бурая, под цвет водорослей на средних глубинах. А в старости — зеленая. В старости я на мелких местах живу, там все водоросли зеленые...

Подслушает кто-нибудь этот разговор и диву дастся: удивительно — вот так зайцы!

И правда удивительно. Один заяц сухопутный, лесной, а второй — морской, моллюск — нашей береговой ракушке родня.

Как только они поговорить друг с другом сумели?

Как — не знаю. А насчет шуб — все верно.

ВИКТОРИНА МОРСКИХ СЛЕДОПЫТОВ

1. Кто под водой немее всех?
2. Есть ли у корабля ребра?
3. Кто путешествует под водой бесплатно?
4. Можно ли пить морскую воду?
5. Встречаются ли у берегов Африки айс-берги?

ПЯТНАДЦАТЬ СТРОК ИЗ УЧЕБНИКА

Н. Цацориц, инженер

Рисунки В. Бескаравайного

Несколько лет назад моя дочь Таня спросила:
— Ты ничего не читал о детях-крестоносцах?
И показала мне учебник истории средних веков:

Поход детей.

Между тем, в Сирии и Палестине дела крестоносцев шли все хуже и хуже. Не было никакой надежды на обратное отвоевание Иерусалима. В Европе стало распространяться мнение, что грешным людям не удастся завоевать «святые места», но этого смогут достигнуть невинные дети. И в Германии, и во Франции пачали собираться толпы детей. В Марселе собралось множество мальчиков и девочек. Несмотря на протест французского короля, владельцы кораблей взялись перевезти детей в Палестину. Судьба этих детей была ужасна. Часть их погибла во время бури в Средиземном море, часть была доставлена владельцами кораблей в Египет и продана в рабство. Столь же печальна была участь детей, собравшихся в Германии. Здесь поход детей с самого начала подготавливался работоторговцами. Когда дети добрались до юга Италии, местный епископ запретил их отpravку в Палестину. Детям было приказано вернуться домой. Измученные дети почти все погибли на обратном пути.

И все. И больше ни строчки. А Таня хотела знать подробности. Как ей помочь?

Я пошел в библиотеку, сходил раз, другой, третий, — и получилось незаметно, что поиски поглотили все мое свободное время.

Я рылся в старинных книгах, советовался со специалистами-историками. О том, что мне стало известно, мне хочется рассказать не только Тане, но и вам, читатели «Костра».

Надо сказать, что к тому времени — к началу XIII века — четыре крестовых похода уже кончились бесславно, и новых охотников умирать за «гроб господень» что-то не находилось.

И вот в жаркие июньские дни 1212 года в окрестностях французского города Бендома появился мальчик-пастух по имени Стефан.

Он бродил из деревни в деревню, взывал: «Господь бог, возвысь христианство», «господь бог, вручи нам истинный крест» и призывал своих сверстников идти освобождать «святые места». А рядом с ним вышагивал монах.

И в других местностях Франции объявились малолетние проповедники. Они тоже бродили с флагами и

крестами. И каждого обязательно сопровождал монах.

Набившие оскомину призывы, — они надоели взрослым, но дети еще могли к ним серьезно отнестись! Через месяц-два около Парижа собрались толпы одурманенных религиозными сказками ребятишек.

Здесь они разбили лагерь, разделились на отряды и колонны. Еже-

дневно сюда прибывали тысячи мальчиков и девочек. Когда число собравшихся достигло тридцати тысяч, было принято решение выступить в поход. Предводителем похода избрали Стефана, объявленного монахами «святым».

«Святость» Стефана всячески расхваливалась; каждый, кому удалось заполучить волос с его головы или хотя бы нитку от его одежды, объявлялся счастливым. Для «святого» Стефана была оборудована разукрашенная знаменами и полотнищами колесница. В ней он чод

охраной вооруженных всадников ехал впереди общей колонны.

Король Франции Филипп II Август, узнав об этом, приказал было детям вернуться к родителям домой. Но Иннокентий III, папа римский, рассудил иначе.

Папа заявил: «...Эти дети стыдятся нас, ибо мы спокойно спим, тогда как они, вдохновленные идеей завоевания гроба Господня, радостно отправляются в путь!»

После такого заявления никто уже походу не препятствовал.

Колонна «войска Христова» растя-

нулась на несколько верст. Шли мальчики и девочки в возрасте 10—12 лет, шли их пастыри-монахи, бродяги, жулики, все, кто решил, что здесь есть на чем погреть руки.

Папа Иннокентий III, благословив поход, не дал на его проведение ни копейки денег и ни куска хлеба. Уже через несколько дней после начала пути голодные дети были вынуждены сами добывать себе пропитание. Одни выпрашивали у жителей деревень подаяние, другие опустошали огороды, виноградники, сады, воровали домашнюю птицу, поросят,

овец. Миновав окрестности Парижа, дети пошли вдоль берегов Сены на Дижон, затем повернули на юго-восток к Лиону.

Монахи убеждали: как только колонны достигнут моря — море высохнет и юные крестоносцы свободно пройдут в Сирию. И дети верили в это. И тащились два с половиной месяца, распевая молитвы и хороня тут же, при дороге, своих сверстников, не выдержавших пути.

Наконец, пройдя вдоль берегов Роны, миновав Авиньон и Арль, они пришли в Марсель. Наконец-то они добрались до желанного моря!

Море было спокойно и величаво. Оно не высохло и не расступилось по воле божьей. Ни о каком пути по суше не могло быть и речи!

А Марсель уже в те времена был крупным морским портом южной Франции. В порту на рынках и площадях города вели торги купцы всех стран мира. «Сердобольные» купцы Гуг Феррей и Вильгельм Порк после совещания с монахами согласились за «божью плату» перевезти маленьких крестоносцев в «святые места».

Позади двухмесячный, полный лишений путь! Прощайте, осенние холода, — там, в «святых местах», вечное тепло! Измученные дети снова поверили проходимцам в черных сутанах.

Купцы отобрали самых сильных и здоровых детей, в основном мальчиков. Семь кораблей были нагружены полностью и вышли в море. Но через несколько дней плаванья у берегов Сардинии (о-в Святого Петра) флотилия попала в сильную бурю. Два корабля пошли на дно — никто не спасся. Остальные пять кораблей, сильно потрепанные штормом, прибыли в Бутин и Александрию.

И начался богатый торг — купцы Порк и Феррей продавали своих пассажиров в рабство сарацинским работорговцам!

Только один александрийский халиф купил 4000 детей, среди которых было 80 маленьких проповедников. 18 юных крестоносцев были замучены на глазах у всех детей за то, что отказались отречься от христианства.

А папа римский, узнав об этом, приказал на острове св. Петра построить церковь и назвать ее «Новые невинные младенцы». Этим «невинных младенцев», погибших ни за полушку, было почти тридцать тысяч...

Так случилось во Франции. Но были еще события и в Германии.

Начались они примерно с того же. Мальчик-проповедник Николай сперва ходил пешком в сопровождении своего отца, через некоторое время разъезжал уже в повозке, над которой возвышался крест в виде латинской буквы Т. Всюду Николай проносил страстные речи, призывая идти на «освобождение святой земли». И снова вместе с ним ходили монахи. Они сгоняли народ слушать проповеди Николая.

К концу июня в разных местах собрались большие группы детей-паломников. Одни готовили кресты, другие вышивали кресты на полотнищах и полотенцах. Монахи раздобыли церковные знамена. В каждом отряде был организован сбор продовольствия. Затем все отряды собрались в общем лагере, в окрестностях Кельна.

День настал — колонна маленьких крестоносцев тронулась в свой горестный путь.

Они шли «поповской дорогой» вдоль Рейна на Кельн. Еще при подходе к Кельну, то есть в самом начале пути, выяснилось, что значительная часть обоза с продовольствием исчезла: ее попросту украли жулики, примкнувшие к походу. Правда, один из них был опознан и убит. Но паломникам от этого не стало сытнее. Пока они шли вдоль Рейна, по Германии, им еще удавалось кое-что и кое-как достать из продовольствия. Но когда прошли Майнцу, Вормс, Шпеер, Страсбург и Базель и вошли в Альпы, здесь к мукам голода прибавились страдания от холода. Ведь все вышли в поход, одетые по-летнему, да и много ли с собой мог забрать десятилетний ребенок!

Голодные, разутые (обувь порвалась в дороге), коченея от холода, дети совершили переход через горы, преодолели заснеженный перевал

Сен-Готард, оставив в горах более 12000 трупов. В августе сильно поредевшая колонна достигла Пиаченца, а в субботу 25 августа остатки ее подошли к Генуе. Здесь решено было сделать привал на неделю. Но власти Генуи, опасаясь болезней и грабежей, не пустили юных крестоносцев в город. Местный епископ отдал распоряжение: «Детям вернуться домой». Мудрое решение — только как его выполнить? Надвигалась зима, а зимой Альпы непроходимы...

«Крестоносцы», разбившись на несколько групп, стали самостоятельно пробиваться к морю. Те, которым это удалось, были быстренько посажены на суда, увезены и проданы в рабство. Но самой большой группе, достигшей Бриндизи, не дали сесть на корабли: бриндизский епископ воспрепятствовал этому. Источенные голодом, болезнями, оборванные и обманутые, дети вынуждены были повернуть назад.

Группа мальчиков направилась в Рим. Не требовать помощи, не упрекать, нет — молить папу снять с них грех за невыполненное обещание: гроб-то господень остался неосвобожденным!

Папа не принял их. Он передал через монахов, что так и быть, согласен подождать: станете взрослыми — тогда и исполните клятву!

Издательствами, побоями и насмешками сопровождали измученных детей жители итальянских сел и городов. Некоторые врывались в колонну и насильно уводили мальчиков и девочек к себе, превращая их в своих рабов и рабынь. Но это был еще не самый худший выход, наоборот, многие отчаявшиеся дети сами просились в рабство! Остальные, менее «счастливые», погибли на обратном пути. Летописцы писали, что трупы несчастных маленьких паломников неделями лежали на дорогах, никто их не хоронил.

Когда папе римскому Иннокентию III доложили о том, что смерть пожалела цвет юности Франции и Германии, он ответил: «Дети сии упрекают нас в сонливости, между тем как души их летят на защиту «святой земли».

ГРОЗА

Лев Мочалов

Что молчало— зазвучало.
Что бы это означало?..
Только мглой заволкло
синь,
как промолвило стекло:
«Дзинь!»
И ответило ведро:
«Бом!»
Совещается хитро
дом.
Где-то бьет наобум —

бум!

Где-то бьет не попад —
бом!

Этот бом,
этот бум,
этот шум
мы корытом,
ведром
соберем!
Соглашается чердак —
так-так,
А соломенные крыши
шепчут —

тише.

И вздыхает лопух:
«Ух!»
Отзывается в кустах:
«Ах!..»
Воробей к такому
не привык,
прыгнул к дому
и сказал:
«Чирик!»

Рисунок В. Звонцова

НЕУЧЕНЫЕ—СВЕТ, А УЧЕНЫЕ—ТЬМА

Заглянешь в некоторые школьные учебники, изданные в Федеративной Республике Германии — оторопь возьмет: какой там только чепухи не понаписано. В «Истории», например, авторы ухитряются не сказать ни слова о победах Советской Армии, освободившей народы Европы от фашизма, зато фашисты выставляются чуть не героями. В «Географии» печатаются самые вздорные вымыслы о жизни в социалистических странах. Ребят заставляют учить басни о боге, лицемерные поповские наставления — и вместе с тем распространяют среди них брошюры, призывающие «делать деньги» любыми способами...

Таким, с позволения сказать, «учебникам» посвящен наш фельетон.

Над городом солнце давно на закате,
спит мальчик из Бонна на узкой кровати,
мальчишкина комната тает во мгле,
мальчишкины книжки стоят на столе:
четыре учебника
и Неучебник.
Вдруг из Неучебника
вылез Волшебник.
«Друзья, — говорит он, — мы с вами коллеги,
мы книги,
и нету нам нужды в ночлеге.
Мы можем спокойно болтать без опаски,
что кто-то услышит, как мы говорим...

Позвольте представлюсь —
Волшебник,
из сказки,
написанной добрыми братьями Grimm.
Ах, если б вы знали, коллеги Учебники,
как вас глубоко уважают Волшебники —
наука ведь вы до последнего листика,
а мы, так сказать, чепуха, беллетристика...
Ваш лозунг, коллеги, мне дорог весьма:
учение свет,
неучение — тьма!
Давайте рассказывать будем истории...
Прошу, начинайте, Учебник Истории!»

Рассказ Учебника Истории

Поскольку я — История, я имею много историй.
Сейчас я расскажу вам свою
двадцать восьмую главу,
правдиво описывается в которой
наступление Адольфа Гитлера на Москву.
В конце 1941 года наши танки
у стен Москвы закончили победоносный бег.
Трусливые русские удирали, усевшись на санки.

Но тут, к сожалению, пошел очень холодный снег.
Так что ни фюрер и никто из его солдат
не виновны в том, что Москва не была взята,
очевидно.
Москву, как правило, не берут, когда начинается
снегопад,
так как снег идет настолько густой, что Москвы
не видно.

Рассказ Учебника Географии

Мне ведомо все, что имеется в мире.
Хотите, к примеру, рассказ о Сибири?
В параграфе сотом о ней говорит
известный у нас путешественник Шмидт:
«Сибирцы, не ведая пищи другой,
питаются только зеленой ТАЙГОЙ.
Из той же ТАЙГИ они варят подчас

напиток под странным названием КВАС.
То с КВАСОМ ТАЙГА, то всухую, без КВАСА,
а больше — ни хлеба, ни рыбы, ни мяса.
Я слышал, как бедные пели малютки
на белых дорогах той зимней страны:
«На-ши бед-ны-е же-луд-ки
бы-ли веч-но го-лод-ны».

Песенка Учебников „Христианская мораль“ и „На смену отцу-бизнесмену“

(Один из них пел лишь две первые строчки,
другой допевал остальное до точки.)

1

Дающему в долг воздается сторицей.
Коль друг ваш в беде, помогайте ему...
А ежели, все-таки, он разорится,
Тащи за долги в долговую тюрьму.

2

Не пейте вино или мерзкую водку,
Тогда в небесах уготован вам рай...
Сожми по сильнее сопернику глотку
И водку, дороже, чем он, продавай.

3

А если ударят вас в правое ухо,
Вы левое тотчас подставьте в ответ...

И тут же лупи кулаком его в брюхо,
Зажав в кулаке поострее кастет.

* * *

Волшебник лишь вопль возмущенья издал:
— О боже, мошенники, кто вас издал?!

Ответили книги в обиженном тоне:

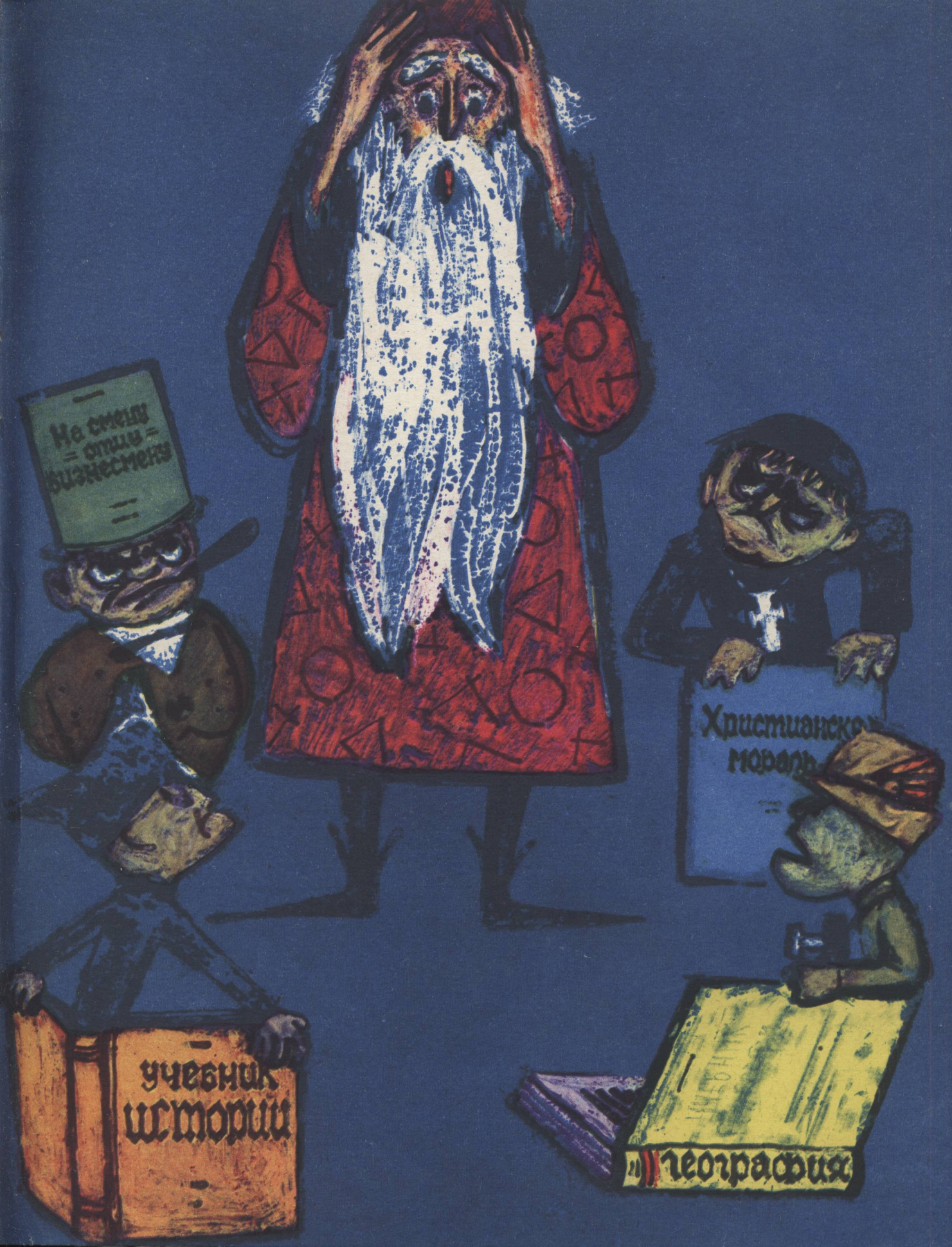
— Мы изданы в Бонне...

— Мы изданы в Бонне...

Тогда сказал волшебник им,
прикрыв обложку-дверь:

— Как хорошо, что братья Grimm
не видят вас теперь.

Мне кажется, что гибнет свет,
что я схожу с ума,
что неученье — это свет
и что ученье — тьма!

На смелъ
= отъль =
бизнесменъ

учебник
истории

Християнско
моралъ

география

ВНИМАНИЕ, МАЛЬЧИШИ!

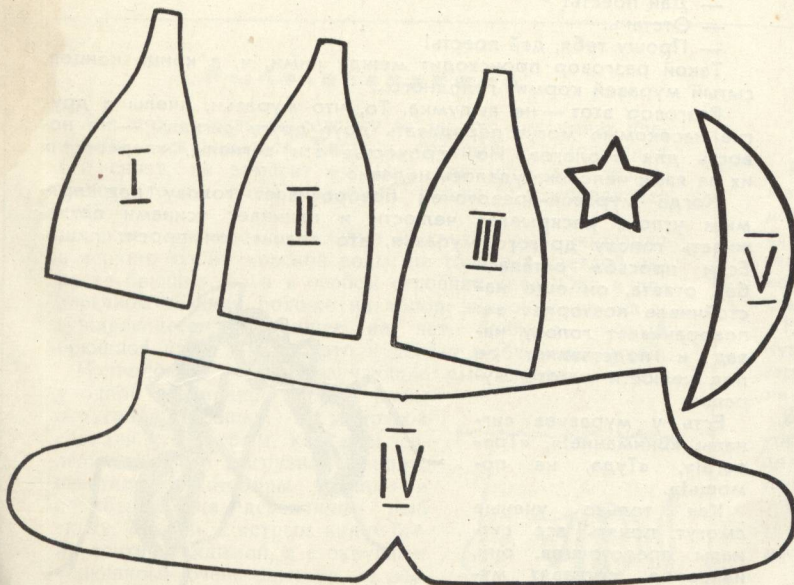
Скоро наступит лето. Вы наверняка готовитесь к дальним походам и увлекательным военным играм. Где бы ни проводились такие игры — в деревне или пионерском лагере — они будут гораздо интереснее, если вы сделаете для себя не только игрушечные сабли, ружья и пулеметы с трещотками, но и знаки различия, погоны, полевые сумки, сошьете воинские головные уборы. А девочки вам обязательно помогут.

Буденовка

Буденовка шьется из плотного материала (палатка, рогожка, пионер-сукно, шерсть) защитного, темно-серого или синего цвета. Она состоит из деталей, которые вы видите на чертеже. I, II, III — это детали основы головки, IV — башлычок, который может быть опущенным (см. рис. 1) или заворачивается так, как показано на рис. 2. V — козырек и звездочка. Звездочка делается из красного материала: сукна или плотной шерсти.

Каждая из этих деталей выкраивается дважды. I, II, III и соответствующие им части другой стороны головки сшиваются вместе боковыми частями так, чтобы I-е были спереди, II-е по бокам, а III-и сзади. Затем две детали IV надо сшить по боковым и нижним сторонам, вывернуть, отпарить и верхней стороной пришить к головке так, чтобы зарубка совпала со швом, соединяющим III-и детали. После этого козырек, который вы выкраиваете тоже дважды, надо сшить по круглой стороне, вывернуть, прострочить несколько раз и пришить к основе-головке спереди. Если материал, из которого шьется буденовка, не очень плотный, в козырек можно проложить холст.

Основа буденовки готова. Теперь вам остается вшить подкладку (I, II и III детали, выкроенные дважды и сшитые так же, как верх) и вырезать и пришить звездочку строго по шву, соединяющему I-е детали.

Масштаб 1:6

Пилотка

Пилотку («испанку») сшить еще проще. Для этого нужно взять 25 см (при ширине 60 см) ткани, лучше шерстяной (но можно и сатина), и 15 сантиметров сатина или бязи на подкладку. Ткань перегибается по долевой нитке и детали, показанные на чертеже, выкраиваются так, чтобы линия передка совпала со сгибом. Затем пилотка сшивается сверху и сзади. К ней пришиваются вдвойне выкроенные и сшитые отвороты. Подкладка выкраивается так же, как основная часть пилотки. К переднему верхнему углу готовой пилотки прикрепляется яркая кисточка.

Пилотку можно отделать цветным кантом, который вшивается в верхний край бортика-отворота.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ВЫ ПРОЧТЕТЕ, КАК СДЕЛАТЬ:

- Полевой телефон.
- Световой телеграф.
- Сигнальную насадку для карманного фонарика.
- Трещотки к пулеметам.
- Самодельный перископ.
- И многое другое, необходимое для военной игры.

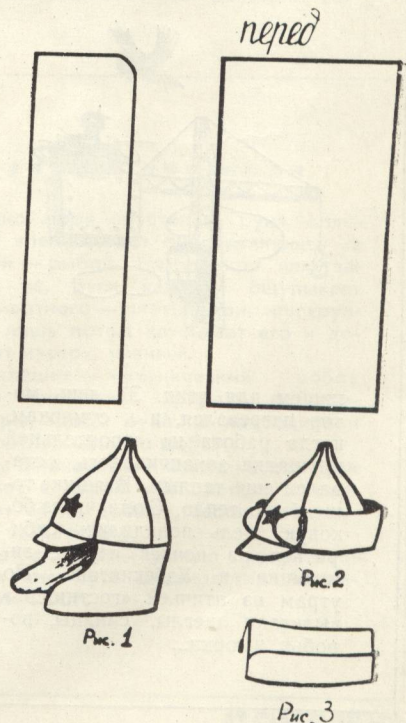
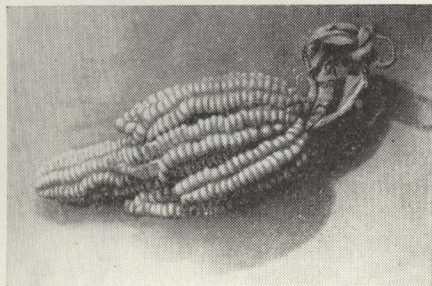

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

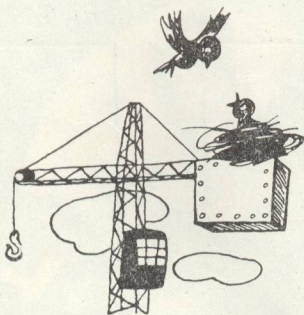
Ветвистая кукуруза

На снимке не обыкновенный, гладкий початок, а ветвистый. Благодаря этому в нем больше зерен чем в обычном. Такие экземпляры могут стать родоначальниками новых, более урожайных сортов кукурузы. Поэтому важно, чтобы каждый диковинный початок попадал в руки агронома.

фото О. Карышева

„Птичья гостиница“

Деревянный ящик для инструментов, прикрепленный к обшивке мотора строительного крана, стал пристанищем для птиц.

За день мотор нагревался, и к сумеркам, когда работа на строительной площадке заканчивалась, оставался еще теплым. В ящике тоже было тепло. Сюда через боковую щель повадились собираться на ночлег птицы, зимующие в Узбекистане. По утрам из птичьей «гостиницы» вылетали щеглы, синицы, воробьи, вьюрки...

Пластик вместо чугуна

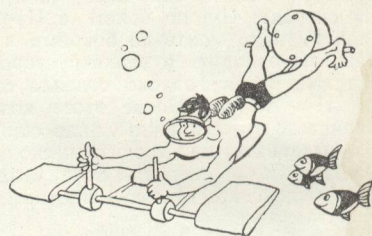
1964 — год рождения лоринита. Это новый пластик, созданный советскими химиками. В семье полимерных материалов «прибыло полку». Лоринит может соперничать с цветными металлами, чугуном и даже сталью.

Подводный мотоцикл

Управлять таким мотоциклом может только аквалангист, одетый в легкий водолазный костюм. Водолаз погружается в воду вместе со своей «машиной». Она, правда, скорее напоминает самолет, чем своего дорожного собрата: сконструирована из пустотелой обтекаемой плоскости — крыла, с двумя ручками на верхней его стороне. От ручек идут рычаги для управления двигателем и рулями горизонтального и вертикального поворота. На корпусе двигателя — два упора для ног. Двигатель работает от действия сжатого воздуха, заключенного в плоскости.

Быстрому движению мотоцикла способствует то, что вес его равен весу вытесненной воды. Мотоцикл находится в невесомости, и его скорость может даже превышать скорость надводных судов.

Подводный мотоцикл сконструирован американскими инженерами.

Разговаривают ли муравьи?

На узенькой лесной тропинке повстречались муравьи:

- Дай поесть!
- Отстань.
- Прошу тебя, дай поесть!

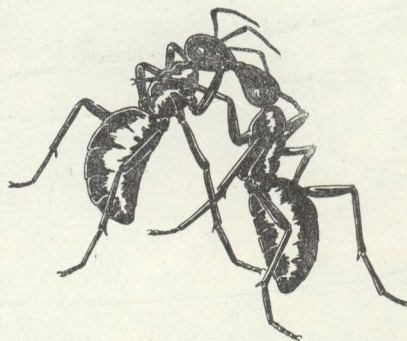
Такой разговор происходит между ними, и, в конце концов, сытый муравей кормит голодного...

Разговор этот — не выдумка. То, что муравьи, пчелы и другие насекомые могут передавать друг другу сигналы, — не новость для зоологов. Но «прочитать» эти сигналы, «перевести» их на язык человека удалось недавно.

Когда муравей-древоточец поворачивает голову под прямым углом, раскрывает челюсти и начинает усиками поглаживать голову другого муравья, это значит, он просит пищи. Если просьба осталась без ответа, он еще настойчивее повторяет ее: поворачивает голову назад и подставляет ее под челюсти сытого муравья.

Есть у муравьев сигналы «Внимание!», «Тревога!», «Туда, на помощь!».

Как только ученые смогут понять все сигналы древоточцев, они, наверное, составят муравьино-человечий словарь.

Человек учит дерево петь

Обычные фанерные пластины могут быть не лишены музыкальных «способностей».

В фабричной лаборатории в абсолютной тишине простукивают металлическим шариком фанерные листы в десятках точек: ищут самые певучие. Наконец найдены точки, где дерево звучит особенно хорошо. Теперь мастеру остается развить музыкальность будущей гитары. На эти точки наклеивают небольшие дощечки, так называемые пружины. Они как бы сливают воедино все музыкальные точки, придают силу звуку.

С помощью приборов проверяют музыкальность гитары, настраивают ее...

Когда у нас в стране гостила бразильская гитаристка Мария Луиза Анидо, она побывала на фабрике, о которой идет речь. Ее попросили сыграть на этой гитаре.

— Она звучит гораздо лучше, чем моя собственная, концертная, сделанная из палисандрового дерева в Америке, — сказала Анидо.

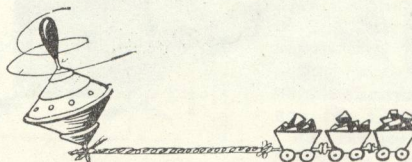
Лучше прежнего

Агрономам и геологам, врачам и химикам нужно бывает обнаружить в каком-нибудь растворе совсем незначительную долю примеси. Обнаружить для того, чтобы потом очистить раствор. Существуют приборы, без которых невозможно обойтись в этих случаях. И с каждым годом нужны все более точные приборы. Недавно ленинградские конструкторы предложили прибор очень высокой чувствительности: среди миллиардов атомов чистого вещества он способен «поймать» несколько атомов чужого — примеси. Новый прибор гораздо чувствительнее прежних.

Гировоз в шахтах

В некоторых шахтах много метана — газа, который в смеси с воздухом легко взрывается. Поэтому в таких шахтах электровозы непригодны. Пришлось электровозы заменить гировозами. По-гречески «гирос» — кружусь. Свойство волчка сохранять инерцию движения присуще не только игрушкам...

На конечной остановке в шахте массивное колесо — маховик — раскручивается специальным двигателем, и гировоз едет километра полтора по

штрекам до другой конечной остановки. И не только сам, но и вагонетки тянет за собой.

На многих шахтах Донбасса уже работают гировозы.

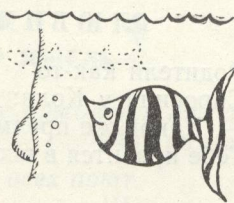
Рыба-невидимка

Так можно назвать селедку за то, что она умеет прекрасно маскироваться. Хищник, который подбирается к ней снизу, не заметит ее. Она для него невидимка. Сквозь толщу воды видит он только просвечивающее небо.

Секрет маскировки селедки и других рыб, живущих в верхних слоях морской воды, не только в светлой окраске брюшка, но и в особом строении тела. Оно в поперечном сечении похоже на топор: широкая спинка и суживающееся, сходящее на нет брюшко — острый брюшной киль. Именно это и делает рыбу невидимкой.

Ихтиологи — ученые, изучающие рыб, провели опыт:

у одной деревянной модели рыбы округлили брюшко, а у другой сделали его острым, как киль селедки. Модели погрузили в воду, осветили со стороны «спины» и посмотрели на деревянных рыб снизу. Модель с острым килем была почти невидимой, а с округлым «брюшком» очень заметна, ее выдавала резкая черная тень.

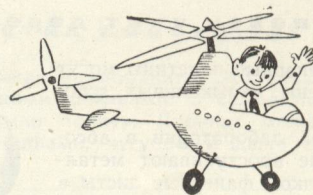
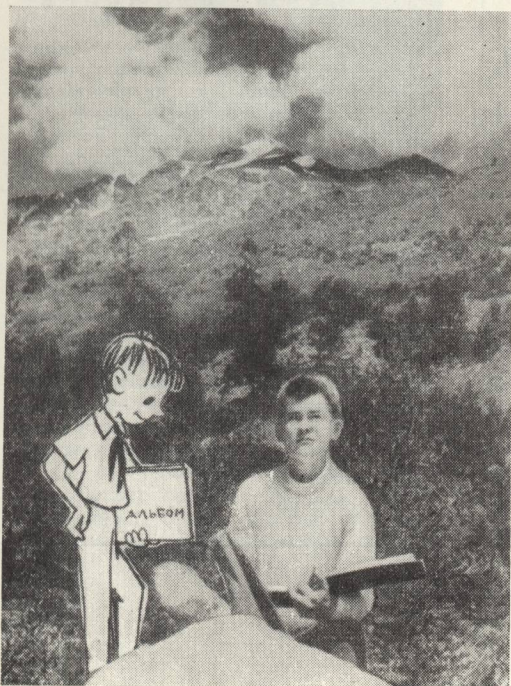
Рука на дне моря

На дно моря опустилась рука, похожая на клешню. Вот она потянулась за добычей — рыбой. Но прежде чем захватить ее, рука как бы ощупывает тело животного — плотное оно или хрупкое. И лишь потом зажимает его и доставляет наверх, ученым.

Рука-клешня — механический робот. Чувство «осязания» придали ей конструкторы, чтобы рука не повредила и не испортила ценную добычу.

Всеми движениями механической руки управляет с корабля оператор. Он нацеливает ее на добычу, заставляет ощупывать, захватывать.

Такого робота — «умную руку» создали в институте океанологии Академии наук СССР.

«Привет!» — сказал КОСте его старый друг Мухамед Хафифеф, когда КОСтя приземлился в его родной Кабардино-Балкарии, в селе Заюково.

«Не скажешь ли, Мухамед, — спросил КОСтя тоном знатока, — сколько рубашек можно сделать вон из той белой горы. Или хотя бы вон из той, поменьше?..»

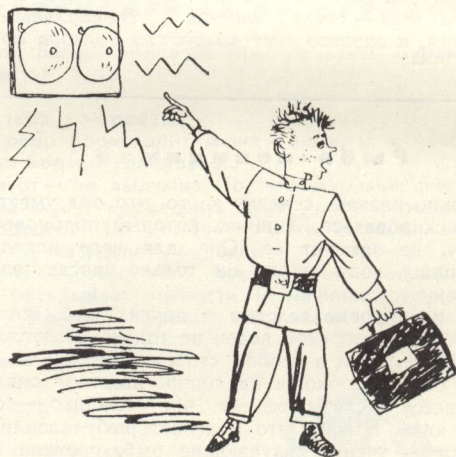
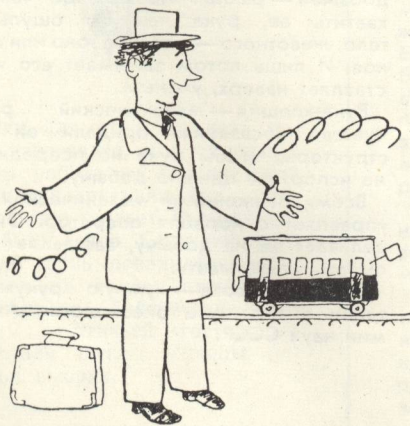
«Из наших гор рубашек не сделаешь, — сказал Мухамед. — Они каменные и покрыты сверху холодным снегом. Но внутри в них много ценных руд и минералов. От этого они кажутся мне еще красивее, и я так люблю их рисовать».

«Дай мне на память рисунок, Мухамед», — сказал КОСтя. — «Я только вчера отослал свои новые рисунки в Ленинград в «Костер» на конкурс КЮКа», — сказал Мухамед.

И КОСтя полетел домой, на родную шестьдесят четвертую страницу.

ЧУДАК

Узнав, что порою
Последний вагон,
Сорвавшись со сцепки,
Летит под уклон,
— Как странно! —
Сказал в изумлении он,
— Зачем прицепляют
Последний вагон?

ЛЮБИМЫЙ ПРЕДМЕТ

Родители как-то
Спросили у Коли:
— Какой же предмет
Тебе нравится в школе?

Минутку подумав,
Ответил сынок,
Что лучшим предметом
Считает... звонок.

Э. Островская
Рисунки О. Земцова

СКАЗОЧНИК И ЛАВОЧНИК

Доброй улыбкой провожали обычно жители датской столицы нескладного человека в смешном поношенном пальто странного фасона, какие в Копенгагене не носил больше никто. Все датчане знали, что их любимый сказочник Ганс Христиан Андерсен — очень рассеянный человек, — не обращает никакого внимания на свой костюм.

И только один копенгагенский лавочник, которого справедливо недолюбливали все бедняки, жившие в его квартале, попытался однажды посмеяться над замечательным писателем.

В это утро, надев по случаю воскресенья свой самый дорогой костюм и с важным видом прогуливаясь по улице, он остановил Андерсена и ехидно его спросил:

— Скажите, пожалуйста, господин сказочник, а тот ни на что не годный предмет, который у вас на голове, вы что же — ха-ха-ха! — называете шляпой?

На что писатель, не потеряв спокойствия, отвечал:

— Скажите, пожалуйста, господин лавочник, а тот ни на что не годный предмет, который у вас под шляпой, вы называете головой?

БЕЗ ПРИСЛУГИ

Известный польский писатель и художник прошлого столетия Циприан Норвид много лет прожил в эмиграции, во Франции. Здесь ему приходилось немало работать: рисовать, писать стихи, поэмы, рассказы и даже пьесы.

Однажды в мастерскую Норвида заглянул один его старый знакомый, богатый польский помещик, путешествовавший по Европе. Он застал художника за работой — у мольберта, на котором стояла неоконченная картина.

Помещик с недоверием оглядел небогатую мастерскую, всю заваленную этюдами, сочувственно посмотрел на художника, забрызганного краской, в поношенном грязном халате, подозрительно взглянул на неоконченную картину, и, наконец, осторожно спросил:

— Скажи мне по совести, неужели все это ты сам нарисовал?

— А что делать, — притворно вздохнул Норвид. — Ведь у меня нет лакея, вот и приходится рисовать самому...

Вот это мысль!

У кого хорошая голова, тот не нуждается в красивой шапке.

Французская поговорка

Самые нарядные птицы хуже всех поют.

Шотландская поговорка

Бородатый человек — не обязательно мудрец.

Плутарх

Лет пятьдесят назад, уважаемые читатели, в мире существовало очень много маленьких государств, из числа которых в наши дни существует лишь несколько. В журналах той поры то и дело попадались забавные заметки о жизни государств-карликов.

Вот заметка из журнала «Задушевное слово» № 32, за 1914 год:

«В герцогстве Мекленбургском жители отличаются наивностью и простодушием. Однажды, например, рыбаки города Тетерова поймали огромную щуку. «Эта щука достойна герцогского стола!» — решили они и понесли рыбу во дворец. Но герцог в это время путешествовал за границей. Рыбаки стали придумывать средство сохранить до его возвращения лакомое блюдо. В конце концов было решено выпустить рыбу обратно в озеро в том же месте, где она была поймана. Чтобы не забыть это место, там воткнули в дно длинный шест и прикрепили к нему дощечку с надписью: «ЗДЕСЬ ПЛАВАЕТ ЩУКА, ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ ДЛЯ ГЕРЦОГА».

Забавно, не правда ли? Только мне кажется, что наивностью и простодушием отличались сотрудники журнала «Задушевное слово», которые не поняли или не захотели понять, что рыбаки просто подшутили над герцогом-лакомкой.

В. А.

Сидеть и однообразно передвигать по доске эти круглые деревянные? Вот еще! Шахматы — другое дело. Тут и кони и короли! А слова-то какие! «Шах», «ферзь», «рокировка»...

Я победил в турнире школы, удачно сыграл в районе и попал в школьный чемпионат Киева. Мои скромные успехи вскружили мне голову, и я решил, что должен стать первым шахматистом мира. Однажды в порыве откровения я открыл свои честолюбивые замыслы моему приятелю — Коле Игнатьеву. И что же? Он,

правился побродить по Дворцу. Увидев в соседней комнате демонстрационную шахматную доску, я подсел к ребятам, ожидавшим руководителя. Вслед за мной зашел какой-то человек и, к моему разочарованию, принялся расставлять... шашки. Я начал ерзать и поглядывать на дверь, прикидывая, как бы тихонько и незаметно улизнуть. Но сидевший рядом старший мальчишка щелкнул меня и прошипел:

— Замри, несчастный! Ты меня знаешь? Еще нет? Твое счастье! Я сегодня дежурный...

чемпионата уже не привлекал меня. Шашки! Вот что завладело моим воображением.

— Эх ты! — упрекал меня Коля. — А я-то тебе верил: «давай тренироваться... будем чемпионами... Предатель!

— Никакой я не предатель, — оправдывался я. — Все равно нам было бы не разойтись на узенькой дорожке. А теперь тебе же лучше: избавился от главного конкурента.

В шашечную группу меня принять не хотели: она уже уком-

оказывается, тоже подумывал об этом! Мы тут же заключили «джентльменское соглашение»: когда кто-либо из нас станет чемпионом мира, он не будет чинить препятствия другому в вызове на матч... Пока же, готовясь к первенству школьников, мы непрерывно оттачивали в боях между собой «страшное оружие» — королевский гамбит.

Наконец во Дворце пионеров открылся долгожданный турнир. Я начал успешно, но тут случилось непредвиденное. Однажды мой противник опоздал и я от-

Пришлось подчиниться. От нечего делать я стал смотреть на доску. Руководитель показывал шашечные комбинации. Никогда раньше я не испытывал такого наслаждения! Все выученные варианты королевского гамбита я отдал бы за то, чтобы самому провести в партии что-нибудь подобное. Особенно, помню, меня поразила одна, где белые ради победы из своих восьми шашек отдавали семь. Я был сражен! Я потерял всякую охоту продолжать турнир. Ореол шахматного

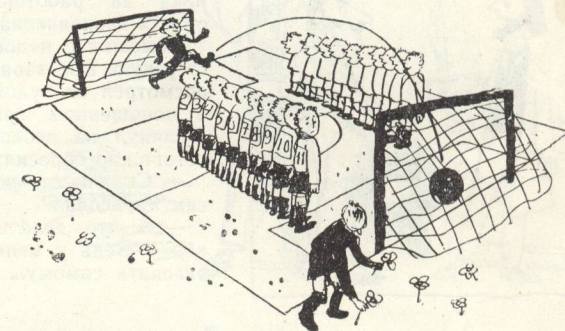
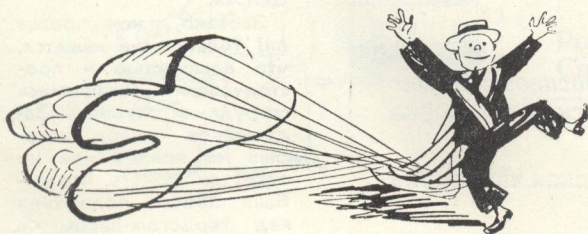
плектована. Однако отделаться от меня было не так-то просто. Я начал повсюду, как тень, ходить за руководителем, Семеном Яковлевичем Натовым, и просить, чтобы меня записали. Встречал его у дверей перед занятиями. Ожидал пока занятие окончится и опять принимался надоедать своими просьбами. Через некоторое время он стал жаловаться:

— Что за липкий мальчик! Я из-за тебя ничего делать не могу! Это уже предвещало капитуляцию, и я повел осаду еще на-

НАХОДЧИВЫЙ БОЛЕЛЬЩИК

30 лет назад перед футбольным матчем СССР — Турция, достать билет на который не было никакой возможности, один изобретательный болельщик спустился на московский стадион «Динамо» на парашюте!

КОЛЛЕГИ

Далеко не каждому нападающему удавалось забить мяч прославленному вратарю Льву Яшину. Одним из таких «счастливых» оказался... вратарь, ленинградский динамовец Зураб Шехтель. В 1950 году во время матча со столичными одноклубниками он с такой силой выбил мяч из своей штрафной площадки, что тот, пролетев через все поле и миновав Яшина, опустился в сетке ворот.

играть в шашки“

стойчивее. Вскоре меня приняли в группу. В шахматно-шашечном клубе Дворца мы старательно изучали теорию, разбирали партии мастеров. Чтобы достичь успеха, нужно много работать...

Однажды в нашем клубе появился маленький мальчик, который с тех пор стал приходить ежедневно. Он с равным увлечением играл и в шахматы и в шашки и пользовался особым расположением Константинопольского — руководителя шахматной группы.

уже выполнил норму мастера спорта. Теперь при встречах с ним я всегда с невольной улыбкой вспоминаю, какая густая черная шевелюра была у «малютки» и как он, обдумывая ходы, непрерывно крутил пальцем завитой хохолок на лбу.

Занимались мы вовсю, так что в нашем клубе выросло немало хороших шахматистов и шашкистов. Команда Дворца уже представляла в городе грозную силу и, когда нас допускали в первенство Киева, именно она оказы-

Дворце был устроен праздник, на котором мы торжественно чествовали наших героев.

В 1938 году большой чести удостоился и я. Меня включили в состав команды Дворца, представлявшей Киев на первенстве страны среди школьников: я «прикрывал» шашечную доску.

На этот турнир съехалось много ребят, ставших впоследствии известными мастерами: Вася Смыслов, Юра Авербах, Марк Стольберг, Фима Столяр, Оля Игнатъева, Ваня Козлов, Абрам

— Из этого мальчика выйдет толк! — утверждал он.

Сначала мы называли новичка «малютка», а потом, с чьей-то легкой руки, за ним укрепилось прозвище «Малюта Скуратов». Вскоре Натов потребовал от него:

— Хватит тебе разбрасываться. Выбери что-нибудь одно.

«Малюта» остановился на шахматах. Последовали быстрые успехи, первые места в чемпионатах Дворца и турнирах взрослых, а в 16 лет Давид Бронштейн

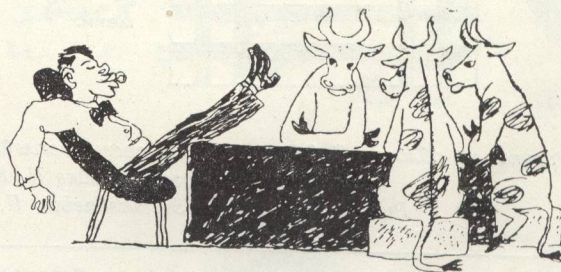
валась на первом месте. Иногда нас по этой причине кое-кто из соперников предлагал не включать в соревнование.

В то время выполнить норму для получения первого разряда было очень трудно, особенно ребятам, так как в личном первенстве города нас не допускали. В течение долгого времени во Дворце не было ни одного перворазрядника. Когда двое ребят — Лева Голдфельд и Коля Заноздра — первыми получили это высокое для нас звание, во

Виндерман и другие. Мне удалось разделить с минчанином Сашей Бороком первое-второе места, но первое присудили ему. Все же я был очень рад: мне присвоили первый разряд. Справку об этом я до сих пор бережно храню, хотя мне давно уже «выписали» гроссмейстерский билет. А когда кто-нибудь спрашивает меня: «Что это за бумажка?» рассказываю о том, что вы сейчас прочитали.

ПОЛОСАТЫЕ БОЛЕЛЬЩИКИ

Аргентинские любители футбола, пожалуй, самые горячие в мире. Свое пристрастие к той или иной команде они зачастую проявляют в необычной форме. Например, когда чемпионом страны стал клуб «Бока Хуниорс», наиболее ревностные почитатели этой команды острились наголо и раскрасили головы голубыми и желтыми полосами — под цвет футбольной формы своего клуба.

КОРОВЫ ПОЗАВИДУЮТ

Тринадцатилетний Уолтер Рэббит из американского города Сан-Педро добился триумфа на «первенстве земного шара по жеванию резинки». Две недели, сидя перед авторитетной судейской комиссией, Уолтер равномерно двигал челюстями. На пятнадцатый день мальчик потерял сознание. А взрослые дяди с серьезным видом нацепили ему на шею лавровый венок чемпиона.

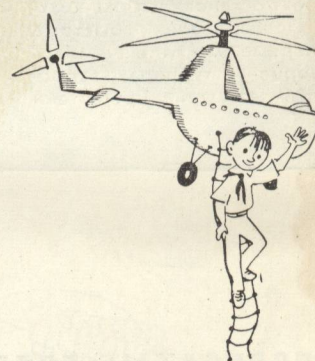

Пролетая над подмосковным городом Химки, КОСТЯ ТЕРКИН увидел костры, разложенные на большом пустыре. «Сигнал посадки», — смекнул КОСТЯ и посадил свою машину прямо в толпу химкинских пионеров. Костры и впрямь имели отношение к посадке. Только к посадке деревьев. Пионеры сажали пионерский сад, а в кострах сжигали мусор. Разыскал КОСТЯ среди них и авторов снимка — Максима Кранса и Витю Маслова...

А дома, в «Костре», КОСТЮ ТЕРКИНА ждали еще сто писем. Сто писем с рисунками на конкурс. Некоторые из них напечатаны рядом, на цветной странице.

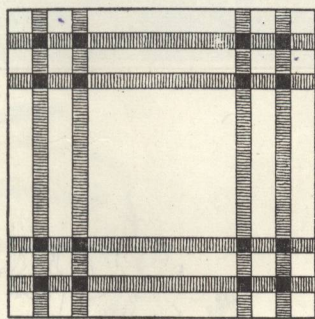
КОСТЯ очень устал за этот день, он позвонил на аэродром и попросил разрешения вернуть нарисованный в долг вертолет завтра утром. «Не надо, — сказал летчик. — Командование решило передать этот вертолет тебе в постоянное пользование. Бери. Пригодится.»

Так вертолет остался на этой странице.

Ребята!

**С победителями
конкурса юнкоров
вы познакомитесь
в Костре № 7.**

ХИТРЫЙ ПЛАТОЧЕК

На первый взгляд платочек совсем простой. А попробуйте-ка посчитать, сколько здесь квадратов. Запаситесь терпением — на подсчет уйдет немало времени.

Рисунок на обложке Т. Оболенской. На третьей вклейке рисунок Ю. Галецкого.
Рисунок на четвертой вклейке Н. Кустова.
Рисунки к Морской Энциклопедии И. Ризнича.

Редактор В. В. Тороньгин

Редакционная коллегия: Т. А. Буценко, Б. И. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернышова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор
А. А. Дворянская

М-21470. Подписано к печати 17/IV 1964 г.
Тираж 288 500 экз.

Формат 84×108¹/₃₂.

Заказ № 214.

Печ. л. 8+1 вкл.

6,56. усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 коп.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой «Главполиграфпрома»
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Похождения Вити Задиранова

Приветчик

От скуки

приятная минута

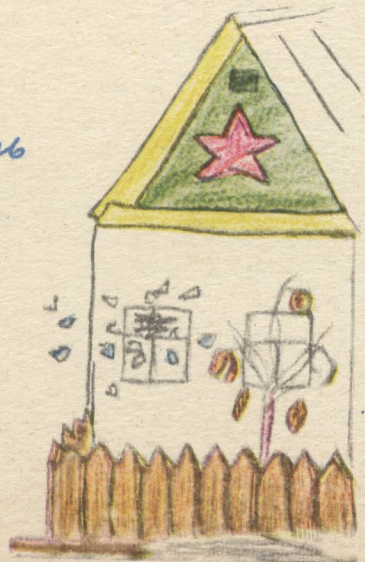
Его любимая игра в уеньи

хвост к хвосту и по горбу

Его место врагу

Его...

Эти карикатуры прислал на конкурс юнкоров Павлик Франц из поселка Денисовка Кустанайской области.

